

РУССКАЯ РЕЧЬ

Научно-популярный журнал

Института русского языка Академии наук СССР

Основан в 1967 году · Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука» · Москва

№ 6 1970 ноябрь—декабрь

В. Я. Дерягин. Фридрих Энгельс и Россия . . . 3

ВЫДАЮЩИЕСЯ РУССКИЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

И. С. Улуханов. Алексей Александрович Шахматов 10

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. С. Федотова. Чудо лирического преображения 16

К 150-ЛЕТИЮ А. А. ФЕТА

Н. П. Сухова. Раскрепощенность слова 23

Л. Озеров. Три заметки о Фете 29

Д. Д. Благой. Грамматика поэзии 37

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. Н. Кузнецова. Так говорят в Малом театре . 47

В. Д. Бондалетов. Русские имена в XX веке . . 51

А. С. Музыченко. Ударение на предлогах . . . 56

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

Н. Е. Бахарев. Заголовку — однозначность . . . 60

ТЕРМИНОЛОГИЯ

В. П. Даниленко. О грамматических особенностях терминов-существительных 63

ГРАММАТИКА

- С. Н. Дмитренко. Как из одного корня могло получиться несколько 66
-

ШКОЛА

- Л. Я. Маловицкий. Школьнику о языкознании 69
С. А. Иванов. Как исправить ошибки... орфографии? 73
-

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

- М. Ш. Ширалиев. Тюркские языки СССР 77
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

- Н. В. Попова. Ночь 82
Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения 85
Ю. С. Еще раз про трезвон и треволнение 91
Г. Ф. Одинцов. Бахмат 94
И. Г. Добродомов. Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте 96
-

СТАРЫЕ КНИГИ

- С. А. Скворцова. Русские просветители детям 101
Для сердца и разума 106
-

КОНСУЛЬТАЦИИ

- Словарь эпитетов 111
Народные названия рыб 114
-

- ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»** 116
-

- Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1970 год 126
-

*На обложке: Фридрих Энгельс
Гравюра Ю. И. Космынина*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И РОССИЯ

...имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему...

В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. 1895

В 1920 году в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Владимир Ильич Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Ев-

ропы. Благодаря вынужденной паризмом эмигрантнице, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» (Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 8).

Знакомство русского читателя прошлого века с произведениями

Маркса и Энгельса относится к той поре, «когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, когда их воззрения в мире еще были «совершенной новостью» (В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 6). Почти буквальный перевод юношеской работы Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение» (1842) представляла собой статью «Германская литература», опубликованная в 1843 году в журнале «Отечественные записки». Это произведение, содержащее критику мистицизма Шеллинга и реакционной направленности идеалистической философии Гегеля, получило высокую оценку В. Г. Белинского. В письме к Герцену от 26 января 1845 года выдающийся представитель русской революционной демократии рассказывал о впечатлении, которое произвело на него чтение статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права», напечатанной в «Немецко-французском ежегоднике» (Париж, 1844).

Труды создателей теории научного коммунизма живо интересовали передовых представителей русского общества. В 1860 году К. Маркс писал: «В России моя книга [«К критике политической экономии»] вызвала большой шум, и один профессор прочел о ней в Москве лекцию. Кроме того, я получил множество дружеских писем по поводу нее от русских и от знающих немецкий язык француз» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 465). В 1861 году в журнале «Современник», который редактировали тогда Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, была напечатана статья Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», предоставлявшая возможность русскому читателю оз-

накопиться в изложении, а местами и в дословном переводе, с книгой Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1844—1845). Вокруг этой книги в русской печати развернулась горячая дискуссия.

Популярность в русском обществе первого тома «Капитала» побудила одного из передовых русских издателей Н. П. Полякова, близкого к Чернышевскому, уже на следующий год после выхода в свет этого труда на немецком языке поручить друзьям Маркса и Энгельса Г. А. Лопатину и Н. Ф. Даниельсону перевод книги на русский язык. В письме к Энгельсу от 4 октября 1868 года К. Маркс писал: «Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга будет издана в Петербурге в русском переводе» (т. 32, стр. 140). Россия была первой страной, на языке которой в 1872 году вышел перевод «Капитала». В письме к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 года К. Маркс отмечал, что «Капитал» в России «больше читают и ценят, чем где бы то ни было» (т. 34, стр. 380).

«Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, составивший эпоху в мировом революционном движении, был впервые опубликован по-русски в Женеве в 1869 году, а в 1882 году, в переводе Плеханова, было осуществлено второе, научное издание «Манифеста». В предисловии к этому последнему, положившему начало широкому распространению идей «Манифеста» в России, Маркс и Энгельс подчеркивали, что «...Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе» (т. 19, стр. 305).

●
. Глубоким и всесторонним был интерес Маркса и Энгельса к России —

к ее народу, языку и литературе, общественно-политической жизни и экономическому развитию, к ее богатой героическими событиями истории. «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением, поддерживали сношения с русскими революционерами» (В. И. Ленин, ПСС, т. 2, стр. 13).

В нескольких томах «Хронологических выписок» К. Маркса значительное место уделено истории нашей родины — от периода Киевской Руси до новейшего времени. Среди прочитанных Марксом и Энгельсом книг были сочинения Карамзина, Соловьева, Костомарова, Беляева, Сергеевича и ряда других историков. Оценка роли России в мировой истории, данная Марксом и Энгельсом в частных высказываниях и обобщающих работах, составляет методологическую основу современной советской исторической науки.

Ф. Энгельс в предисловии к III тому «Капитала», особо отмечая громадный интерес Маркса к русским изданиям, посвященным аграрным отношениям в России, указывал: «Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной репте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда» (Соч., т. 25, ч. I, стр. 10). В письме к П. Л. Лаврову от 28 января 1884 года Ф. Энгельс сообщает, что библиотека Маркса «содержит очень важные материалы о современном социальном положении в России. Там собрано почти все, что вышло из печати» (т. 36, стр. 83).

В письме к Ф. А. Зорге от 29 июня 1883 года Энгельс заметил образно, что в этой библиотеке «по одной только русской статистике более двух кубических метров книг» (т. 36, стр. 41).

Замечательную страницу политической биографии Маркса и Энгельса составляет их личное общение с представителями русского революционного движения, поддержка, оказываемая ими русским революционерам в борьбе против жандарма Европы — царского самодержавия.

«Оба они сделали социалистами из демократов, и демократическое чувство ненависти к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в политическом отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отклик» (В. И. Ленин, ПСС, т. 2, стр. 13).

К. Маркс и Ф. Энгельс вели оживленную переписку, встречались с русскими политическими деятелями — П. В. Анненковым, Н. Д. Сазоновым, А. А. Серно-Соловьевичем, Н. И. Утиным, Г. А. Лопатиным, В. И. Засулич, Г. В. Плехановым и многими другими представителями русской революционной эмиграции. В ответе членам Русской секции I Интернационала Маркс писал: «Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном совете» (Переписка

К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 38).

•

Явление повстине поразительное представляют собой историко-культурные и специально филологические занятия Ф. Энгельса. О знании им материала самых различных, в том числе и редких языков, можно судить по некоторым письмам его к Марксу. В письме от 6 июня 1853 года Энгельс сообщает, например, о своих занятиях персидским языком (т. 28, стр. 222); 4 ноября 1859 года пишет о том, что «совсем увяз» в Библии Вульфилы (перевод Библии на готский язык), завершая изучение готского языка, и здесь же — о том, что в ближайшее время он намеревается перейти к древненорвежскому и англосаксонскому (т. 29, стр. 406). Из письма, датированного 20 мая 1863 года, Маркс узнает, что его друг читает по-сербски народные песни, изданные Вуком Караджичем (т. 30, стр. 284). 3 марта 1869 года Энгельс пишет, что теперь он разбирает старотландский отрывок (т. 32, стр. 215), а 28 марта того же года упоминает о своей работе над голландско-фризскими языками (т. 32, стр. 229), 19 января 1870 года — о попытках читать по-ирландски (т. 32, стр. 349). 9 июня 1893 года (на семьдесят третьем году жизни!) Энгельс пишет в редакцию болгарского «Социал-Демократа» о занятиях своих болгарским и румынским языками (т. 22, стр. 424). Едва ли стоило бы здесь упоминать о прекрасном владении Энгельсом классическими латинским и греческим, современными английским и французским.

Поль Лафарг в одном из своих писем сообщал об Энгельсе: «Он знает

не только литературные языки, но и диалекты, например, ирландский, и старые наречия, как провансальское, каталанское. И его знание языков далеко не поверхностное. В Испании и Португалии я читал его письма, написанные к тамошним товарищам, которые находили, что они написаны на прекраснейших испанском и португальском языках, и я знаю, что он пишет по-итальянски» (Письмо Ник.-ону. Летописи марксизма III. 1927, стр. 115).

Германское языкознание, наука чрезвычайно богатая исследованиями и в XIX веке и теперь, обязана Ф. Энгельсу важнейшей в методологическом отношении и удивительной по части мастерства лингвистического анализа работой «Франкский диалект» (1881—1882). Впервые изданная на немецком и русском языках в Москве в 1935 году, она, по определению диалектолога и историка немецкого языка Т. Фрингса, одного из крупнейших германистов современности, «во многих отношениях поразительна». «То, что мы обнаружили на Рейне в процессе кропотливой и напряженной работы, — писал Т. Фрингс, — на 40 лет раньше уже было открыто взору Энгельса. В своей работе Ф. Энгельс, еще в период безоговорочного господства младограмматиков, отказывается от чисто физиологического, построенного на естественно-научных закономерностях рассмотрения языка. Вместо застывшего и неподвижного, вместо отдельного и разрозненного, вместо догматического правила, Энгельс видит историческое движение и историческую жизнь. Он совершает, не оговаривая это специально, переход к социально-историческому рассмотрению языка» (Сб. «Немецкая диалектография». М., 1955, стр. 220—223). Прио-

ритет Ф. Энгельса в классификации германских диалектов общепризнан (А. Bach. Deutsche Mundartforschung. Heidelberg, 1950).

Русский язык Ф. Энгельс начал изучать на 31 году жизни. Эти занятия представляли для него лингвистический интерес и важны были в политическом отношении. 18 марта 1852 года он пишет Марксу: «Последние две недели я старательно зубрил русский язык и теперь окончил с грамматикой, еще 2—3 месяца дадут мне необходимый запас слов, и тогда я смогу приступить к чему-нибудь другому» (т. 28, стр. 30). 16 апреля того же года Энгельс сообщает И. Вейдемейеру о том, что решил «отдавать все свое время русскому и санскритскому языкам» (т. 28, стр. 433).

Начав изучение русского языка самостоятельно, по книгам, Энгельс уже весной 1852 года берет уроки русского языка у молодого эмигранта из России, поселившегося в Манчестере под именем Эдварда Пиндара. Занятия Энгельса русским и другими славянскими языками как в чисто филологическом, так и во всех других отношениях были весьма серьезными. Позднее, в 1859 году, Энгельс писал Ф. Лассалю: «...я некогда лелеял смелую мысль разработать сравнительную грамматику славянских языков» (т. 29, стр. 477).

Маркса, который также владел свободно несколькими языками и в 1869 году приступил к изучению русского, Энгельс, иногда подписывавший письма многочисленным своим русским корреспондентам по-русски «Энгельс, Федор Федорыч», 19 января 1870 года поздравил с успехами в русском языке (т. 32, стр. 349). К этому времени, надо сказать, Маркс уже прочел по-русски «Тюрь-

му и ссылку» А. И. Герцена («Былое и думы», часть II) и книгу Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России».

Среди многих высказываний о богатстве и красоте русского языка почетное место занимает характеристика, данная ему Энгельсом: «Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости» (т. 33, стр. 106). В статье «Эмигрантская литература» Энгельс писал: «Знание русского языка,— языка, который всемерно заслуживает изучения и сам по себе, как один из самых сильных и самых богатых из живых языков, и ради раскрываемой им литературы,— теперь уж не такая редкость...» (т. 18, стр. 526).

Корифеи науки стремились к познанию всех сторон духовной жизни великого народа. П. Лафарг вспоминает: «Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через каких-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя, Шедрина» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. II. М., 1957, стр. 583).

В личной библиотеке Маркса имелись сотни русских книг, в том числе сочинения Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Ковалевского, Флеровского и др. Поля многих книг испещрены пометками и надписями, сделанными по-русски.

В начале 50-х годов Энгельс знакомится с «Российской антологией» Д. Бауринга — собранием «образцов произведений русских поэтов», изданных в английском переводе. Из солидной справочной части «Антологии» он выписал биографи-

ческие сведения о Ломоносове и названия важнейших трудов великого русского ученого (Ф. Энгельс. Заметки о Ломоносове. — «Вопросы философии», 1950, № 3). Из этой же книги Энгельс сделал выписки о таких русских писателях, как Державин, Сумароков, Богданович, Хемницер, Херасков, Костров, Бобров, Капнист, Карамзин, Жуковский, Крылов.

Интересовали Энгельса и древние русские литературные памятники. Так, в 1856 году Маркс ищет для друга «Слово о полку Игореве». К этому времени относится ряд важных оценок, данных Марксом и Энгельсом выдающемуся произведению древнерусской литературы.

С классической русской литературой — с произведениями таких писателей, как Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, — Маркс и Энгельс были прекрасно знакомы. Еще в книге «К критике политической экономии» Маркса (1859) содержится развернутая ссылка на роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Есть предположение, что цитата из «Евгения Онегина» была сообщена Марксу в немецком переводе Энгельсом, который досконально изучил поэзию Пушкина. К роману «Евгений Онегин» и к поэме «Медный всадник» Энгельс в пору интенсивных своих занятий русским языком в начале 50-х годов составил обширные подстрочные словари (см. исследование академика М. П. Алексеева и публикацию словарных записей Энгельса в кн.: «Пушкин. Исследования и материалы». М. — Л., 1953).

«Великим и высокоодаренным народом» называл Энгельс русских (т. 39, стр. 129), народом, играющим «важную роль в мировой истории»

(т. 38, стр. 313). В письме к В. Засулич от 6 марта 1884 года он писал: «Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по видимому, нашла себе убежище в России» (т. 36, стр. 104). Только за последние 30 лет XIX века, по мнению Энгельса, Россия дала человечеству «...много критически мыслящих умов» (т. 34, стр. 360).

Примечательны также и его высказывания о русских воинах: «Русский солдат является одним из самых храбрых в Европе» (т. 11, стр. 480). «Весь его жизненный опыт, — писал Энгельс о русском солдате, — приучил его крепко держаться своих товарищей» (т. 22, стр. 403).

Революционно - демократические идеи русской литературы, критики и публицистики вызвали глубокую симпатию у основоположников научного коммунизма. Маркс писал о Добролюбове: «Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро» (т. 33, стр. 266); о Чернышевском он сообщает: «Значительная часть его сочинений мне известна» (т. 33, стр. 469). Велико было внимание Маркса и Энгельса к героической жизни и революционной деятельности Н. Г. Чернышевского. Одного из своих русских корреспондентов Маркс просил прислать ему материалы о Чернышевском: «Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе. Но для этого мне нужны фактические данные» (т. 33, стр. 458). Энгельс отмечал, что в числе выдающихся революционных деятелей России «был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссыл-

кой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II „Освободителя“» (т. 22, стр. 441).

Когда в поисках революционной теории Чернышевский приходил к переоценке исторической роли русской крестьянской общины, Маркс и Энгельс склонны были объяснять некоторую ограниченность его взглядов отсталостью общественно-экономических отношений в России. «Поэтому,— замечал Энгельс,— если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше» (т. 22, стр. 441—442). Общая оценка, которую дал Энгельс движению русской революционной демократии, была высокой. «Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в обла-

сти чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой» (т. 36, стр. 147).

Строки певца русской революционной демократии Некрасова из стихотворения «Памяти Добролюбова» Ленин поставил эпиграфом к замечательной своей статье-некрологу «Фридрих Энгельс». И связь этих имен глубоко символична. «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение. На протяжении почти двадцати лет мы видим... это страстное ожидание революции в России» (В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 247).

В. Я. ДЕРЯГИН

ХРЕСТОМАТИЯ

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические явления в конечном счете решающими... Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы... и что это было предопределено только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния... Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, объяснить экономически существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию.

Ф. Энгельс. Письмо к Йозефу Блоху от 21 (22) сентября 1890 года

---

*Выдающиеся
русские языковеды*

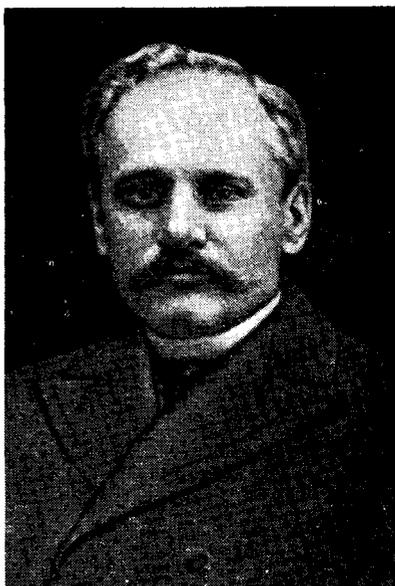
Алексей
Александрович
ШАХМАТОВ

(1864—1920)

50 лет назад, 16 августа 1920 года, на пятьдесят седьмом году жизни скончался академик Алексей Александрович Шахматов, крупнейший русский языковед, сумевший как никто другой из его современников продвинуть вперед науку о русском языке.

За свою короткую жизнь он успел сделать удивительно много — и благодаря тому, что он обладал редким умением сопоставлять и анализировать разнородные факты из различных областей языка, истории и культуры, и благодаря исключительной работоспособности и преданности науке, и благодаря тому, что его научная деятельность началась необычайно рано.

А. А. Шахматов родился в Нарве 5 июня 1864 года. В раннем детстве он потерял отца и мать, и осиротевших детей (Алексея и двух сестер) взяла на воспитание семья его дяди — Алексея Алексеевича Шахматова, жившая в деревне Губаревке под Саратовом. У будущего ученого проявляется живой интерес к русской истории, вызванный книгами А. Ф. Петрушевского «Откуда пошла Русская земля» и Н. М. Карамзина «История государства Российского», а вскоре и к языкам и их взаимоотношениям. Десятилетний мальчик пишет монографию «Русская старина» объемом более 350 страниц. Тринадцатилетний гимназист (Шахматов поступил в одну из московских гимназий в 1875 году), читает в мюнхенской и лейпцигской университетских библиотеках сочинения Страбона, Помпония Мэлы и

Птоломея, собирает санскритские, древнегерманские, персидские, иранские, финские, литовские, еврейские, кельтские слова. В 1877 году он пишет родным в Саратов: «Если Вам интересно, можете посмотреть на мой филологический бюджет за эту неделю, т. е. приход и расход: у отца ученика 4-го класса я купил за 50 санскритских слов и за 3 готских слова — 60 исландских. За 40 персидских слов и 8 арабских — 50 финских и литовских» (Е. А. Массальская. Легендарный мальчик.

Повесть о брате моем А. А. Шахматове. М. 1929).

Вскоре эта игра вылилась в серьезные занятия языкознанием. В 1879—1880 годах Шахматов показывает свои «Филологические разыскания» профессору Н. И. Стороженко, который, оценив блестящие способности юноши, направляет его сначала к В. Ф. Миллеру, известному языковеду, фольклористу и этнографу, а затем к Ф. Ф. Фортунатову, выдающемуся языковеду, главе русской филологической школы. По совету этих ученых и под их руководством Шахматов начинает изучать древние памятники русского языка по рукописям.

В 1882 году состоялось его первое публичное научное выступление — на защите магистерской диссертации А. И. Соболевского. Один из оппонентов Шахматова А. Сиротинин вспоминает: «И вот, когда кончились возражения официальных оппонентов [Ф. Ф. Фортунатова, Н. С. Тихонова и А. Л. Дювернуа.— И. У.] и декан по принятому обычаю спросил, не желает ли возразить кто-нибудь из публики, вдруг к удивлению всех поднялся маленький гимназист в синеньком мундирчике с серебряной каймой и стал возражать, да так дельно, так основательно, что Соболевскому пришлось отражать удары, как будто бы их наносила рука опытного бойца» («Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXV, 1922). Вскоре это выступление, свидетельствовавшее о прекрасном знании древних рукописных памятников, было опубликовано в одном из крупнейших славистических журналов мира—«Архиве славянской филологии» (*Archiv für slavische Philologie*, Bd. 7).

В 1883 году Шахматов поступает в Московский университет на историко-филологический факультет и начинает работать над большим «Исследованием о языке новгородских грамот», впоследствии напечатанном в академическом издании «Исследования по русскому языку» (т. 1). Одновременно он обращается и к изучению живых народных говоров — совершает в 1884 году поездку в Олонецкую губернию. После окончания университета в 1887 году

А. А. Шахматов был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию (по рекомендации Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша). В 1890 году он сдает последний магистерский экзамен и в качестве приват-доцента начинает чтение курса лекций по истории русского языка в Московском университете. Однако в конце этого года он прекращает преподавание в университете и принимает должность земского начальника в Саратовской губернии. Это решение было вызвано, помимо «некоторых душевных переживаний» (как писал Шахматов в автобиографии), желанием поработать среди народа, озабоченным с «нравственным и умственным состоянием его» (письмо к Фортунатову, 1890) и недовольством положением дел в Московском университете.

В деревне научно-исследовательская деятельность Шахматова не прекращается: он работает над «Исследованиями в области русской фонетики» и в 1894 году получает за этот труд степень доктора, минуя степень магистра. Профессор Б. М. Ляпунов писал в рецензии на эту книгу: «Хотя автору не больше 30 лет, однако он давно уже успел занять очень почетное место в ряду исследователей русского, а частью и других славянских наречий. Можно прямо сказать, что после смерти А. А. Потемби ему принадлежит первое место среди исследователей в этой области» (Записки императорского Харьковского университета, т. IV, 1894). В этом же году Шахматов получает предложение занять место адъюнкта Академии наук (так называлась младшая научная должность) и переезжает в Петербург, где и работает до конца жизни. В 1899 году он избирается ordinарным академиком, а в 1906 году — председателем Отделения русского языка и словесности.

В Академии начинается многосторонняя научно-организационная деятельность А. А. Шахматова: он редактирует Словарь современного русского языка (существенно расширяя его за счет лексики народных говоров) и другие издания Отделения, возглавляет Академическую библиотеку, председательствует или состоит во всевозможных комиссиях.

ведавших отдельными областями филологии, пишет многочисленные записки по различным вопросам, связанным с деятельностью Отделения. Участвуя в работе Комиссии по русскому правописанию, образованной при Академии наук в начале 1904 года, Шахматов выступал за реформу правописания, которая освободила бы русскую орфографию от многих искусственных написаний, затруднявших приобщение к грамоте широких народных масс.

С 1908 года Шахматов ведет преподавательскую работу в Петербургском университете. В числе его учеников были такие выдающиеся советские филологи, как академики С. П. Обнорский и В. В. Виноградов.

Шахматов участвовал и в общественной жизни, неоднократно публично протестуя против репрессий царского правительства в отношении студентов и ученых.

Научная деятельность А. А. Шахматова — это главным образом исследование истории русского языка. В этой области он создал труды, составившие эпоху в истории науки и не потерявшие своей актуальности в наше время. Ученый не останавливался на описании и реконструкции собственно языковых фактов. Он использовал их как важные данные для построения истории культуры русского народа. Этой же цели были посвящены и фундаментальные труды Шахматова по истории памятников древнерусской литературы.

Работы Шахматова в области истории языка ценны и как собрание фактов языкового прошлого, и как блестящие образцы вдумчивого анализа данных памятников в сопоставлении с данными народных говоров. Он самостоятельно обследовал ряд русских говоров, главным образом переходного типа, тех, в которых отражалось историческое взаимодействие русских наречий. Большие материалы поступили в Академию наук в ответ на составленную Шахматовым программу собрания диалектологических сведений.

Данные говоров Шахматов считал важнейшим источником сведений по истории русского языка. «Письменные памятники, — писал он, — не всегда дают надежный материал для

определения звукового состава миновавших эпох; действительно, преемственность письма, книжного языка, да и самой литературы пемнигуемо ведет за собой перенесение из одной эпохи в другую форм, давно исчезнувших в языке, чуждых живому произношению» (рецензия на книгу Яна Гебауэра «Historická mluvnice jazyka českého»). — «Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук». Т. 66. СПб., 1900). Поэтому важнейшей задачей историка языка он считал восстановление (реконструкцию) истинного состояния живого народного языка прошлого. Такое восстановление возможно лишь в том случае, если данные говоров и данные памятников дополняют и корректируют друг друга. Образцы этой реконструкции впервые в русском языкознании дал А. А. Шахматов. Его предшественники не всегда умели критически подойти к данным письменности и увидеть за орфографической традицией живую речь далекого прошлого. Шахматов оставил прекрасные исследования или издания таких важнейших памятников, как Сборник Святослава 1073 г., Успенский сборник XII в., повгородские грамоты XIII—XIV веков, двинские грамоты и др. Эти труды и сейчас широко используются всеми историками языка.

Особое внимание А. А. Шахматов уделял текстологическому изучению русских летописей — важнейших источников изучения языка и истории. Исследовав около двухсот списков (копий) древнейшей русской летописи — «Повести временных лет», он пришел к выводу, что дошедший до нас текст ее явился результатом многократного изменения более древних летописных сводов, соединения различных записей исторического характера, ведшихся с древности на Руси. Путем выделения из дошедшего до нас текста позднейших вставок и изменений ученый приходит к реконструкции текстов двух первых русских летописных сводов — «Древнейшего Киевского свода», составленного, как полагал Шахматов, в 1039 году, и «Древнего Новгородского свода», возникшего в 1050 году. Тексты этих сводов (с последующими продолжениями, сделанными во

второй половине XI века) были напечатаны в шахматовских «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908). Вслед за этими сводами и на их основе возникли, по мнению А. А. Шахматова, еще два свода — «Первый Киево-Печерский свод», составленный в 1073 году в Киево-Печерском монастыре игуменом Никоном, и «Второй Киево-Печерский свод» (или так называемый «Начальный свод») 1095 года. Последний лег в основу составленной Нестором Летописцем «Повести временных лет», реконструированный текст которой Шахматов опубликовал в 1916 году со своими примечаниями. Каждый из этих сводов Шахматов рассматривал как целостное литературное произведение (хотя и компилятивного характера), составитель которого проводил определенную политическую или религиозную идею.

Текстологическое и лингвистическое изучение памятников, исследование русских говоров дало возможность А. А. Шахматову выдвинуть гипотезы по таким существеннейшим проблемам общенационального значения, как происхождение русского народа и его языка. Поскольку русский народ и его язык выделялись из славянской языковой и этнической общности, Шахматов занимался и проблемами происхождения славян.

Вот краткая и упрощенная схема гипотезы Шахматова, изложенной им в целом ряде работ. На территории современной южной Германии и Австрии среди обитавших там первобытных племен выделялись так называемые индоевропейские племена. Часть из них двинулась на север и северо-восток, вплоть до побережья Балтийского моря. Эти племена — предки современных славянских и балтийских народов — говорили на балто-славянском языке, распавшемся впоследствии на прабалтийский и праславянский. Славяне, по мнению Шахматова, в это время занимали побережье Балтийского моря между Неманом и Западной Двиной. Это первая прародина славян. В первые века новой эры славяне переходят в бассейн Вислы, покинутый германскими племенами. Из этого района (второй прародины)

славяне начинают распространяться на запад. Так выделяются западные славяне. Остальная часть славянства начала движение на юг и постепенно распалась на две части — восточную и южную. Восточные славяне (предки русских, украинцев и белорусов) достигают района между Прутом и Десной — первой, по Шахматову, прародины восточных славян. Под натиском аваров во второй половине VI века восточные славяне покидают этот район, двигаются на север по Днестру и Днепру и оседают на Волыни и в районе современного Киева — на своей второй прародине. Здесь возникает древнерусская народность и первое древнерусское государство. Отсюда восточные славяне расселились на север, запад и восток и образовали три племенные группы — севернорусскую, восточнорусскую (или среднерусскую) и южнорусскую, во многом различающиеся по языку. Эти группы впоследствии, в XIII—XIV веках, явились основой современных восточнославянских языков — украинского, возникшего на основе южнорусской группы, белорусского, объединившего в себе черты южнорусских и западной части восточнорусских диалектов, и великорусского (или русского), вобравшего черты севернорусских диалектов и восточной части восточнорусских диалектов.

Впервые в науке была создана стройная и последовательная концепция происхождения русского народа и языка, основанная на богатейшем материале. Эта концепция получила широкое распространение. Однако сложные вопросы происхождения славян не могут считаться окончательно разрешенными.

Методологической основой работ Шахматова в этой области была так называемая миграционная теория. Основной причиной возникновения новых народов, по мнению Шахматова, была миграция — передвижение (в данном случае направленное к культурным центрам юга). Однако «внешние явления истории, в том числе и миграции, были производными от происходивших в обществе внутренних социальных процессов. Этого А. А. Шахматов не знал и не учитывал» (Ф. П. Филин). Проблемы славянского этногенеза в трудах

А. А. Шахматова. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1964, вып. 3). Многие шахматовские положения были подвергнуты сомнению в свете новых материалов. Различия в точках зрения существуют по всем основным пунктам гипотезы. Так, прародина индоевропейцев, по мнению одних ученых, могла находиться в балкано-дунайском районе, по мнению других — в южнорусском. Первой прародниной славян многие польские ученые считают бассейн Вислы. С ними полемизирует Ф. П. Филин, который в книге «Образование языка восточных славян» (М., 1962) обосновывает гипотезу, согласно которой прародина славян находилась на территории современной северной Украины и южной Белоруссии. Высказывались сомнения и по другим общим и частным положениям шахматовской гипотезы — по вопросу о характере первоначального деления славян на группы, о хронологии и причинах появления некоторых диалектных различий у восточных славян, например аканья, цоканья, и другим.

Несмотря на все недостатки, гипотеза Шахматова сыграла важнейшую роль в истории языкознания и стимулировала дальнейшую разработку проблем происхождения русского народа.

Не менее важное значение имели и работы А. А. Шахматова по вопросу о происхождении и развитии русского литературного языка.

По мнению Шахматова, «родоначальником письменного русского языка следует признать церковнославянский, который вместе с духовенством и священными книгами был перенесен к нам из Болгарии» (Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 28. СПб., 1899). С принятием христианства этот язык (в основе южнославянский) получил широкое распространение: на нем писалась вся философско-религиозная литература, он проникал в светские жанры письменности и постепенно прочно вошел в речь образованных людей. При этом он сам подвергался влиянию живой восточнославянской речи, с течением времени становясь все более и более русским. Из Киевской Руси, куда церковнославянский язык про-

ник из Болгарии, он стал распространяться в другие центры, подвергаясь воздействию местных говоров. Это воздействие, однако, не нарушало единства литературного языка на церковнославянской основе, который, по мнению Шахматова, из городских центров просачивался в деревню, в народные массы. В дальнейшем церковнославянский язык вступил в активное взаимодействие с разговорным языком города Москвы, вобравшим в себя черты северновеликорусских и южновеликорусских говоров. Этот язык, отразившийся в деловых документах Московской Руси, постепенно распространился в другие русские города. Результатом взаимодействия церковнославянского языка и московского говора и явился русский национальный литературный язык, возникновение которого следует отнести к XVIII веку.

Современный литературный язык, по мнению А. А. Шахматова, это «перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье» (Очерк современного русского литературного языка. М., 1941).

Эта картина развития русского литературного языка охватывала все периоды его развития, учитывала все те пласты, которые вошли в него в качестве составных частей. Современные историки литературного языка постоянно обращаются к шахматовским идеям, соглашаясь с ними или противопоставляя им новые. В частности, полностью сохранили свое значение мысли Шахматова о роли культурных диалектов (койне) городских центров — Киева и особенно Москвы — в развитии русского литературного языка.

Шахматов убедительно показал, что церковнославянский язык сыграл огромную роль в развитии русского литературного языка. Вместе с тем дальнейшее изучение материалов древнерусской письменности и говоров показало, что Шахматов серьезно преувеличивал силу влияния церковнославянского языка за предела-

ми литературы религиозно-философского характера. В частности, нет никаких данных для утверждения, что церковнославянский язык был разговорным языком образованных русских людей. Материалы памятников, многие из которых содержат записи разговорной речи, отчетливо показывают, что в речь образованных людей Древней Руси проникло весьма ограниченное число церковнославянизмов.

В последнее десятилетие жизни А. А. Шахматов много работал над исследованиями по современному русскому литературному языку, который он рассматривал с позиций историка. В своем известном «Очерке современного русского литературного языка» он писал: «факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении» (изд. 4-е. 1941). Описание современных явлений в этой книге сопровождается историческими комментариями. Шахматов ставил своей задачей вылить в современном русском литературном языке его составные части — собственно русские, церковнославянские, западные заимствования, диалектизмы.

«Очерк современного русского литературного языка» содержит описание фонетики (в ее старомосковской разновидности) и частей речи. Учение о частях речи нашло свое отражение и в незавершенном «Синтаксисе русского языка», основная часть которого посвящена подробному описанию типов предложений и словосочетаний. Это описание, отличающееся исключительным богатством материала и тонкостью семантических характеристик, было первым в русской науке.

Грамматические взгляды Шахматова определялись во многом психологическим подходом к языку, свойственным так называемому младограмматическому направлению в языкознании. В основу определения таких исходных понятий, как предложение, части речи и др., он положил психологические единицы. «Психологической основой предложения,— писал Шахматов,— является сочетание представлений в том особом акте мышления, которое имеет целью сообщение другим людям со-

стоявшегося в мышлении сочетания представлений» (Синтаксис русского языка. Л., 1941).

На основе «трех категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего», он выделял три части речи (существительное, прилагательное и глагол), добавляя к ним местоимения как слова, не имеющие самостоятельного реального значения. Формальный принцип классификации частей речи, свойственный Ф. Ф. Фортунатову и его школе, Шахматов отвергал, сближаясь в этом вопросе со взглядами другого замечательного лингвиста — А. А. Потебни. «Психологизм» Шахматова обусловил повышенный интерес к семантической стороне языка, что в свою очередь способствовало выявлению таких семантических свойств слов, их группы и словосочетаний, которые были неизвестны его предшественникам.

В одной из своих работ он поставил задачу создания исчерпывающей научной грамматики современного русского литературного языка. «В основании ее,— писал Шахматов,— должен быть положен язык определенного круга (образцовых) писателей, работавших за последние два-три десятилетия, причем добытые результаты должны быть самым тщательным образом сопоставлены с наблюдениями над живым языком современного образованного общества, жителей столичных городов и других крупных центров» («Сборник отчетов о премиях и наградах за 1909 год»).

В разных областях языкознания строил А. А. Шахматов грандиозные системы, стремясь охватить всю совокупность явлений в их связях и взаимодействиях. Многие из этих систем оказались недостроенными, многие впоследствии подверглись пересмотру. Но даже те его идеи, которые вызывали споры, возражения и опровержения, всегда активизировали научную мысль. Труды Шахматова — несомненно часть того лучшего и интереснейшего, что создала дореволюционная наука о русском языке.

П. С. УЛУХАНОВ

ЧУДО ЛИРИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Благодарю свою судьбу, что вошел со своей поэзией в прозу, потому что поэзия может двигать не только прозу, но самую серую жизнь делать солнечной.

М. Пришвин

По настрою души и складу таланта Пришвин — лирик. Поэтому излюбленный им литературный род — лирическая проза. «Поэт, распятый на кресте прозы», — называл себя писатель, утверждая своим творчеством право на создание особой разновидности художественной прозы — прозы поэтической.

Но что это такое — поэтическая, или, как ее чаще называют, лирическая проза? Каковы ее отличительные черты, в чем секрет ее особого эмоционального воздействия на читателя, какую роль играет в создании этого ее качества язык, слово?

Сохраняя основные качества прозы, лирическая проза объединяет с ними и некоторые существенные свойства поэтического произведения. Это и ослабление сюжетности, усиление эмоциональной окрашенности и субъективного начала, что выражается не только в особых лирических отступлениях, но и в других элементах стиля. Это и внимание к ритму и внутренней мелодике фразы, это и многослойность повествования, это, как правило, тонкая и сложная композиция целого, а самое главное — богатство художественного смысла, глубинный поэтический подтекст, тонкая игра смысловыми

оттенками слов. Последнее качество было отмечено Е. А. Лариным в статье, посвященной разновидностям художественной речи: «Как ритмическое членение есть очевидная и общепризнанная основа знаковой стороны лирики, так кратность, осложненность — существенный признак ее семантической стороны.. Простор смыслового осложнения, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно, гораздо в большей степени характеризует и отличает лирическую речь, чем стиховность и другие фонетические признаки» (сб. «Русская речь», Л., 1927).

Если поэтическая многозначность, «простор смыслового осложнения» — действительно определяющая черта любой лирической разновидности художественной речи, то ее, очевидно, можно обнаружить и в жанрах лирической прозы.

Прекрасный образец лирической прозы в советской литературе — повесть Пришвина «Женьшень», одно из самых задушевных произведений писателя, о котором К. Паустовский отзывался как о «тончайшей, как бы сотканной из утреннего света, ключевой воды и тихо говорящих листьев» поэме.

Примечательна уже сама предис-

тория повести. Первоначально тема и материал ее разрабатываются писателем в очерковой, документальной форме и лишь затем на основе очерка «прозаического, служебного» с его деловым отношением к материалу возникает очерк «праздничный, свободный».

Сравним эти близкие по фактической основе, но разные по жанру и языковому оформлению произведения, чтобы обнаружить основные приемы организации речевых средств в прозе лирической в сопоставлении с публицистической, очерковой. Здесь особенно важно, во-первых, различие в организации повествовательных планов и, во-вторых, различие в использовании семантико-стилистических средств.

В очерке повествование ведется непосредственно самим автором, в повести — от имени вымышленного действующего лица, лирического «я». В очерке речь построена неторопливо, сдержанно, повествовательная структура однотипна, задача сообщения как бы подавляет функцию эмоционально-лирического воздействия. В очерке перемежаются два повествовательных слоя: событийный и прямое авторское высказывание. Первый слой — основной — это очень живой, увлекательный рассказ о дальневосточной тайге, первых советских опытах промышленного разведения ценных зверей, второй слой — публицистические отступления, включающие рассуждения об экономике, морали, сквозь внешне спокойный тон которых лишь изредка пробивается лирическая струя. Содержание очерка имеет чисто познавательный характер, писатель стремится создать географически точную картину одного из уголков родной страны. И хотя поэтическое видение природы проступает и в очерке, выражено оно здесь скупо, без лирического вмешательства в описываемые факты.

В повести-поэме речь организована более сложно. Здесь взаимодействуют четыре слоя: тот же событийный, пейзажно-описательный, аналитический и эмоционально-лирические отступления.

Наибольшее сходство обнаруживают событийные планы очерка и

повести. Их речевой облик создается спокойной неторопливой интонацией, развернутыми предложениями перечислительного типа. Преимущественно прямой порядок слов, господство глагольной динамики, последовательно выдержанный план прошедшего времени без добавочных модальных наслоений, преобладание прямых значений слов, больше логический, чем эмоциональный характер определенных организуют этот слой. Ср. в очерке: «Олень ревел утром при звездах на том же месте, где вечером, и еще один ревел напротив нашего домика и направо на горе, из-за которой должно было выйти солнце» и в повести: «Рев продолжался до утра, и когда рассвело, мы увидели — на склоне горы, у подножья, стоял большой рогач с заметной черной полосой на спине».

Но сходство, пожалуй, этим исчерпывается. Различие проступает уже при передаче пейзажа. В очерке пейзаж включен в повествовательный план, имеет чисто познавательное значение. Принципиально новую нагрузку несет пейзаж в повести: переставая быть чисто географическим, он становится лирическим, интимным, превращаясь в средство психологического самораскрытия автора и героя. Усиливается зримость, пластичность пейзажа. В очерке:

«Вечером после ужина мы вышли на крыльцо. Большая Медведица с левой стороны нашего дома вытаскивала из-за хребта последнюю свою звезду. И в том самом месте, где кастрюлька Медведицы опиралась углом своим в гору, слышался рев оленя. Он очень редко повторылся, и еще слышался рев другого».

Ср. ту же деталь пейзажа в повести:

«Однажды ночью Лувен разбудил меня и просил выйти. Он показал мне в ту сторону, где Большая Медведица, опираясь на черную гору углом своей обыкновенной кастрюльки, как бы вытаскивала из-за черного хребта последнюю недостающую звезду своего хвоста. Какие звезды начались! Сколько их сыпалось!».

И там и здесь один факт, но во втором случае он неумовимо пре-

ображен: сыграли свою роль и цветные определения *черная гора, черного хребта*, включение метафоры *последнюю звезду своего хвоста*, а самое главное, завершение пейзажной зарисовки взволнованным эмоциональным аккордом.

Разнообразны средства преобразования пейзажа в повести-поэме. Это и слова качественной оценки, и прилагательные со значением света и цвета, создающие сочную живописность пейзажных зарисовок, префиксальные и суффиксальные образования эмоционального наполнения, большая напряженность синтаксического построения, когда фраза теряет свою ровность, перебивается неожиданными взлетами и спадами. Сравним следующие отрывки:

«Сегодня еще меньше признаков человеческой жизни, чем раньше, а в неприкосновенной траве всюду громадные цветы; особенно интересны мне были очень темные, черно-лиловые, сильные ирисы. Но надо правду сказать, что на всем громадном пространстве, в тысячи километров, все-таки господствует один всем известный у нас цветок иван-чай».

В очерке простая констатация фактов, ровный тон, медленный ритм. А вот та же деталь в повести: «Были ирисы — от бледно-голубых и почти до черных, орхидей всевозможных оттенков, лилии красные, оранжевые, желтые, и среди них везде звездочками ярко-красными была рассыпана гвоздика. По этим долинам, простым и прекрасным цветам всюду летали бабочки, похожие на летающие цветы, желтые с черными и красными пятнами аполлоны, кирпично-красные, с радужными переливами крапивницы и огромные удивительные темно-синие махаоны».

Ритм учащен, пагнетается экспрессия взволнованного восхищения.

В обоих произведениях — и в очерке и в повести-поэме — встречаются авторские отступления, но сходство между ними внешнее, так как если в очерке они носят больше логический, чем эмоциональный характер, то в повести это взволнованные лирические монологи, где

герой и автор сливаются воедино, чтобы высказать самое сокровенное и дорогое. Наиболее развернутые из этих монологов приобретают композиционную самостоятельность, приближаясь к излюбленному писателем жанру поэтических миниатюр, отточенных по мысли и выражению. Эти части повести-поэмы наиболее эмоционально насыщены, наиболее сложно семантически и синтаксически организованы. Связанные невидимыми нитями с другими повествовательными пластами, они и заключают в себе глубинный подтекст.

Не менее существенно рассмотреть различие в организации словесно-смысловых единиц. Сравним использование употребляющихся в обоих произведениях параллельно китайского и русского названий реликтового растения: *женьшень* и *корень жизни*. В очерке оба слова встречаются лишь в одной главе, оба заключены строго в пределы своего словарного значения, выступают в чисто номинативной функции:

«Я достаю сейчас с полочки добытый мной на Дальнем Востоке корень Женьшень, вспоминаю, как просиял один китаец, увидев у меня корень жизни, имеющий вид человека, и поздравил меня: с этим корнем жизни теперь я больше не должен бояться старости. Стоит мне только в течение сорока дней выпить сорок рюмочек настоя этого корня, и я сделаюсь, как Фауст, опять молодым. Не, знаю, не верю, может быть, даже предпочту свое личное отчаяние власти над собой какого-то китайского корня. Но мне очень приятно смотреть на этот драгоценный реликт из семейства араллиевых, в течение многих тысяч лет имевший власть больше золота над умами многомиллионных восточных народов».

В приведенном отрывке лишь угадывается возможность метафорического осмысления кальки *корень жизни*. Едва заметные штрихи — особенности словорасположения и логическое ударение на синтагме «с этим корнем жизни» — несколько по-особому высвечивают это сочетание в нейтральном контексте. Здесь возможность метафорического упо-

требления намечена, но не осуществлена.

Совершенно иная картина в повести-поэме. В ее речевой структуре эти слова выдвигаются на первый план, становятся, если так можно выразиться, ее главными жизненными артериями, приобретая сквозную образную перспективу. Проследим процесс «смыслового осложнения», перерастания словарных значений в многоступенчатую метафору, емкий поэтический символ.

В первой главе повести употребление слов *женьшень* и *корень жизни* аналогично употреблению их в очерке. Как ботанические термины, они упоминаются наряду с другими достопримечательностями маньчжурской тайги: «Так и остались на своей родине и страшные тигры и одно из самых прекрасных, самых нежных и грациозных существ — пятнистый олень, и растения удивительные: древовидный папоротник, арзия и знаменитый корень жизни Женьшень». Оба названия выступают еще без каких бы то ни было смысловых и экспрессивных наслоений.

Во второй и третьей главах названия отсутствуют, тем не менее содержание и сюжетное развитие этих глав окажется своеобразным плацдармом, который будет формировать дополнительные оттенки значений слов *женьшень* и *корень жизни*, выступающих в последующих частях произведения.

Четвертая глава — первая ступень наращения образного смысла. Сначала расширение семантического объема слова *женьшень* дано в плане субъективного сознания старого искателя корня жизни китайца Лувена. Лувен — дитя природы, «естественный человек», в его первобытном, стихийном сознании женьшень обладает «чудесными свойствами», «способными наделять человека вечной молодостью и красотой». Качественная оценка слова *женьшень*, вернее, обозначаемой им реалии, становится более эмоциональной, ботанический термин начинает приобретать пока еще неуловимый экспрессивный ореол, возникающий благодаря яркой оценочной окраске соседних слов: чудесный, вечная молодость, красота.

В этой же главе сталкиваются два типа сознания: первобытно-стихийное, мифологическое — у Лувена и цивилизованное — у лирического героя. Им соответствуют два плана значения слов — метафорическое и общеупотребительное, прямое. Восприятия лирического героя, человека просвещенного, европейски цивилизованного, и Лувена, человека естественного, с присущей ему фантастичностью представлений, пока противопоставлены. Герой готов поверить в медицинскую силу растений, но не в его сверхъестественные свойства. Таким образом, в сознании лирического героя женьшень имеет прямое, номинативное значение, в сознании же Лувена слово начинает постепенно менять свою смысловую перспективу: «Скорей всего ему стало досадно, что мы не доверяем ему и смеемся, а может быть, он, уверенный, что для успеха в исцелении корня жизни надо иметь чистую совесть, хотел и нам намекнуть на это: что и мы, как и он, искатель, должны тоже подумать о чистоте своей совести». В таком контексте слово лишается строгой терминологичности, становится языком, многозначным. Тем самым подготавливается возможность его дальнейшего переносного употребления.

Особого размаха метафорическое осмысление центральных семантических единиц достигает в повести в связи с раскрытием темы возвышенной чистой любви, романтических переживаний лирического героя. Пятая глава начинается взволнованным монологом, чрезвычайно важным для понимания идейно-художественного смысла произведения. В этом монологе на первый план выдвигается калька «корень жизни», так как именно ее внутреннее строение предоставляет более богатые возможности для создания новых оттенков смысла. Сочетание *корень жизни* перестает быть эквивалентом китайского названия *женьшень*, употребление этой кальки становится обнаженно метафоричным и развернутым:

«До чего же я в то время был наивен и прост! Я был уверен тогда, что, схватив я свою пещеру, как оленя, — и все: и вопрос о корне жизни решен. Дети мои, любезные юноши и

милые девушки, в то время я тоже, как и вы, по молодости слишком много придавал значения, как вы говорите, любви без роз и черемухи. Да, конечно, корень жизни нашей находится в земле, и любовь наша с этой стороны, как у животных, но нельзя же из-за этого зарывать стебель и цвет свой в землю, а таинственный корень обнажать и лишать начало человеческой жизни покрова».

Обобщенно-символический подтекст возникает здесь в результате сложных метафорических переосмыслений не только опорного сочетания *корень жизни*, но и целого ряда лексических единиц окружения. Употребленное фигурально, сочетание *корень жизни* тянет за собой целую цепь связанных с ним по смыслу других слов (стебель, цвет, земля), которые тоже выступают в переносном метафорическом значении. Кроме того, в подтексте активизируются серии фразеологических значений тех оборотов, которые включают в себя слово *корень*. Сами обороты (пустить корни, в корень смотреть, вырвать с корнем и т. д.) не присутствуют в тексте, но их переносные образные значения подсудно участвуют в осложнении значения сочетания *корень жизни* и в создании обобщенно-образного звучания отрывка, раскрывающего один из узловых моментов философско-этических взглядов писателя — проблему любви. Любовь в понимании Пришвина как чувство человеческое, то есть не только «корневое», но и духовное, не может ограничиться только физической близостью: «корень жизни нашей находится в земле, и любовь наша с этой стороны, как у животных». Она — высшее взаимопонимание, единение душ: «нельзя же зарывать стебель и цвет свой в землю, а таинственный корень обнажать».

Следующее наращение образного смысла слова *женьшень* происходит в диалоге между героем и Лувеном. Герой, измученный тоской по утраченной возлюбленной, просит своего старшего друга помочь исцелиться от своей болезни:

«Лувен, твоя понимай всего много. Скажи мне, болен я или здоров? — Всякий люди, — ответил Лувен, —

есть здоровый люди и больной люди за один раз. — Что мне нужно? — спросил я. — Панты? — Он долго смеялся: панты он дает для возбуждения страсти при утрате жизненных сил. — А может быть, — спросил я, — мне поможет Женьшень? Лувен перестал смеяться, долго смотрел на меня и в этот раз ничего не сказал, но на другой день так загадал: — Твоя Женьшень расти, моя скоро тебя покажи будет».

Необычность грамматических форм и лексической сочетаемости слов объясняется не только несовершенством русской речи Лувена, такое употребление вытекает из особенностей его мышления. В его сознании причудливо переплелись суеверие, поэтическая легенда и реальность. Лувен свято верит в то, что у каждого человека есть свой Женьшень — двойник, растущий в тайге, что между его естественным ростом в природе и человеческой судьбой есть магическая связь: чем сильнее корень в тайге, тем счастливее в своих достижениях человек. Тот, кто нашел свой корень, защищен от жизненных неудач и невзгод.

В представлениях лирического героя постепенно совершается перемена. Героя пленила поэтическая легенда о женьшене. Под влиянием веры Лувена в чудодейственную силу растения и сам герой начинает проникаться сознанием таинственной связи между растением и человеческой жизнью. Характерен следующий отрывок, где два плана сознания и соответствующие им два плана значения — производное, метафорическое и первичное, прямое — ранее противопоставленные, почти сливаются в одно. Только герой как человек европейской культуры несколько обогащает стихийно-мифологическое восприятие Лувена. Герой понимает женьшень как источник творческих сил, живущий в душе каждого человека и помогающий ему утвердиться в жизни. Лувен приводит героя в распадок, где растет женьшень, жизнь которого Лувен суеверно связывает с судьбой героя:

«Певчая долина с гигантскими деревьями была так прекрасна, что мысль о чистой совести, необходимой для верного поиска корня жизни,

являлась сама собой... Лувен стал на колени и, сложив руки ладонями, долго стоял. Я был так взволнован, что невольно опустил рядом с ним, представляя себе, будто стою где-то у самого источника творческих сил... Лувен раскрыл травы — и я увидел... Было несколько листиков, похожих на человеческие ладони с пятью вытянутыми пальцами, на невысоком и тонком стёбельке. Для такого нежного растения был опасен не только изобрёк со своим грубым копытом, но даже и муравей, если бы ему зачем-нибудь понадобилось, мог бы в короткое время еще на множество лет остановить эту жизнь. Сколько же случайностей за пятнадцать лет грозили этому растению и жизни моей!».

Примечательна последняя фраза, отмечающая перемену в сознании героя.

Затем непосредственное развитие образной перспективы центральных семантических единиц как бы надолго приостанавливается, идет дальнейшее развертывание сюжета. Тема женьшеня прервана, она лишь изредка напоминает о себе прорывающимися сквозь неторопливое сюжетное изложение вольнованными рефренами, в которых слова *женьшень* и *корень жизни* употребляются уже в обогащенном предыдущим контекстом значении: «Только я чувствую, я знаю одно, что мой корень Женьшень где-то растет, а я своего срока дождусь».

В финале повести на этот образный план значений, созданный предыдущими частями, продолжают наслаиваться добавочные смысловые и экспрессивные оттенки. В последней главе звучит монолог, в котором тема женьшеня, раздвижение образного смысла центральных семантических единиц достигает наибольшего лирического напряжения: «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходит и уходит, не поняв свой Женьшень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости и счастья!».

В заключительной главе смысловой и эмоциональный диапазон сло-

ва *женьшень* расширяется максимально, оно синтезирует в себе все предшествующие наращения образного смысла не только своего семантического ядра, но и богатство метафорических оттенков фразеологической калки *корень жизни*. В финале наиболее четко обнажается образный смысл заголовка и произведения в целом, но обнажается благодаря всему предшествующему композиционному и семантическому развитию. Женьшень, ключевой символ повести-поэмы, осмысливается как жизненное призвание, любимое дело, благодаря которому человек обретает свое «я» и определяется в общем творчестве природы и человечества. Символ оказывается многоликим, он не может быть исчерпан в одном определении. В последней главе тема женьшеня переводится из плана индивидуального бытия в план современных проблем бытия общественного. Человек не может быть вполне счастливым, достигая только своей личной победы. В мире существует не только «я», но и «мы». Идеал, к которому писатель приходит в зрелый период, — это достижение гармонии между личным и общественным, между «я» и «мы».

Этот важный итог в развитии мировоззрения писателя и его лирического героя выражен в повести не прямолинейно, а лирически застенчиво, через сложный метафорический образ, посредством обогащения слова *женьшень* новыми обертонами смысла: «Вместе со всеми тружениками новой культуры я чувствую, что из природной тайги к нам в нашу творческую природу перешел корень жизни и в нашей тайге искусства, науки и полезного действия искатели корня жизни ближе к цели, чем искатели реликтового корня в тайге». Здесь «искатели корня жизни» значит строители социалистического общества, творцы новой морали, нового общественного идеала.

Так творческое воображение художника создает поэму о корне жизни, о женьшене, необходимом каждому в его поисках точки жизненной опоры, смысла бытия.

Л. С. ФЕДОТОВА

№ 15 Оленино
А. А. Пема

РАСКРЕПОЩЕННОСТЬ СЛОВА

Н. П. СУХОВА

Поэзия Фета, тончайшего лирика XIX века, — одна из вершин развития русского поэтического языка. Творческий путь Фета, продолжаясь более полувека, по-своему отразил сложные процессы становления поэзии второй половины столетия. Первая книга стихов поэта «Лирический пантеон» (1840) отдавала дань традиционным романтическим жанрам, а последние сборники «Вечерние огни» выходили в свет, когда в России уже заявил о себе символизм. За это время поэзия Фета создала свою собственную, своеобразную основу для преемственности. Во многом исходя из лирической школы Фета, рождалось мастерство Александра Блока. Безусловно, непревзойденное значение для новой эпохи поэзии имели демократические произведения Некрасова. Но и полвека живого существования лирики Фета сыграли большую роль в формировании культуры русского стиха. И мы сегодня можем говорить не только о принципиальном новаторстве Некрасова, но и о принципиальном новаторстве Фета.

Чаще всего Фет рассматривается как корифей в передаче лирического переживания, его психологической насыщенности, как смелый экспериментатор в мелодике и строении стиха, как поэт, тонко и неповторимо соединяющий душевный и природный ряды. И, конечно, о Фете говорится как о превосходном мастере поэтического слова. На наш взгляд, необходимо также поставить вопрос о связи слова Фета с поэтикой, с жанровым своеобразием его лирики.

Многие современники Фета не понимали его стихов. Среди читателей и даже почитателей редко находился человек, который принимал его поэзию безоговорочно. Причиной непонимания, неприятия служила не только гражданская пассивность Фета, но сама поэтическая манера, фетовский «почерк»: фразеология и синтаксис, «нелепые» словосочетания. Критики недоумевали и раздражались, когда встречали такие «беззаконные» выражения, как «Вышла жаба на дорогу», «Можно ль тужить и не жить нам в обаянии?», «Теснее и ближе сюда Раскрой ненаглядное око!». Автор стихотворного потока «Это утро, радость эта» вызывал у исследователей ассоциации с фокусником, а само произведение

причислялось к «стихотворному мусору». Раздавались голоса, которые уверяли, что стихотворение «Шепот, робкое дыханье» не проиграет, если прочесть его в обратном направлении — с конца... Но более всего удивляли словосочетания Фета, далеко обогнавшие «старушку»-метафору. Природа в них очеловечивалась дотолесных: травы в рыдании; овдовевшая лазурь; ...лес проснулся, Весь проснулся, веткой каждой, Каждой птицей встрепенулся... и т. д.

Однако затянувшееся непонимание современников, как известно распространялось и на реалистические достижения Пушкина, совершившего настоящую революцию в развитии русской поэтической речи. Та же участь ожидала и новатора — Некрасова.

Отталкиваясь от романтической традиции, Фет тоже по-своему раскрепощал слово, позволяя ему вступать в соединения игнорирующие не только, как казалось, здравый смысл, но и сами законы грамматики. Семантика слова в его поэзии расширялась настолько, что читатели едва улавливали зыбкую границу смысла.

Но что это — оригинальные эксперименты, стремление идти наперекор логике, досадное упрямство? Был ли в «раскрепощенности» слова Фета положительный смысл?.. — Здесь кстати вспомнить восторженные строки Л. Толстого по поводу двустипхия Фета:

И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

«Еще майская ночь»

«И откуда у этого добродушного толстого офицера, — писал Л. Толстой В. Боткину, — берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» (Письмо от 9 июля 1857).

Чуткий слух большого художника помог Л. Толстому удивительно метко определить смелость Фета в обращении со словом, не понятную для большинства современников, но проложившую его стихам дорогу в поэзию будущего.

Раскрепощенность слова в лирике Фета выражалась не только в вольных сочетаниях, но и в том, что оно максимально тяготело к другим искусствам — музыке и живописи. Характеризуя музыкальность фетовского слова, целесообразно прибегнуть к отзыву П. И. Чайковского: «...Фет в лучшие свои минуты выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в нашу область... Ему дана власть затрагивать также струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова. Это не просто поэт, скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом. От этого также его часто не понимают, а есть даже и такие господа, которые смеются над ним или находят, что стихотворения, вроде „Уноси мое сердце в звенящую даль“... есть бессмыслица» (М. Чайковский. Жизнь Петра Ильича Чайковского).

Обратимся к тексту стихотворения «Певице», на которое ссылается Чайковский:

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря,—
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

Действительно можно посочувствовать современникам Фета! На фоне привычного представления о метафоре здесь каждая строчка — «бессмыслица». Откуда в звуках «жаркие слезы»? И почему на них «кротко светит улыбка любви»? И что это за «незримые зыби»? При чем тут «шаткая тень за крылом»? И так — до самого конца стихотворения. Однако эта «бессмыслица» давала удивительный музыкальный эффект, оценить который до поры, до времени смог опять-таки лишь большой художник.

Но Фет не только поэт-музыкант, но и поэт-живописец. В его стихах поражает пристрастие к источникам освещения и отражения, в прямой зависимости от которых находится палитра поэта. Здесь луна, свеча, звезды, гладь озера — не обычные, скажем, „романтические“ детали. Это вполне реальные источники освещения, порождающие контрасты (свет — тень, объект — отражение). Иногда такие контрасты органически входят в описания:

Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.

«Что за вечер!»

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

«Над озером лебедь»

Стихотворение «Любо мне в комнате» целиком построено на описании лунного луча, проникшего в комнату, и игры тени и света на листьях садовых деревьев.

У Фета немало стихов, в которых своеобразный живописный эффект становится организующим, определяет движение чувства, лирической темы. Это касается и антологических стихов: в знаменитой «Диане», например, отражение в воде лика богини, колеблемое ветром, дает жизнь неподвижному мрамору.

Блики от пламени костра в лесу создают в воображении поэта фантастическую картину:

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевелник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.

«Ярким солнцем»

Нередко контраст света и тени становится не только тематическим, но и философским ключом произведения:

Заря прощается с землею, Ложится пар на дне доли, Смотрю на лес, покрытый мглой, И на огни его вершин.	И все таинственной, безмерней Их тень растет, растет, как сон; Как тонко по заре вечерней Их легкий очерк вознесен!
---	--

Как незаметно потухают Лучи и гаснут под конец! С какою негой в них купают Деревья пышный свой венец!	Как будто чуя жизнь двойную И ей овены вдвойне,— И землю чувствуют родную И в небо просятся оне.
--	---

Живописные свойства слова у Фета выражаются также в том, что оно пространственно передает явления временного ряда:

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет
Как полуночный цветок.

«Жду я, тревогой объят»

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толнятся...

«Как мошки зарею»

В передаче живописных впечатлений Фет, как неоднократно отмечалось его современниками и исследователями, близок импрессионистам. Нужно добавить, что, подобно художникам-импрессионистам, поэт стремится заново решить вопрос о средстве своего искусства, вопрос о слове как средстве поэзии. По сравнению с предшествовавшей поэтической традицией нагрузка слова у Фета (и грамматическая, и смысловая, и фонетическая) увеличивается беспредельно. Слово призвано передавать запахи, звуки, музыкальные тона, световые и цветовые впечатления. Поэзии Фета присущ выраженный в словосочетаниях синкретизм ощущений — их многообразие и одновременно нерасчлененность (пахучая страсть; устало все кругом: устал и цвет небес... и т. п.).

Стремление передать словом эту нерасчлененность ощущений выражается в программном высказывании самого Фета:

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах.

«Как беден наш язык!»

Однако, стремясь беспредельно расширить границы поэтического слова, Фет в то же время сознает неизбежную ограниченность словесного материала и, словно задыхаясь, восклицает:

О если б без слова
Сказаться душой было можно!

«Как мошки зарею»

Как беден наш язык! — Хочу и не могу.—
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.

«Как беден наш язык!»

Об этой полувековой жажде Фета «приручить» слово и одновременно его словесном бессилии («мúке слова») писал В. Брюсов: «Вся ... творческая деятельность... Фета была мучительной борьбой с незвучным и упорным стихом, бессильным передать порыв души. Фет не удовлетворялся жизнью в мире „таинственных дум“. Наслаждение мечтой было для него неразрывно слито с жаждой ее воплощения» (Далекие и близкие).

Итак, борьба со словом и борьба за слово, но за слово новое, новое средство поэзии. Его непомерная нагрузка принципиально важна для поэтики Фета. Процесс усложнения значения слова был двояким. Фет по-своему освобождал его от «наследственной» романтической связанности, жанровой заданности, сообщая ему конкретный, как бы первоначальный смысл. И в то же время, подобно тому, как в живописи импрессионистов бывшее средство — световой эффект — стало предметом, в поэзии Фета слово-средство приобрело конструктивное, структурообразующее значение. За освобожденным словом стоял простор новых жанровых образований. Вспомним стихотворение Фета «Колокольчик», в котором слово стало структурным стержнем:

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну
И качаясь, набегаёт
На ночную тишину?

Или этот, чуть заметный
В цветнике моем и днем,
Узкодонный, разноцветный,
На тычинке под окном?

Стихотворение построено на контрасте двух представлений — звукового и зрительного, рожденных одним словом-омонимом. В первой строфе возникает тема звука (мимолетный колокольчик прозвенел). Вторая строфа развивает звуковую тему (набегаёт на ночную тишину). Слова *набегаёт* и *качаясь*, еще слитые со звуком, дают уже и зрительные представления о металлическом колокольчике. Это смешение перерастает в третьей строфе в зрительный

образ цветка. Но и последние строчки содержат в себе «память» о теме звука, заданной в первой строфе. Само слово *колокольчик* появляется всего один раз, рождая одновременно и звуковое и пространственное представления. Здесь нерасчлененность ощущений выражена не в целом словосочетании, а в одном слове, которое является композиционным центром.

Другой пример — «На кресле отвалясь, гляжу на потолок». Зрительный ряд постепенно перерастает в звуковой, однако затем оба ряда сливаются в единый поток:

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенья.
Над лампой тихою подвешанный кружок
Вертится призрачною тенью.

Зари осенний след в мерцаньи этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...

Последняя строчка — образец фетовского почерка: в ней та же самая нерасчлененность ощущений. Напряженность воспоминаний делает появление этой строки закономерным. И все-таки она настолько смела и неожиданна, что становится эмоциональным пределом и разрядкой стихотворения.

Переход слуховых ощущений в пространственные и наоборот, и даже пространственное расположение звуков необычайно характерны для Фета. Контраст двух рядов — звукового и зрительного, переходные их состояния или слияние воедино нередко определяют внутреннее строение его стихов, давая возможность свободным жанровым смещениям. Таким образом, раскрепощенность слова в лирике Фета постепенно освобождает его стихи от традиционного жанрового канона, сообщая им свой, особый тип строения, свою, особую, жанровую наполненность. Так же, как своеобразная грамматическая форма — безглагольное перечисление в стихах «Шепот, робкое дыханье» и «Это утро, радость эта» — сообщает им вид свободного потока, который может быть продолжен и остановлен в любую минуту (интересный анализ «безглагольного стихотворения «Шепот, робкое дыханье», передающего «смену состояний природы и человека», см. в кн.: «История русской поэзии». Т. 2. Л., 1969, стр. 140—141). Небывалые смещения в семантике слова и «безумные» конструкции в сочетаниях слов у Фета, естественно, разрушают дифференцированную жанровую систему, сложившуюся в первой трети XIX века. Освободив само слово от условной, жанровой связанности, придав ему реальный смысл и одновременно предоставив ему возможность безгранично вольного соединения с другими словами, Фет прокладывал дорогу новым жанровым образованиям в поэзии.

ТРИ ЗАМЕТКИ О ФЕТЕ

Лев ОЗЕРОВ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Действие лирики Фета связано с настоящим временем: действие происходит сейчас, именно в эту минуту, сию секунду, когда поэт произносит свои слова.

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Здесь настоящее время по всем признакам. Такого же характера стихи «Сегодня день твой просветленья», «Растут, растут причудливые тени», «Летний вечер тих и ясен», «Ты видишь за спиной косцов» и другие.

По мере того, как мы начинаем вглядываться в лирику Фета, вбирать ее в себя, раздумывать о ней, нам открывается одно ее не вдруг открываемое читателю свойство. У автора речь ведется в настоящем времени, а в действительности это только живое воспоминание прошедшего, восстановление его по памяти в таком виде, словно бы дело происходит вот именно сейчас. Особенно это относится к стихам о любви, в которых Фет в старые годы (скажем, между 1880 и 1892) восстанавливает чувства молодых лет.

Это настоящее время, которое в действительности — психологически — означает давнопрошедшее. Известно, что в старости Фет много горького и иронического в свой адрес выслушивал и по поводу сильно запоздавшей любви.

В шестидесятилетнем возрасте он писал:

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участия,
Оставь и дозвошь мне рыдать!

Еще через год:

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вслед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

В том же 1888 году:

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я паберу огня?

Блеснут — будущее время в значении настоящего.
Из стихотворения того же 1888 года:

Так молчать нам обомн неловко.
Что ни стань говорить — невпопад;
Словно хочет склониться назад.
За тяжелой косою головка

На недоуменный вопрос одних, насмешку других, восторги третьих Фет ответил стихами:

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О тайнствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?

— Томлюсь и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Так в ходе молодом: А х, с л ы ш и ш ь, *разумеешь!* —
Цыганка старая одна еще поет.

Объяснив другим и себе этот творческий феномен, поэт и в дальнейшем не отрекся от своего принципа. Давнопрошедшее возникло перед ним как сущее, сиюминутное, действительно нынче происходящее. В стихотворении 1890 года «На качелях» — за два года до смерти — Фет писал:

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Наконец, в 1892 году — последнем году жизни поэта — он в середине студеного февраля пишет жаркие стихи:

Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щече,
Жужжанье пчел над яблонью душистой
Отрадней мне замолкнувших в цветке.

Говоря «есть» Фет имеет в виду «было» и подразумевает «будет». Давнее превращается в нынешнее, чаемое в сущее. У настоящего времени Фета обаяние мемуарности, житейского опыта, неподносимого читателю как мимолетное, только что схваченное наблюдение. Автор солидных медлительно-последовательных воспо-

мицаний в прозе, Фет создал в стихах другой — более достоверный и более ценный — лирический свод, эпопею чувств и ощущений, передающих трепет, восторг и печаль вот сейчас длящегося бытия. Фет — вечный собеседник читателя, ведущий с ним разговор не из прошлого, а непосредственно, на правах рядом стоящего.

Над озером лебедь в тростник протянул.

В этой картине *протянул* имеет смысл настоящего времени. Лебедь протянул не прежде, а вот именно сейчас.

Классические зачины: «Я помню чудное мгновенье» у Пушкина и «Я помню время золотое» у Тютчева (у него же — «Я встретил вас, и все былое») — воспоминательные, явно обращенные к прошлому. Сожаление о том, что это прошедшее прошло, что оно не повторится, в самой сути образов. Фет редко прибегает к прямому воспоминанию. Он, как правило, делает его нынешним переживанием, впечатлением, ощущением. Если Фет и начинает с прошедшего времени («Я опоздал и — как жалею. Уж солнце скрылось в ночи»), то в дальнейшем переходит к настоящему в прямом смысле слова. В концовке того же стихотворения он пишет:

Еще пред дымкою туманной
Как очарованный стою,
Еще в заре благоуханной
Дыханье неба узнаю.

Точно так же в хрестоматийном стихотворении «Я пришел к тебе с приветом». Здесь солнце «встало», оно «по листам затрепало», лес «проснулся» — все происходящее выражено прошедшим временем. Но вот концовка:

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

Давно или недавно минувшее проходит перед Фетом в виде вот этой минуты. Природа, окружающая поэта и раскинувшаяся перед ним, дает ему ощущение сомкнувшихся воедино времен:

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объеблю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
День погасила и ночь привела.

Станным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
Там миллионы рассыпало слез.

Природа и переживание сведено в одно, давнее-давнее душевное потрясение воплощено в образы окружающего мира.

Сочетание прошедшего с настоящим, сочетание воспоминания и ныне переживаемого имеет у Фета свое продолжение, развора-

чивается в мотив философский. Это связь времен, соотношение мгновений и вечности.

Пора за будущность заранее не пугаться,
Пора о счастье учиться вспоминать.

Этот афоризм показывает Фета певцом настоящего времени, э той минуты, данного мгновенья. Он как бы вспоминает будущее и предвидит прошлое, и все происходит в одно мгновенье. Он стремится приобщить беглое мгновенье к океану вечности, уравновесить идеал и реальность, дать им разрядку в гармонии и красоте. Особенно к концу жизни у Фета усиливается мотив слияния капли и моря, индивидуального и всеобщего. Отождествляя минуту с вечностью, поэт придает последней не абстрактно-метафорическое значение, а значение сугубо гуманистическое, реально чувственное.

Хоть не вечен человек,
То что вечно — человечно.

Это вовсе не общежитейская мудрость, часто основанная на игре слов. Фет дает словесную оправу беглому переживанию, он запечатлевает блеск солнца на сгибе волны, трель жаворонка, рассыпанную в синеве, трепет росы.

Афористичность Фета — от желания схватить мгновенье и сочитать его с вечностью: «Одной улыбкой нежной боле, одной звездой любви светлей»; «Как океан разверзлись небеса, и спит земля и теплится, как море»; «И что один твой выражает взгляд, того поэт пересказать не может»; «Стою как безумный, еще не постиг выраженья: разлука...».

Слово Фета осторожно, бережно, нежно прикасается к самым беглым, трудноуловимым, летучим ощущениям, пытается обозначить их суть, а не назвать их категорию. В послании к В. С. Соловьеву он пишет:

Ты изумляешься, что я еще пою,
Как будто прежняя во храм вступает жрица.
И, чем-то молодым овеяв песнь мою,
То ласточка мелькнет, то длинная ресница.

За тремя традиционными строками, говорящими о том, что песнь старого поэта овеивает чем-то молодым, Фет дает поражающую современным видением мира строку: «то ласточка мелькнет, то длинная ресница». Строку, в которой зрительные и душевные связи устанавливаются путем сведения воедино самых далеких ассоциаций. Фет показал новые ассоциативные возможности русской поэзии и открыл ранее неведомые ей пути.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

В стихотворении «Шепот, робкое дыханье» нет глаголов. Это замечено многими, включая пародистов.

Глагол есть действие грамматически закрепленное. Семантически же действие может выражаться и другими частями речи. Это

подтверждает наша поэзия, в том числе и поэзия Фета. Кроме стихотворения «Шепот, робкое дыханье», ставшего хрестоматийным, у Фета есть и другие стихотворения без глаголов. Это не счастливая обмолвка, а осознанный стилевой прием, один из способов лирического высказывания.

Буря на небе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы:
Много мучительных дум —

Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

Отсутствие глаголов не делает эту миниатюру статичной. Напротив, здесь все в действии, в движении: тучи, буря, море, думы. Это стихотворение — образец поэтической динамики, стремительности и лаконичности.

Стихотворение «Шепот, робкое дыханье» исполнено движения. Но движения не бурного, резкого, порывистого, а затаенного, трепетного, едва приметного. Существительные и прилагательные (эпитеты) здесь и в стихотворении «Буря на небе вечернем» силою искусства обретают художественные качества глаголов, они как бы меняют свое грамматическое лицо и играют роль, которую им повелевает играть творец, — роль глаголов.

От начала до конца безглагольно стихотворение «Это утро, радость эта». Оно движется на мелодическом повторе местоимений *эта, эти, этот*.

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти доли,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна.

Здесь движение чередующихся картин дает ощущение идущей жизни. Замысел Фета: снять с лирики ощущение повествовательности, рассказа, дать смену картин и душевных состояний, наплывающих друг на друга, сменяющихся, сосуществующих. Опуще-

ние глаголов делает стих более интенсивным, создает впечатление моментальности переживаний, синхронности чувства и слова.

Однажды Лев Толстой при пианисте Гольденвейзере прочитал вслух первую строфу фетовского стихотворения «Осенняя роза»:

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Прочитал Толстой эту строфу и сказал:

— Как это хорошо: «Дыханьем ночи обожгло!». Это совсем тючевский прием. Как смело, и в трех словах вся картина.

У Фета в сочетании двух-трех слов дается и линия и цвет. Этого художник достигает прежде всего зоркостью души, длительными наблюдениями за миром души и природы и в их сочетании и в их раздельности, умением сопрягать контрастные образы и понятия. Осень, ночная прохлада, обнаженный сад, георгины. И вдруг — обожгло. Эта контрастная краска как нельзя точнее передает картину, дает ощутить ее почти физически.

Контрастные образы — один из излюбленных Фетом приемов. О тех же георгинах в одноименном стихотворении говорится: «...Утренним морозом они стоят опалены». Холод и тепло, мороз и солнце, мрак и свет в тех или иных вариациях часто встречаются у Фета. Притом не как противопоставление, что бывало и у его предшественников, а как сочетание: холодом обожгло, морозом опалены. Точно так же у Тютчева: «лениво дышит полдень мгlistый» — свет и тьма даются как единое впечатление: так светло в полдень, что от света в глазах стоит мгла.

«В трех словах вся картина», «каждое выражение — картина» — в этих толстовских определениях выражена емкая палитра Фета. «Вечерний воздух влажно чист» (стихотворение «В леса безлюдной стороны») — одна строка, ввиду точно найденного сочетания влаги и чистоты, дает представление о целом. «Как пчелы, звуки вдалеке жужжали с колоколен» («Был чудный майский день в Москве») — эти две строки создают целую картину: вместо *звучали* или *звенели* поэт дает необычное *жужжали*, подкрепляя глагол сравнением *как пчелы*, тем самым усиливается ощущение яркости и необычности весеннего дня.

ОГОНЬ — ЛЮБОВЬ

Поздняя фетовская строка «Там человек сгорел», взятая Блоком в свою поэзию как самое точное обозначение лирического действия, имела для ее автора прямой автобиографический смысл. Сгоревшая в молодые годы Мария Лазич (неведомо — несчастный случай или самоубийство?) ослепила и испепелила поэзию своего возлюбленного. Ею и ее судьбой навеянные стихи складываются у Фета в своеобразную сюиту с внутренним психологическим стержнем и драматической последовательностью. Счастливая и

взаимная, но по воле Фета прерванная любовь мстительно вошла в его жизнь и не отпускала ее до последнего вздоха.

На любовную лирику Фета, к кому бы ни были обращены слова его, проецируется — мощно и неотразимо — единственная сильная, прошедшая через всю жизнь бедственная любовь к Марии Лазич. То воспаленной точкой в памяти, то ярким пламенем в душе возникал образ женщины, печально сгоревшей или — как знать? — бросившейся в огонь.

Анализ образной ткани любовной лирики Фета показывает, сколь устойчив в ней и бесконечно разнообразен мотив огня и горения. В стихотворении, написанном в 1871 году и заканчивающемся знаменательными строками, сказано:

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я — я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

Далее: «Язык любви, цветов, ночных лучей» («Ты отстрадала, я еще страдаю»), заканчивающееся по контрасту с только что приведенной концовкой: «Скорей, скорей в твое небытие!». В послании А. Л. Бржеской (28 января 1879) сказано с последней прямой:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

Образ огня выведен на широчайшую орбиту — в мирозданье. Тот же образ в стихотворении «Не тем, господь могуч, непостижим»: «Громадный шар зажег над мирозданьем».

Далее: «Ты вся в огнях...», «И я очнусь перед тобой угасший вдруг и опаленный»; «Ты вся в огнях. Твоих зарниц...».

Цитирование фетовских вариаций образа огня и горения убеждает в том, что прямо и косвенно, сознательно и подсознательно Фет выдает свои потаенные думы, мы видим их постоянство и силу. Горький корень этих образов в его биографии, в судьбе его и его возлюбленной. О чем бы он ни писал, даже в стихах, обращенных к другим женщинам, мстительно присутствует ее образ, ее короткая жизнь, сгоревшая от любви. Как бы ни был подчас банален этот образ или его словесное выражение, он у Фета убедителен. Более того, он составляет основу его любовной лирики.

В книге «Объяснения малорусских и сродных песен», изданной в Варшаве в 1883 году, А. Потебня приводит любопытные примеры из народной поэзии, иллюстрирующие тему «огонь — любовь».

Не огонь горит, не смола кипит,
А кипит-горит ретиво сердце.

«Любовь не пожар, а загорится, не потушить». Стихи и пословицы, сложенные народом, убеждают ученого, что «представления любви огнем и жаждою сродны».

У нас нет основания полагать, что Фету были знакомы эти выкладки славного филолога. Нет смысла сопрягать стихи из его лирических тетрадей и народные мотивы. Наша задача совсем иного порядка. Традиционный образ «огонь — любовь» можно найти едва ли не у каждого поэта, писавшего о любви. Случай с Фетом — особого рода. Здесь образ огня имеет и прямое и переносное значение, он персонифицируется и из символа становится трагедийной реальностью, то есть проходит путь, обратный обычному пути, по которому проходят образы.

«Этот гордиев узел любви... который чем более распутываю, тем хуже затягиваю, а разрубить мечом не имею духу и сил...» (из письма Фета, 1 июня 1850). Хотя молодой человек Шеншин — Фет решился и разрубил этот узел, и у него хватило «духу и сил», но поэт Афанасий Фет не мог уйти от житейски разрубленного узла. Он не говорил об этом, отданный своим хозяйственным заботам, но с годами все более и более ширилась и углублялась воспаленная зона фетовских переживаний. В книге воспоминаний он будет говорить о ней под другим именем (Елена Ларина). В стихах он нигде не назовет ее имени, не упомянет даже инициалы. Но это она...

Кровью сердца пишу я тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несомны уроки,

Видно, большому напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя возвратиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

Мотивы любовной лирики в позднюю фетовскую пору соприкасаются с мотивами близкой смерти. Взгляд на прожитую жизнь то и дело связывается с драмой молодых лет, и поэту нельзя не говорить об его «тайных муках». Они обнажаются в пейзаже и в послании, но всего более в элегии.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день,
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

Цикл стихов Фета о любви к Марии Лазич, прошедшей через всю его жизнь, перекликается со стихами Тютчева, посвященными Денисьевой. Особенно в тех строках, где говорится о позднем чувстве, об уходящей жизни, о необратимости времени. Этот крик души двух родственных поэтов запечатлен в произведениях, покоряющих исповедальной правдивостью и трагедийными мотивами.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей.

За этими двумя фетовскими строками — целая жизнь. Наиболее напряженные лирические образы поэта, несомненно, образы из его любовно-лирического романа. «Любить есть действие, — не

состояние», — писал Фет. В письме к Л. Толстому он говорил: «В художественном произведении напряженность — великое дело».

Это состояние напряженности делает лирику Фета драматичной, психологическая точность ее действует на читателя не менее, чем сюжетность. Действие в лирике создается напряженностью высказывания, его концентрированностью, емкостью. И вместе с тем в лирике трагедийное ощущение крутизны дает веру в могущество человеческого духа. «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он вспарит по воздуху, тот не лирик». Это фетовское высказывание в дополнение к стихам начисто разрушает версию об идиличности его творчества и показывает, насколько он близок к магистральному пути русской поэзии.

ГРАММАТИКА ПОЭЗИИ

(Об одном стихотворении

А. А. Фета)

Член-корреспондент АН СССР

Д. Д. БЛАГОЙ

Грамматика и поэзия, каковы их связь, соотношения? Вправе ли поэт нарушать грамматические правила, и если да, то в каких пределах? — эти и подобные вопросы неоднократно вставали и перед самими писателями и перед их читателями, встречая весьма разнообразные, порой прямо противоположные отклики и решения.

В одном критическом наброске Пушкин в пору своей полной творческой зрелости замечал: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законом своего языка? Он должен владеть своим предметом, не смотря на затруднительность правил, как он обязан владеть своим языком, несмотря на грамматические оковы» (Письмо к издателю «Московского Вестника», 1827—1828). Следует и в этом высказывании Пушкина обратить внимание на характерное выражение «грамматические оковы». И все же Пушкин считал, что писатель, во избежание субъективного произвола и нарушения законов языка, должен добровольно принять и нести и эту «узду искусства» (известное выражение Данте). И он, действительно, нес ее. «Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок и справедливо. Я всегда был им искрен-

но благодарен и всегда поправлял замеченные места» («Опровержение на критики», 1830). Коренным недостатком творчества Державина, могучее дарование которого Пушкин полностью признавал, являлось, как он подчеркивал, как раз то, что его крупнейший предшественник «не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка». И именно потому-то в установлении русской литературной речи Державин смог стать лишь предтечей Пушкина, который эту колоссальную важность по своему историко-культурному значению задачу блистательно разрешил: явил в своем творчестве величайшие образцы языковой гармонии и обеспечил небывалый расцвет всего последующего русского искусства слова.

Наоборот, когда лет сто спустя с необыкновенным шумом вступившие на литературную арену представители тогдашнего русского «авангарда», футуристы во главе с молодым Маяковским, в своих теоретических манифестах, исходя из «непреодолимой ненависти к существовавшему языку» и призывая «сбросить с парохода современности» русскую классическую литературу, начиная с Пушкина, последовательно требовали покончить и с грамматикой (долгой орфографией, долгой знаки препинания и т. п.), из этой их попытки закономерно ничего не получилось.

Между двумя этими полюсами, но гораздо ближе к Пушкину находится грамматическая позиция Фета. «Поэт-музыкант», как метко определил своеобразие фетовской поэзии Чайковский, романтически вздыхающий: «О, если б без слова сказаться душой было можно», непосредственно связывающий свое поэтическое вдохновение с особым «музыкальным настроением», он не склонен был слишком считаться с грамматикой. Резкие грамматические небрежности, порой прямо неправильности (от крайней иногда запутанности синтаксиса и до пунктуации включительно), допускавшиеся им во многих, даже наиболее зрелых и лучших его стихах, вызывали не только остроты со стороны враждебной критики, но и непрерывные замечания таких весьма компетентных в деле поэзии друзей и ценителей его таланта, как И. С. Тургенев, как особенно близкие ему в период наивысшего расцвета его дарования — период «Вечерних огней» — поэты Полонский и Владимир Соловьев, тонкий литературный критик Н. Н. Страхов. Так, прочитав стихотворение Фета, озаглавленное названием одной из сонат Бетховена «*Quasi una fantasia*», Страхов писал ему: «Винovat, что не заявил вам восторг по поводу стихов — я всегда чувствую ваш полет, даже когда не понимаю смысла этих бесподобно певучих строчек».

Восторгался этим стихотворением и Полонский. Однако всегда стоявший на страже грамматики, он счел необходимым указать Фету на соответствующую ошибку в этих «певучих строчках»: «Как-то неграмматично: „В плеске крылий //Подлетать// В мир стремлений“. Не лучше ли — с плеском крылий и улeтaть — ибо подлетать к чему, а улeтaть во что». Фет согласился и исправил:

залетать. «Опять досадная проклятая грамматика», — писал ему тот же Полонский по поводу одного места стихотворения «В полуночной тиши бессонницы моей...» (1888): «Кто — оне? прекрасные друзья и развенчанные боги — откуда же вдруг — оне?!». На это Фет, объясняя употребления им формы женского рода — «оне», довольно сухо отозвался: «Поверь мне на слово, я очень признателен тебе за внимание к моим стихотворениям, хотя в стихотворении „В полуночной тиши“ явно речь идет о женщинах». И все же, хотя стихи уже были напечатаны, поправку, требуемую Полонским, он в дальнейшем в них внес. Примеры своеобразной беспечности Фета по отношению к грамматическим правилам можно легко увеличить. Вместе с тем его реакция на замечания друзей свидетельствует, что он отнюдь не был одержим стремлением сбросить оковы «досадной проклятой грамматики», а лишь показывает, что она являлась для него делом, хотя и нужным, но относительно второстепенным. «Я вовсе не проповедую грамматического неряшества», — заявлял он, в ответ на замечания критики, в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева». Именно с целью устранить возможность таких неряшеств он отдавал все последние прижизненные сборники своих стихов на предварительную грамматическую «цензуру» друзей, не только внося, по их указаниям, как мы только что видели, исправления сам, но зачастую принимая предлагаемые ими поправки. В частности, правильная расстановка знаков препинания полностью доверена была им Страхову, благодаря чему, как признавал сам поэт, многие его стихотворения «получили определенность и ясность».

Однако там, где это вступало в противоречие с «шестым (как он любил говорить) чувством» его, как поэта, он твердо стоял на своем. «Я ни с какими грамматиками в мире не соглашусь», — отвечал Фет однажды Полонскому, указавшему, что две строки присланного им стихотворения находятся «в явной вражде с русской грамматикой». И в ряде случаев поэт имел на это полное право. Особенно ярким примером может служить одно из наиболее известных стихотворений Фета, которое принадлежит к числу драгоценнейших созданий его лирики, «Шепот, робкое дыханье». Для наглядности последующего анализа приведу его полностью и в том виде, как оно было опубликовано поэтом в собраниях его стихотворений 1856 и 1863 годов:

Шопот, робкое дыханье,
Треби соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы —
И заря, заря!...

Появление этого стихотворения вызвало сенсацию, стоявшую на грани своего рода литературного скандала. «Сколько оно шума наделало когда-то, сколько его ругали», — вспоминал лет шестьдесят спустя Л. Н. Толстой (В. Ф. Булгаков. Л. Н. Толстой в последний год его жизни, М., 1960, стр. 97. Запись в дневнике Булгакова 16 февраля 1910 г.). Действительно, стихотворение выглядело на первый взгляд достаточно необычно, почти парадоксально, по своей форме. В словарном его составе подавляющее место занимают имена существительные (23 из общего числа 36 слов; кроме того, в нем 7 прилагательных, 2 предлога и повторяющийся четыре раза союз *и*) и в то же время полностью отсутствует вторая главная часть речи — глагол; этому соответствует и его синтаксический строй: при пятнадцати подлежащих нет ни одного — опять-таки второго главного члена предложения — сказуемого. Все это дало повод большинству критиков усмотреть в фетовском стихотворении нарочитый и дерзкий вызов воинствующего представителя школы «чистого искусства» общепринятым грамматическим правилам и осыпать автора издевательскими пародиями и ядовитыми насмешками, продолжавшимися в сущности всю его жизнь. Так уже много позже весьма влиятельный тогда критик Н. К. Михайловский иронически замечал: «Фет ведь это „шепот, робкое дыханье, трели соловья“, безглагольное стихотворение, безначальный конец, бесконечное начало, словом, нечто архипоэтическое» (Н. К. Михайловский. Полное собрание сочинений. Изд. 7-е. СПб., 1897. Т. V, столб. 564—565). Даже в наше время весьма пренебрежительно отзывался об этом стихотворении некто иной, как Алексей Толстой. «Движение и его выражение — глагол являются основой языка», — говорил он в 1933 году, беседуя на тему об искусстве слова с начинающими писателями: «Найти верный глагол для фразы — это значит дать движение фразе». А на вопрос одного из присутствующих: «Вы говорили, что глагол играет главную роль в языке. Чем же знаменито безглагольное стихотворение Фета „Шепот, робкое дыханье“?» Толстой ответил: «Я эти стихи не люблю. Они сентиментальны. Это упаднические стихи. Глаголы пропущены. Их надо в своем воображении воссоздавать. Наше воображение подсказывает банальные глаголы. Если бы он назвал какой-нибудь глагол необычно точный, передающий шорох листьев, который бывает в июне перед грозой, если бы он употребил глагол, то запахло бы настоящей грозой» (А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 13, стр. 490 и 501).

Со стороны такого знатока и мастера русского языка, как Толстой, отзыв этот мог бы выглядеть весьма странным. Но едва ли можно принимать его слишком всерьез. Думается, что данный ответ Толстого объясняется тем, что стихотворение Фета, действительно, опровергало чрезмерную категоричность его суждений о роли в языке глагола и, захваченный врасплох, он пошел по наиболее легкому пути — попросту отбросил мешавший ему пример. К тому же он явно позабыл это стихотворение. Ведь никакого

«шороха листьев» (есть просто «шепот», но не имеющий к листьям никакого отношения) в нем нет, как нет и приближающейся «грозы», есть занимающаяся «заря». Мало того, можно думать, что именно этот случай побудил Толстого в дальнейшем выдвигать свой тезис осторожнее. Так, снова говоря как-то об основной и ведущей роли глагола, он смел нужным добавить: «Впрочем это мое личное мнение, я его пропагандирую, но не навязываю. Каждый по-своему разбирается в алмазных россыпях языка» (Александр Дымшиц. Звенья памяти. М., 1968, стр. 48). Но ответ Толстого начинающему писателю показывает, насколько живуча была еще традиция поверхностного охуления «безглагольного» фетовского стихотворения.

Совсем по-иному смотрели на него такие великие современники Фета, как Лев Толстой, как Достоевский. «Это мастерское стихотворение», — говаривал запомнивший его на всю жизнь наизусть Толстой, поясняя: «в нем нет ни одного глагола (сказуемого). Каждое выражение — картина» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. I. М., 1955, стр. 181). А Достоевский, отнюдь не разделявший позиций «чистого искусства» и признававший, что в бурную эпоху 50—60-х годов стихотворение Фета по содержанию своему пришлось явно не ко времени, вместе с тем заявлял, что по красоте своей оно таково, что потомство должно поставить поэту памятник (Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. 1930. Т. XIII, стр. 67—68). Даже такой ярый противник «чистого искусства», как Салтыков-Щедрин, писал: «Бесспорно в любой литературе редко можно найти стихотворение, которое своей благоуханной свежестью обольщало бы читателя в такой степени, как стихотворение Фета „Шепот, робкое дыханье“» (Н. Щедрин, М. Е. Салтыков. Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. 5, стр. 331).

Сейчас едва ли есть необходимость доказывать, что в этом разноречии оценок фетовского стихотворения правы оказались Л. Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин. Но возникает вопрос, как же, какими средствами и приемами, пойдя наперекор общепринятым грамматическим представлениям и правилам, Фет добился поразительного художественного эффекта, создавая свое «мастерское стихотворение»? В чем секрет фетовского мастерства? Прежде всего следует отметить, что как почти всякий подлинный новатор, он создавал свое произведение при всей поразившей современников его оригинальности не на пустом месте. Образцы подобных конструкций находим уже у Пушкина. Вспомним в «Евгении Онегине» в 38-й строфе седьмой главы картину Тверской улицы, по которой, миновав московскую заставу, «несется чрез ухабы» ларинский возок: «Мелькают мимо будки, бабы...», и еще семь строк, состоящих, в сущности, только из существительных (23, причем 21 из них — подлежащие; кроме того, лишь два одинаковых предлога и союз *и*). Но начинающий это предложение единственный глагол так точно назван и столь же точно поставлен на

надлежащее место, что его вполне достаточно, чтобы управлять всей этой мелькающей панорамой огромного числа подлежащих: существо изображаемого и все же не вполне обычный грамматический строй находятся здесь, можно сказать, в идеальном соответствии друг с другом. Но в том же «Евгении Онегине» встречается ряд и вовсе «безглагольных» и тоже с необыкновенным мастерством построенных предложений. Вот, например, приезд гостей на именины к Татьяне:

В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмокание девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

То же в «Полтаве» при описании сражения:

Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон.

Правда, в данных безглагольных конструкциях перед нами не целое произведение, а лишь совсем небольшая часть его. Это делает отклонения от грамматически общепринятого не столь заметными. Но, можно с уверенностью сказать, что лущкинские опыты этого рода несомненно были известны Фету и им учтены. Но, по-видимому, именно ему впервые в русской поэзии удалось создать целое произведение без глаголов. Причем началось это, хотя и не привлекло к себе внимания ни тогда, ни позже, почти с первых же шагов его литературной деятельности. Уже в 1842 году, за восемь лет до своего прославившегося произведения, им пишется небольшое стихотворение «Чудная картина, как ты мне родна...», в восьми строках которого глаголы отсутствуют и имеется всего одно сказуемое, тоже не глагольное. В том же году возникает еще одно стихотворение уже не только без глаголов, но и без сказуемых:

Буря на море вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море — и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум,—
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

Наличие уже двух безглагольных стихотворений свидетельствует если не о формальном экспериментаторстве (Фету, в отличие от многих будущих его поклонников, оно вообще было чуждо), то о несомненных творческих поисках поэтом, своеобразии лирики которого, как отмечали наиболее чуткие современные ему критики, заключалось в стремлении воссоздавать «тонкое, музыкально неуло-

вимое» (Аполлон Григорьев), передавать «эфирные оттенки чувств» (Боткин), новых средств и приемов художественной выразительности. И во втором «безглагольном» стихотворении это уже принесло ощутимые плоды. Видимо, именно им можно датировать начало тех «открытий» (много позднее они получили название импрессионизма), которыми Фет предваряет поэзию русских символистов конца XIX—начала XX века. Ведь, если бы не было известно, что оно принадлежит молодому Фету, мы бы не удивились подписи под ним молодого Бальмонта.

Однако во всем своеобразии — и как раз на этих же путях — дарование Фета предстало в стихотворении, о котором у нас идет речь.

«Воссоздавать» читателю отсутствующие в нем глаголы, как это считал необходимым Алексей Толстой, чтобы придать ему «движение», не было решительно никакой надобности. Обычных прямых форм для выражения движения в нем действительно нет, тем не менее — в этом и секрет поэтического мастерства — оно никак не является статичным. Ведь почти все существительные, в нем имеющиеся, обозначают не предметы, а нечто совершающееся во времени, процесс, движение, то есть по существу содержат в себе категорию глагольности, являются своего рода подлежащими-сказуемыми: шепот, дыханье, колыханье, лобзания, слезы (кстати, так построено и безглагольное пушкинское предложение, описывающее приезд гостей к Лариным). А там, где называются поэтом предметы, они даны также не в статике, а в движении (грамматически не как подлежащие, а в качестве дополнений): трели соловья, колыханье ручья, ряд изменений лица. Даже серебро, как отражение в ручье ночного, то есть лунного, света предстает в колебании, переливах (это и прямо подсказано следующим за ним словом: колыханье) и значит входит в присущую всему стихотворению мобильность, трепетность. То же полностью относится к «ночному свету» и к «ночным теням», движение, живая игра которых отражается, как в струящейся воде ручья, так и в ряде изменений лица любимой. Лев Толстой правильно сказал, что в этом стихотворении каждое выражение — картина, но к этому следует добавить — картина движущаяся, динамичная. Ощущение это еще более повышается тем, что все стихотворение дано, как одно единственное предложение — только на запятых, и тем самым прочитывается в ускоренном ритме, без пауз.

Все это делает его исключительно «плотным», лаконичным, полностью отвечающим золотому закону истинной поэзии: в минимуме пространства максимум вещества, энергии — поэтического содержания. Добавление к нему глаголов не только было бы совершенно излишним, страдало своего рода тавтологичностью, но тем самым, как это ни парадоксально, не усиливало бы движения, а, наоборот, отяжеляло, замедляло его.

Вместе с тем «безглагольность» и этого стихотворения отнюдь не просто блестяще удавшийся поэту эксперимент. Она не только па-

ходится в гармоническом соответствии с поэтическим содержанием, но и выражает существеннейшие черты фетовской поэтики вообще.

Некоторые критики склонны были считать, что в нем, наряду с отсутствием глаголов, отсутствует и сколько-нибудь определенное содержание.

В самом деле, где же происходит то, о чем в нем лирически повествуется? Когда это происходит (ведь в стихотворении с одними лишь запятыми одновременно и глубокая ночь, и яркая заря)? Наконец, даже с кем происходит? Почти никаких указаний на это, в сущности, не имеется, что и дало основание Михайловскому объявить его чем-то аморфным, лишенным не только конца, но и начала. Между тем, подобно луне, которая в стихотворении совсем не названа, но ряд строк его озарен ее светом, прямого ответа на все эти недоуменные вопросы в тексте стихов не дано, и вместе с тем для чуткого, восприимчивого к поэзии уха, он в нем же самом незримо присутствует. И именно этим-то тончайшим приемом поэт и сообщил своему «эфирному» созданию все присущее ему очарование, всю его «благоуханную свежесть».

Испокон веков любовь является одним из самых основных предметов мировой поэзии. «Изящная симпатия, установленная в своей всепобедной привлекательности самую природою в целях сохранения видов, всегда останется зерном и центром, на который навивается всякая поэтическая нить», — писал почти семидесятилетний Фет Полонскому. Сколько таких нитей было навито на этот центр и им самим.

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена.

Эти строки о поэте-романтике Ленском при всем отличии от него поэта-романтика Фета можно с полным правом отнести и к его лирике.

Недаром эпитет «безумный» так часто повторяется в его любовных стихах. Но при всем своем романтически самозабвенном безумии и благоговейном преклонении любовь фетовских стихов — отнюдь не некое восхищенно мечтательное, бесплотное, а самое, что ни на есть естественное, порожденное природой для продолжения жизни на земле, чувство и именно в этой своей сущности бесконечно прекрасное — одно из высших проявлений «музыки» мира, подобно красоте, разлитое по всему мирозданию.

Такое представление и давало возможность Фету самые интимные моменты личной жизни изображать с удивительным целомудрием и нравственной чистотой.

Одно из последних стихотворений Фета начинается строками:

Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
Но все ты вдруг приобрела...

«Почему вдруг, а не постепенно?.. Я бы сказал *и новое приобрела*», — писал поэту Полонский. «В большинстве случаев неясность — обвинительный приговор поэту. Но, во-первых, бывают случаи, когда поэт сам не поднимает окончательно завесы перед зрителем, предоставляя последнему глядеть сквозь дымку, как например, пред изображением вчерашней наивной девушки, взглянувшей, наконец, в действительную жизнь с ее высшими дарами. Как же тут не сказать *вдруг приобрела*», — ответил Фет. Одно из таких «вдруг», видимо, и являет собой наше стихотворение, которое начинается глубокой лунной и соловьиной ночью, шепотом и робким дыханьем и заканчивается лобзаниями, слезами восторга и высшего счастья и все шире разливающейся по небу, окрашенной пурпуром розы (цветок, искони играющий столь видную роль в любовной символике) зарей «Заря, заря!», как раньше: «ночные тени, тени без конца»), зарей, символизирующей ту разгорающуюся новую жизнь, в которую вступила вчерашняя девушка, одаренная высшими дарами природы и ставшая «сегодняшней жизненной женщиной» (тоже слова Фета в только что цитированном ответе Полонскому). Это ощущение подсказывается и звукописью стихотворения («Что не выскажешь словами, звуком на душу навей», — писал Фет в 1847 г.), которое начинается шепотными «ночными» *ш, п, т, з, ч*, сменяющимися в двух заключительных строках звонким *з* (в предшествующих одиннадцати строках данный звук был употреблен только один раз), сопровождающимся широко открытым *а* и сливающим слова *лобзания, слезы, заря* в некое целостное и в высшей степени выразительное единство.

Между началом и концом стихотворения проходит явно несколько часов, но они тоже (психологически вполне оправданно: любящие не только не наблюдают часов, но и не чувствуют времени) слиты всем строем стихотворения как бы в одно-единственное мгновение.

Таково содержание стихотворения, овеянного тончайшей поэтической дымкой: ничего не сказано, и все высказано, ощутимо. «Людские так грубы слова, Их даже нашептывать стыдно!» — начинается одно из любовных посланий Фета. И он говорит с нами шепотом без слов, соловьиным пением, серебристой зыбью ручья, ночной светотенью, утренней зарей и одновременно всем безглагольным строем, как раз и придающим особую тонкость, музыкальную неуловимость, «эфирность» динамике движений, оттенкам чувств своего удивительного стихотворения — этого торжествующего гимна любви, этой песни песней поэта нового времени.

Потому на упрек в антиграмматизме Фет мог бы в данном случае с полным правом повторить, что ему дела нет ни до каких грамматик. И поэт был бы во всех отношениях прав.

Пушкин подчеркивал: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи». В своем стихотворении Фет ни в чем не погрешает против законов языка. Характерно в этом отношении, что в первой, журнальной, его редакции («Москвитянин», 1850) одиннадцатая строка читалась: «Речь не говоря». Однако в дальнейшем это выражение, явно нарушающее законы языка, что и влекло за собой его малую вразумительность, было поэтом снято. Обычай же — величина переменная. Свои обычаи есть и у стихотворной речи. Начало одному из них и положил Фет своими безглагольными стихами — опыт, о плодотворности которого свидетельствует не только еще один из последующих шедевров его собственного творчества: «Это утро, радость эта» (1881), но и то, что вскоре после стихотворения «Шепот, робкое дыханье», превосходное безглагольное стихотворение было написано и Тютчевым: «Дума за думой, волна за волной...» (1851). Немало можем мы найти таких стихов и в поэзии конца XIX — начала XX века, в том числе в советской поэзии.

Изъяснить и утвердить специфические «обычаи» стихотворной речи, создать отсутствующую до сих пор «грамматику поэзии» — важная и увлекательная задача, стоящая перед наукой.

ТАК ГОВОРЯТ В МАЛОМ ТЕАТРЕ

(на примере одного спектакля)

Московский Малый театр издавна считался одним из главных хранителей чистоты русского литературного произношения. Рассмотрим речь актеров Малого театра в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (постановка 1949 года) в записи на долгоиграющих пластинках. В спектакле были заняты преимущественно артисты старшего поколения: В. Н. Пашенная, Н. А. Светловидов, Ф. В. Григорьев, И. В. Ильинский, А. И. Сапкин-Никольский, Н. К. Яковлев, В. Д. Савельев, Н. Н. Шамин, А. И. Ржанов, Н. И. Рыжов, П. А. Оленев и др.

Каждый исполнитель строит образ своего героя на речевом фоне всего спектакля в целом. Что же такое речевой, или произносительный фон? Обычно говорят о единых произносительных нормах, которых должны придерживаться артисты. Это единообразие в произношении и должно быть фоном, тогда каждое обоснованное отступление от современной нормы воспринимается как речевая краска, характерологическая черта данного персонажа. Вот почему актерам очень важно знать как нормы современного русского литературного произношения, так и нормы старомосковского произношения, и уметь пользоваться ими. «Умелое же применение различных отступлений от общепринятого сейчас языка может и не обратить на себя внимания рядового зрителя, но всегда будет способствовать тому, что персонаж произведет впечатление человека не нашей эпохи», — говорит В. Филил-

пов в статье «К вопросу нарушений произносительных норм в сценической речи» (см.: Г. О. Винокур. Русское сценическое произношение, М., 1948).

Если учесть, что большинство ролей в рассматриваемом нами спектакле исполняют артисты старшего поколения, можно было бы ожидать, что мы услышим старомосковское произношение. Однако в речи большей части исполнителей нет единообразия.

Сначала рассмотрим произношение некоторых грамматических форм, которые легко заметить и рядовому зрителю.

По традиционной норме возвратные частицы глаголов *-ся, -сь* должны произноситься с твердым согласным. Строго придерживается старой нормы артист А. И. Ржанов (Ляпкин-Тяпкин): увлечёшьсь, сойдёмсь, стройтес, началос.

Мягкое произношение согласного *с* в возвратных частицах, свойственное современной разговорной речи, чаще встречается в произношении артистов младшего поколения. Однако мягкий звук *с^б* мы слышим у таких артистов, как В. Н. Пашенная (Анна Андреевна): признаёс^б, вздумалос^б, обручйлес^б; Н. К. Яковлев (Растаковский): находилс^б, признакс^б; Н. Н. Шамин (Осип) замешкалис^б, садйтес^б.

У ряда артистов новое произношение еще не вытеснило старое, поэтому частицу *-ся, -сь* они произносят то с мягким *с^б*, то с твердым *с*. Например артист Ф. В. Григорьев,

играющий в этом спектакле роль горюничего, произносит: застрелюс, ваялесь и осмелюс^б, смеётес^б; исполнитель роли Хлестакова И. В. Ильинский: признáйтес^б, испугáлсѣ^б, садитес^б и садитес, издержáлсѣ; Н. И. Рыжов (Земляника): обра́довалсѣ^б и случáлос; В. Д. Савельев, играющий почтмейстера Шпекина, произносит: не реши́лсѣ^б, вы́разилсѣ^б и волочѣс.

Прилагательные мужского рода на *-кий* в именительном падеже единственного числа по старомосковской норме, которую желательного сохранить на сцене, нужно произносить с твердым *к*, то есть как *-кѣй*. В современной речи преобладающим стало произношение с мягким *к*: *-кий*.

У артистов А. И. Ржанова и И. В. Ильинского в произношении этих окончаний нет единообразия — А. И. Ржанов: высо́кѣй посетитель, но колле́жскѣй ассессор; И. В. Ильинский: всѣкѣй де́нь, англи́скѣй, немецкѣй посланник, но францу́зскѣй посланник. Остальные исполнители последовательно произносили прилагательные на *-кий* с твердым *к*. Н. А. Светловидов (Бобчинский), П. А. Оленев (Добчинский), Н. К. Яковлев (Растаковский) называют фамилии своих героев со старомосковским произношением: Бобчинскѣй, Добчинскѣй, Растако́вскѣй; В. Н. Пашенная произносит: генерáльскѣй чин; Ф. В. Григорьев: всѣкѣй, низенькѣй; Н. И. Рыжов: департа́ментскѣй сторож.

Нет единообразия и в произношении безударных окончаний глаголов второго спряжения в третьем лице множественного числа. Так, у исполнителя роли горюничего мы слышим: заса́дѣут, но содержитсѣ; у И. В. Ильинского: ко́рмѣт. По традиционной норме эти окончания произносятся со звуком *у*. В наше время такое произношение считается уже устаревшим. Новая норма требует в этом случае произношения редуцированного звука *ъ*. Однако для пьес классического репертуара можно было бы сохранить гласный *у*.

Теперь рассмотрим, как произносят артисты сочетания согласных.

Старомосковская норма требовала смягчения зубных согласных *т*, *д*, *с*, *з*, *н*, стоящих перед мягкими зубны-

ми *т^б*, *д^б* и т. д. В основном эта норма справедлива и для современной орфоэпии. Особенно строго следует придерживаться такого произношения в словах, употребляющихся достаточно часто.

Как же говорят артисты Малого театра?

Наиболее нормированное произношение сочетаний зубных согласных перед мягкими зубными можно отметить у артистки среднего поколения О. М. Хорьковой, исполняющей роль Марьи Антоновны: зѣдѣсь, сегодѣнѣя, сѣтѣишкѣй; у артистов старшего поколения Н. К. Яковлева: сѣлѣдует, ѣсѣлѣи, сѣнѣя; Н. И. Рыжова: в мунѣдѣйре, объѣсѣнѣйтѣ, изѣнѣих, А. И. Ржанова: чѣсѣтѣ, сѣтѣпѣни, зѣдѣшнего; у В. Д. Савельева, исполнителя роли почтмейстера: почтмѣйсѣтѣер, угорáздѣнѣи, конѣдѣйтер, воротѣнѣишкѣй; А. И. Сашина-Никольского, игравшего Луку Лукича Хлопова: робѣсѣтѣ, советѣнѣишкѣй; у Н. А. Светловидова — Бобчинского: зѣдѣшного, ѣсѣлѣи. В речи остальных участников спектакля есть единичные отступления, не желательные для сцены, так как твердое произношение первого согласного встречается у них в частотных словах.

Так, И. В. Ильинский произносит зѣдѣлала, издѣерѣвни, ремѣсѣлѣенник и зѣдѣлатѣ; Н. Н. Шамин — Осип: зѣдѣсь, безѣдѣнег и послѣднее, отнѣесѣшь; Ф. В. Григорьев: сѣлѣюнка, козѣлѣиная, сплѣтѣнѣишкѣй, отѣнѣимет и разнѣесѣт, слѣйшкѣм, зѣдѣсь; В. Н. Пашенная: ѣсѣлѣи, жнзѣнѣ, благорѣдѣнѣйших и зѣдѣсь, слѣдѣоватѣ; П. А. Оленев — Добчинский: наизѣсѣтѣ, мѣсѣлѣи и фѣкуснѣишкѣй.

Сочетания зубных перед мягкими губными согласными *б^б*, *н^б*, *в^б*, *ф^б*, *м^б* произносятся со смягчением зубного. Это старомосковская норма. Большинство артистов, занятых в этом спектакле, смягчает зубной согласный перед мягким губным — Н. И. Рыжов: сѣвѣнѣнѣй, изѣвѣстно, не сѣмѣя; А. И. Сашин-Никольский (Хлопов): осѣмѣлюсь, воспѣнѣитѣ; А. И. Ржанов: прѣсѣвѣятѣя, рáзѣвѣе, отѣвѣяжитѣсь, сѣмѣелѣе, расѣпѣкáет; Н. А. Светловидов (Бобчинский): изѣвѣнѣитѣ, адѣмѣпíралѣм; Н. Н. Шамин: сѣвѣязыватѣсь, подѣвѣязáтѣ.

В современной разговорной речи зубные перед мягкими губными часто не смягчаются. Влияние этой тенденции можно отметить и на произношение актеров старшего поколения. Анна Андреевна В. Н. Пашенной произносит: с^вб^этские, не с^мб^эй и не см^бэю, отв^бэч^ать, восп^битанный, Сквозник-Дмухановский Ф. В. Григорьева: из^вб^эстные, не с^мб^эем, с^вв^нные и осм^белось, посм^бщище, св^бэрху; Хлестаков (И. В. Ильинский): неиз^вб^эстно и см^бэшь, медв^бэд^ь, тв^вэрдую, дв^бэсти; Шпекин (В. Д. Савельев): пез^вб^эстно, см^бэю, от см^бэху, сп^бэщ^у, расп^бэч^атал.

По старомосковской норме губные согласные *б, п, в, ф, м* перед мягкими губными смягчались. Теперь такое произношение считается устаревшим. При произнесении слов с подобными сочетаниями артисты придерживаются современной нормы — О. М. Хорькова и В. Д. Савельев: фн^берэд; Ф. В. Григорьев: фн^берэд, вм^бэсте, обм^бэривать; В. Н. Пашенная: вб^бэж^ала, фн^бтерб^урге. Однако встречаются и отступления от современной нормы — И. В. Ильинский: из люб^вв^бй Н. А. Светловидов — им^бп^бер^аторские.

Архаичным считается также и смягчение губных согласных перед мягкими заднеязычными *ж, г*, что в старомосковском произношении было нормой. В произношении артистов нет единообразия. Мы слышим: пост^жп^кчи, рыц^кчи, Лянк^чин-Тянк^чин (В. Н. Пашенная), г^ннк^чи (И. В. Ильинский) поп^рф^кчи (Ф. В. Григорьев) — без смягчения губных согласных *п* и *ф*; Лянк^чин-Тянк^чин (А. И. Ржанов), пост^жп^кчи (П. А. Оленев), Пот^мк^чин (Н. К. Яковлев) — с мягкими *п^б и м^б*.

В произношении сочетания *чи* артисты Малого театра строго придерживаются традиционной нормы, то есть произносят это сочетание как *шы* — В. Н. Пашенная: суд^я — соб^шн^чик; Н. Н. Шамин: горем^шное житье; И. В. Ильинский: ск^шшное время, вар^шно.

В соответствии со старомосковской нормой на месте буквы *а* в первом предударном слоге после шипящих произносится *ь*^о. Артисты стараются не отступать и от этой нормы — П. Н. Шамин: лош^ьд^бй; П. И.

Рыков: не ж^ьд^бю; И. В. Ильинский: ж^ьр^кое. В современном литературном произношении в словах *жалеть, лошадей* и ряде других сохраняется произношение со звуком *ь*^о. Однако в большинстве слов такого типа звучит *а*. Произношение *лошад^бй* отмечено только у Ф. В. Григорьева. По-видимому, это речевая красота.

Следует отметить единичные ошибки в произношении отдельных артистов. Исполнитель роли Хлестакова произнес: не прот^бф^тест. Мягкий согласный глагола в повелительном наклонении нельзя произносить с отвертением. В сочетании ж^{д^б} звук *ж* не смягчается. У городничего мы слышим: пр^жк^дде. У него же мы замечаем неожиданное смягчение зубного согласного перед твердым губным согласным: с^чил^бн^кик.

В русском литературном произношении конечный твердый согласный слова не смягчается под влиянием начального мягкого согласного последующего слова. В сиктакле замечаем: Лянк^чин-Тянк^чин. В^бт^бебе н^а! Точно так же произносит эту фразу и Хлестаков.

В. Филиппов в уже упомянутой статье пишет: «...Недопустимо смешение различных произношений или различных ударений в одной и той же роли, что, к сожалению, иногда приходится наблюдать в наших ведущих театрах».

В этом сиктакле приходится отметить, что артисты в одной и той же роли по-разному произносят одну и ту же или однокоренные слова. Так, Бобчинский П. А. Светловидова говорит: ей б^огу и ей б^оуу, слава б^оуу; Хлестаков И. В. Ильинского: з^дд^белала и з^дд^бэч^ать, из люб^вв^бй и от люб^вв^бй; горожанин Ф. В. Григорьева: з^дд^бесь и з^дб^бесь, с^вв^берх и св^бэрху.

Сбрасывает на себя внимание и разницей в звучании одних и тех же и однокоренных слов, произнесенных разными артистами. Городничий произносит: с^буд^а, Осип: суд^а; Анна Андреевна говорит: Лянк^чин-Тянк^чин^а, а Лянк^чин-Тянк^чин произносит свою фамилию с мягким *п^б*; Хлестаков: ос^мб^белюсь, городничий: ос^мб^белось, пос^мб^белее. Когда же реплики с разбоем в произношении одних

и тех же слов следуют друг за другом, это становится особенно заметно:

Хлестаков (И. В. Ильинский)... Мне бы только рублей двѣсти или хоть даже и меньше.

Городничий (Ф. В. Григорьев). Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (И. В. Ильинский). Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна (О. М. Хорькова). Нет, я не испугалась.

Несколько слов о речевых красках.

Прекрасно создал речевой образ старика Растаковского Н. К. Яковлев. Он строит его на строгом соблюдении норм старомосковского произношения, поэтому устаревшие произносительные черты воспринимаются нами как краска. Например: спех, пѣрѣвом, гвардѣец, тоудѣ. Потѣмкѣни. Последовательное произнесение глагольной частицы *-ся, -сь* с мягким *с* воспринимается в этом случае как старческая шепелявость.

Интересна находка И. В. Ильинского, вполне соответствующая характеристике, данной Н. В. Гоголем своему герою, человеку ветреному, который, начиная разговор, сам не знает, куда он его заведет. У Хлестакова слова не поспевают за мыслями. Торозясь высказаться, он проглатывает звуки, не договаривает окончания: остѣлсѣ (осталось), побѣдтѣ (победать), в больницѣ, что ли (в больнице что ли), чиѣвѣк (человек), хѣашѣ (хорошо), бѣут (будет) и т. д.

Стараясь показать свою светскость или образованность, герои спектакля произносят заимствованные слова, не редуцируя безударные гласные: солидность, блондин (Анна Андреевна), почтмейстер (Земляника), физиогномии (Шпекин). И тут же мы слышим просторечные: мадѣра, цѣлуются, персидскай, чрезвычайнай, — говорящие о низком культурном уровне Сквозника-Дмухановского; большы, подвизѣть, бѣдит, знѣите — крепостного Осипа.

Однако не все речевые отступления, задуманные как характерологическая черта персонажа, выпол-

няют свое назначение. Так, архаичное смягчение *р* перед мягкими зубными и губными, являющееся теперь просторечным, в произношении городничего — Григорьева пропадает на фоне речевого разнообразия речи других исполнителей (городничий: корѣмѣйл, тѣрѣпит; Ляпкин-Тяпкин: рѣвѣнем, но усѣрдѣем).

Здесь мы рассмотрели только самые типичные отступления от орфоэпических норм русского литературного языка, которые характерны для артистов как Малого, так и всех других театров. (О колебаниях в произношении артистов других театров писал И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров и др.) В целом сценическая речь артистов Малого театра остается нормированной. Однако и в ней заметны колебания, свойственные живой разговорной речи. И характерно, что колебания эти присущи даже речи старейших артистов.

Л. И. КУЗНЕЦОВА

РУССКИЕ ИМЕНА В XX ВЕКЕ

(На материале
пензенской антропонимии)

Работа по антропонимии ведется на историко-филологическом факультете Пензенского педагогического института более 10 лет, причем нас интересуют следующие основные вопросы: 1) состав личных имен, употребляющихся среди русского населения в настоящее время; 2) степень распространенности каждого имени в разные годы применительно к городу и сельской местности; 3) «мода» на имена, в частности движение имен в городах и селах Пензенской области в XX столетии; 4) словообразование, эмоционально-экспрессивные оттенки и функционирование форм «субъективной» оценки (Петя, Петрок, Петан, Петрунок, Петка и др.) в русском литературном языке и народных говорах; 5) закреплённость отдельных имен и фамилий за определенными социальными группами и слоями в старой России (имена дворянские, купеческие, мещанские, крестьянские).

I. Состав имен (именник — по терминологии В. А. Никопова) определяется по материалам загсов. Приводимая таблица по городу Пензе дает наглядное представление о количестве имен, данных родившимся в 1907, 1917, 1927, 1937, 1947, 1957, 1967 годах.

Как показывают данные, в 1907 году было зарегистрировано 1715 родившихся: 855 мальчиков и 860 девочек. Им было дано 78 имен: 36 мужских и 42 женских. Перечислим их. Мужские имена: Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Андриан, Антон, Борис, Валентин, Валерий, Василий, Вик-

Год	Количество имен		
	мужских	женских	всего
1907	36	42	78
1917	42	30	72
1927	62	77	139
1937	56	58	114
1947	34	49	83
1957	39	43	82
1967	35	49	84

тор, Виталий, Владимир, Всеволод, Вячеслав, Георгий, Глеб, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Илья, Иннокентий, Клавдий, Константин, Леонид, Михаил, Николай, Павел, Петр, Семен, Сергей, Тимофей, Федор, Юрий, Яков. Женские: Алевтина, Александра, Анастасия, Аина, Антолина, Валентина.

Валерия, Варвара, Вера, Викторина, Галина, Евгения, Евдокия, Екатерина, Елена, Елизавета, Зинаида, Зоя, Инна, Ираида, Ирина, Клавдия, Ксения, Лариса, Лидия, Любовь, Людмила, Маргарита, Марина, Мария, Надежда, Наталья, Нина, Ольга, Пелагея, Раиса, Римма, Серафима, Софья, Таисия, Тамара, Татьяна.

В 1947 году в Пензе мальчикам было дано 34 имени: Александр, Алексей, Анатолий, Андрей, Борис, Вадим, Валентин, Валерий, Василий, Вениамин, Виктор, Виталий, Владимир, Владислав, Вячеслав, Геннадий, Георгий, Григорий, Дмитрий, Евгений, Иван, Игорь, Константин, Лев, Леонид, Николай, Олег, Павел, Петр, Семен, Сергей, Станислав, Федор, Юрий; а девочкам — 49: Агнесса, Алевтина, Александра, Алина, Алла, Альбина, Анна, Антонина, Валентина, Валерия, Вера, Викторина, Галина, Евгения, Евдокия, Екатерина, Елена, Елизавета, Зинаида, Зоя, Ида, Инесса, Инна, Ираида, Ирина, Капитолина, Клавдия, Ксения, Лариса, Лидия, Лилия, Любовь, Людмила, Маргарита, Мария, Надежда, Наталья, Нелли, Нина, Ольга, Раиса, Римма, Светлана, Серафима, Софья, Таисия, Тамара, Татьяна, Фаина.

По городу Пензе максимум разных имен приходится на 1927 год: мужских — 62 имени, а женских — 77. В этот год еще употребительны «старые» имена: Арсений, Елисей, Зиновий, Серафим, Ростислав и другие. Но наряду с ними находим новые заимствования: Адольф, Артур, Бенедикт, Генрих, Леопольд, Ричард, Рудольф, Эдуард, Ювеналий, Юлий; Августа, Аделаида, Аделья, Аза, Алла, Галентина, Генриэтта, Жанна, Изабелла, Инесса, Маргаритта, Муза, Фанна, Эльза, Элеонора.

В. А. Никонов, характеризуя новшества в русской антропонимии конца 20-х — начала 30-х годов XX века, в качестве первой и самой многочисленной группы новых имен приводит «иностранные личные имена, заимствованные преимущественно через литературу, театр, кино: Август, Альберт, Арнольд, Артур, Роберт, Рудольф, Эрик, Ада, Аза, Анда, Альбина, Жанна, Римма, Элеонора, Эльвира, Эмилия, Эмма и многие другие» (Личные имена в современной России. — «Вопросы языкознания», 1967, № 6).

В Пензе в 1927 году было дано 25 таких имен, из них только 6 совпадают с приведенными В. А. Никоновым (Рудольф, Эдуард, Аза, Жанна, Римма, Элеонора). Следовательно, «букет» новых имен разнообразился от города к городу и от года к году (в Пензе, например, в 1937 году встречаем: Алиса, Альберт, Альфред, Жорж, Роланд; Альбина, Вioлетта, Миральда, Флора, Ювеналия, отсутствовавшие в 1927 году).

Именик села этих лет почти не включал городских «шикарных» имен вроде Жорж, Рудольф, Миральда, Элеонора. И в последующие годы именик села продолжал заметно отличаться от городского. Так, в 1961 году в Пензе отмечены имена Альберт, Аркадий, Вадим, Георгий, Лев, Роман, Федор, Эдуард, Алла, Инна, Ираида, Нелли, в то время, как в сельских, преимущественно «периферийных» районах области, обследованных В. А. Никоновым, они не встретились вовсе.

II. Распространенность имен (их «удельный вес», «мода») выявляется также по документам загса. В качестве примера приведем сведения по наиболее употребительным, или «модным», 10 именам (5 мужским и 5 женским) в Пензе за последние шесть десятилетий (1907—1967 годы).

Год	Имена мужские	Количество в процентах	Имена женские	Количество в процентах
1907	Александр	16,8	Мария	14,7
	Николай	12,4	Александра	7,5
	Иван	5,2	Антонина	6,8
	Петр	5,0	Анна	6,6
	Владимир	4,9	Клавдия	5,7
	Всего	44,3		41,3
1917	Владимир	23,5	Вера	13,9
	Александр	23,5	Нина	14,0
	Николай	12,1	Галина	6,5
	Виктор	7,1	Александра	5,6
	Михаил	6,4	Клавдия	5,6
	Всего	72,6		42,6
1927	Владимир	16,2	Нина	13,0
	Николай	12,4	Тамара	7,3
	Юрий	11,9	Вера	6,7
	Виктор	11,0	Галина	6,5
	Александр	8,0	Людмила	5,4
	Всего	59,5		38,9
1937	Владимир	13,7	Валентина	15,5
	Анатолий	12,2	Нина	11,3
	Виктор	11,7	Галина	10,1
	Юрий	11,4	Тамара	7,3
	Геннадий	9,4	Лидия	6,1
	Всего	58,4		50,6
1947	Владимир	18,6	Галина	11,4
	Алексей	11,9	Людмила	10,6
	Виктор	10,7	Татьяна	10,6
	Юрий	9,4	Валентина	9,4
	Анатолий	8,3	Любовь	7,6
	Всего	58,9		49,6
1957	Александр	13,1	Татьяна	10,7
	Владимир	11,9	Ольга	8,5
	Сергей	10,1	Нина	8,1
	Юрий	4,1	Людмила	7,4
	Виктор	3,3	Наталья	7,2
	Всего	42,5		41,9
1967	Сергей	13,7	Светлана	13,2
	Александр	13,4	Марина	12,0
	Андрей	12,5	Ольга	9,5
	Владимир	9,5	Наталья	9,2
	Валерий	5,6	Елена	8,8
	Всего	54,7		52,7

Нетрудно заметить, что имена, входящие в первую пятерку, имеют высокий процент употребительности (до 23,5 процента — имена Владимир и Александр в 1917 году) и составляют в среднем для мужчин 55,84, а для женщин — 45,37 процента всех названных в эти годы.

Неодинаков и конкретный состав имен в пределах первой «обоймы». Если Александр и Владимир постоянно входят в состав «активной» пятерки, то другие три имени оказываются непостоянными. Например, Иван и Петр входят в пятерку лишь 1907 года; Михаил — в пятерку 1917 года; Николай, — 1907, 1917, 1927 годов; Юрий и Виктор становятся «модными» с 1927 по 1957 год; Сергей попадает в пятерку лишь в 1957 и 1967 годы, а Андрей и Валерий — в 1967 году.

Такую же картину обнаруживаем и в первых пятерках женских имен.

Противоположность рассмотренным представляют имена единичного употребления. В 1927 году, например, среди 62 мужских имен редких (не более трех носителей) оказалось 32 имени, что составляет 3,31 процента от общего числа родившихся в этом году (их получили 49 человек), и среди 77 женских — 41 имя (их получили 59 человек), что составляет 5,3 процента.

Состав наиболее употребительных имен села обычно не совпадает с городским. Так, сравнение данных за 1961 год по городу Пензе и по районам Пензенской области, по сведениям В. А. Никонова, позволяет к числу преимущественно «городских» отнести имена: Андрей, Валерий, Виталий, Вячеслав, Дмитрий, Игорь, Олег; Ирина, Лариса, Ольга, Марина, а к числу «сельских» имена: Виктор, Иван, Николай, Петр; Зинаида, Зоя, Лидия, Любовь, Надежда, Нина, Раиса. Если же сравнить данные по городам и селам области за 1967 год, то границу между «городскими» и «сельскими» именами провести будет уже затруднительно.

III. Сам именная и «удельный вес» входящих в его состав имен постоянно изменяется. Особенно в переломные периоды жизни народа, когда одни имена по тем или иным соображениям признаются хорошими, а другие — плохими или устаревшими. Таким периодом в жизни России была Октябрьская социалистическая революция. Имя Владимир, в начале века имевшее сравнительно невысокий процент употребительности, к 20-м го-

Имена	Год						
	1907	1917	1927	1937	1947	1957	1967
Олег	0	0,28	0,7	0,72	1,4	1,3	3,3
Игорь	0	0,7	0,4	0,32	0,2	1,02	4,01
Сергей	3,7	5,28	1,8	0,8	2,9	9,3	13,7
Андрей	0,8	0	0,2	0	0,2	1,4	12,5
Татьяна	3,72	1,9	0,9	0,72	10,6	14,4	8,2
Людмила	0,12	2,4	5,4	5,6	10,6	2,3	5,0
Наталья	0,72	0	0,2	0,64	5,0	8,1	9,2
Ирина	0,12	1,12	0,4	0,72	0,9	6,0	8,0

дам XX века в Пензе выходит на первое место. Популярность этого имени, несомненно, связана с образом Владимира Ильича Ленина (об этом см. А. В. Суперапская. Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964; В. А. Никонов. Указ. соч., стр. 106).

· Возрастает также употребление имен Олег, Игорь, Сергей, Андрей, Татьяна, Людмила, Наталья, Ирина (см. таблицу на стр. 54; в которой употребительность имен показана в процентах).

Напртив, все меньше детей города Пензы в этот период получали имена Иван, Петр, Федор, Анастасия, Антонина, Александра, Елизавета, Екатерина, Мария и другие.

IV. Изучению форм «субъективной» оценки личных имен в Пензенском педагогическом институте предшествовал длительный и широкий сбор материалов в городах и районах Поволжья, а также в других областях РСФСР. Силами студентов и учителей (около 1000 корреспондентов) удалось собрать свыше 20 тысяч словоформ. Большая часть этого материала, естественно, совпадает с тем, который содержится в «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1966). Однако около 5 тысяч слов (25 процентов), главным образом диалектных, оказались новыми и, следовательно, дополняют коллекцию Н. А. Петровского. Научной разработкой форм «субъективной» оценки в различных аспектах занята сейчас Е. Ф. Данилина, завершающая кандидатскую диссертацию на тему «Личные имена официальной и неофициальных форм в современном русском языке (их специфика, словобразование и функционирование)».

V. Социальный аспект антропонимии исследуется нами на материале художественных произведений XVIII—XX веков (Д. И. Фонвизин, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, М. А. Шолохов), а также по архивам Пензенского загса и различным краеведческим источникам. Пока идет накопление материала.

В заключение несколько слов об организации и формах работы.

В работу по антропонимии вовлечены все студенты историко-филологического факультета (очного и заочного отделений). Задания по сбору материала и его первоначальной группировке даются в контрольных работах по введению в языкознание, диалектологии и современному русскому языку. Студенты пишут курсовые работы, посвященные отдельным антропонимическим вопросам, выступают с докладами на научных конференциях. С 1967 года автор этой статьи ведет спецсеминары «Русская ономастика» (на IV курсе) и «Русская антропонимия XX века» (на V курсе заочного отделения), а также читает в спецкурсе «Новое в лингвистике» особую тему «Проблемы ономастики».

Профессор В. Д. БОНДАЛЕТОВ
Пенза

УДАРЕНИЕ НА ПРЕДЛОГАХ

Перенос ударения с существительных на предлоги — явление затухающее в системе русского ударения. Если мы до сих пор свободно употребляем: *за́ день, за́ руку, за́ спину; на́ год, на́ ногу, на́ ноги, на́ ночь, на́ пол, на́ руку, на́ руки; по́ небу, по́ полу, по́ полю* и др., то многие случаи напредложного ударения, отмеченные в одном из акцентуированных памятников XVII века, кажутся нам совершенно невозможными: *бе́з страха, во́ имя, до́ поро-ху, до́ стану, из́ стану, на́ полк, на́ порох, от́ власти* (Ch. Stang. *La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»*, 1647. Oslo, 1952).

Необычные для литературного языка XIX—XX веков напредложные ударения находим и в областных говорах, лучше сохранивших эту особенность: *до́ города, до́ пояса, за́ сеном, из́ поля, по́д сеном, у́ берегу, у́ бока, у́ печи, у́ поля, у́ пояса* (С. П. Обнорский. *Именное склонение в современном русском языке*. Вып. 1. Л., 1927).

В современном литературном языке лишь отдельные формы некоторых имен существительных (как правило, имеющих подвижное ударение) сохранили способность передавать ударение определенным контактным предлогам. Так, теперь обычны лишь *из́ лесу, по́ лесу*, но еще у поэтов XIX века находим также: *до́ лесу, из-за́ лесу, у́ лесу, за́ лес, на́ лес, за́ лесом*. Достаточно полные сведения о переносе ударения с существительных на предлоги можно найти в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959).

Многие конструкции с напредложным ударением имеют полунаречный характер или употребляются в устойчивых сочетаниях: *бе́з толку, на́ смех, со́ смеху, бе́з году неделя, слово за́ слово, час от́ часу и под.*; но современный русский литературный язык знает напредложное ударение и в свободных сочетаниях: *взять за́ руку, выйти из́ лесу, бросить на́ пол, бродить по́ лугу* и др. Следует отметить, что лишь в немногих случаях напредложное ударение бывает единственно возможным.

Перенос ударения на предлоги издавна был приметой разговорного стиля. Это отмечал еще А. Х. Востоков (Русская грамматика. СПб., 1831). Ср. также помету «просторечное» в четырехтомном «Словаре русского языка» при таких выражениях: *по́ боку* — ‘дой’, ‘прочь’; *не по́ носу* — ‘не по нраву’. В ряде других случаев разговорный характер наречных выражений, которые произносятся обычно с ударением на предлоге, легко обнаруживается при сопоставлении их с синонимами: *до́ смерти* — очень, крайне; *ни на́ волос* — нисколько; *бок о́ бок* — совсем близко, рядом; *по́ сердцу* — нравится. Все перечисленные сочетания в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова имеют помету «разговорное». С другой стороны, можно назвать отдельные предложно-падежные формы, свойственные книжным стилям, по-видимому, и не употреблявшиеся с напредложным ударением: *по се́рдцу* в значении ‘в отношении данного признака’. Ср. у поэтов XIX века: «Отец ваш редкий человек По се́рдцу, по уму» (Н. А. Некрасов. Княгиня Трубецкая); «Лишь ты один, ты не скупился. По се́рдцу брат мой, Алексей!» (Фет. А. Ф. Бржецкому). Ф. Е. Корш, отмечая безударность, несамостоятельность существительных в таких случаях, как *на́ смерть, до́ смерти, при́ смерти*, в то же время указал на ударение *по сме́рти*, так как это «формула книжная» (О русском народном стихосложении. СПб., 1897). У поэтов XIX века также только *по сме́рти*: «[Люций] По сме́рти стал ты вне тревог!» (А. Майков. Три смерти); «Чтоб в райский, по сме́рти, войти вертоград, Ты должен душою смириться» (А. К. Толстой. Песня о походе Владимира на Корсунь).

В связи с тем, что перенос ударения с существительных на предлоги — явление стилистически окрашенное, в большей степени характеризующее язык старинный и народный, нежели литературный язык XIX—XX веков, интересно исследовать особенности употребления сочетаний с напредложным ударением в языке художественной литературы, в частности в поэтическом языке второй половины XIX века, когда «расширялся и углублялся процесс национальной демократизации русского литературного языка» (В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938).

Как и следовало ожидать, большая распространенность напредложного ударения отличает прежде всего произведения, отражающие те или иные стороны крестьянской жизни. Назовем прежде всего «Кому на Руси жить хорошо», «Псовую охоту», «В деревне» Н. А. Некрасова, многие стихи И. С. Никитина, поэму «Бродяга» И. С. Аксакова. Приведем некоторые примеры.

И. С. Никитин: «То надо печь соломою Топить и щи варить; То за водою на́ реку с ведерками сходить» (Рассказ крестьянки); «Нашел друга по́ сердцу — сгубил свою голову!» (Песня); «Горькое горе без зову нагрянуло. При́ горе радость свинцом в воду капнула» (Бедная молодость, дни невеселые...); «Эх, если бы махнуть мне на́ Дон в стени Или на Волгу в бурлаки!..» (Тарас).

Н. А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо»: «Отец, поднявшись до свету, Будил дочурку ласкою»; «Приветал — и бабу за косу, Как редьку за вихор!»; «А сами вы Что за люди? Откуда вы? Куда вас бог несет?»; «Богат купец Алтынников, А все не устоять ему Против мірекой казны — Ее, как рыбу из моря, Века ловить не выловить»; «...Стал на воз, видим: крестится»; «Догнал коня — за холку хват! Вскочил и на дуг выехал»; «Бог на — помочь! Как ловится?..»; «А обод как распрямится — Щелк по лбу музика!».

Примечательно, что Некрасову, органически усвоившему формы народной поэзии, чуждо намеренное насыщение своих произведений напредложными ударениями, как это наблюдается, например, у Мея, прибегающего к нарочитой стилизации.

В справедливости утверждения, что Мей намеренно насыщает напредложными ударениями некоторые свои произведения, написанные в стиле народного эпоса, народных песен, убеждают хотя бы такие количественные сопоставления. В «Слове о полку Игоря...», переданном размером народных сказок и песен, на 16 страницах находим 24 ударения на предлоге, в «Песне про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую» на 14 страницах — 20, в «Песне про боярина Евпатия Коловрата» на 17 страницах — 16. А в лирических стихотворениях Мея на 64 страницах имеется 21 напредложное ударение. Интересен и характер предложно-падежных конструкций с ударением на предлоге, употребляемых Меем. Наряду с широко распространенными *за море, за руку, на ухо, от роду, по полю* в названных произведениях, а также в некоторых других встречаем необычные для литературного языка того периода напредложные ударения, неизвестные вне архаизированного или стилизованного под народную речь контекста: «На сыром току живот кладут. Выведают душу из тела» («Слово...»). «И орлы зверей сзывают клектом на кости» (там же); «Знамена шумят — и половцы Идут от Дона, от моря, от всех стран (там же); «Брат на брата, отец пойдет на сына» (Песня про княгиню...); «Разъярился тут хан, крикнул батырям: „Разнимите ножами противника на части!“» (Песня про боярина...); «Исполни был Евпатий от младости силою — И мечом раскрыл Хоздоврула он на — полы» (там же. На полы — ‘пополам’. Ср. в памятнике XI века «Поляма же Григории мрътвь и на полы пръсьбчень». — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка.

Как видим, в ряде случаев Мей использует напредложное ударение как одно из средств стилизации под народную или старинную речь. Обращает на себя внимание и то, что многие из перечисленных напредложных ударений находим у Мея именно в конце строки с дактилическим, как нередко в народной поэзии, окончанием: *из тела, на части, из-под слега* и др. С подобным явлением

встречаемся и у Огарева в его произведении «За столом сидел седой дедушка...», написанном в стиле народных песен: «А теперь, сударь Лука Федорыч, Что, пешком мне, что ль, идти по грязи?»; «Народил со мной деток малых, Да пускаешь нас, сударь, по миру»; «Тут как взбесится Лука Федорыч, Да как со стула вскочит на ноги, Кулаком своим треснет по столу». Таким образом, есть определенная зависимость между использованием ритмики народной поэзии и частотой напредложного ударения.

Мей и Огарев изредка употребляют и чисто ритмические напредложные ударения, подобные былинным *без чоботов, за купца, на золотой стул, у кроваточки*: «Копь оседлан со полуночи» (Мей. Слово...); «...Да как со стула вскочит на ноги» (Огарев. За столом сидел седой дедушка...). Как известно, народные эпические произведения отличаются некоторыми особыми ударениями (бóяра, бóгатырь, пóлотно и др.), подчиненностью ударения ритму: «Принимали чару единой рукой, Выпивали чару на единый дух» (А. М. Астахова. Былины Севера).

Ряд поэтов используют напредложное ударение в независимости от тематики и характера произведения. Это прежде всего А. Григорьев, А. Майков, Я. Полонский, А. Фет, Н. Щербина, а также В. Курочкин, А. Плещеев. Это же относится и к значительной части произведений Мейя, Некрасова, Огарева, А. К. Толстого и др. Поскольку среди существительных, отдающих ударение предлогам, преобладают конкретные, «обиходные» слова, в произведениях с отвлеченной, «высокой» тематикой, как правило, немногочисленны или вовсе отсутствуют предложно-надежные конструкции с переносом ударения на предлоги. Среди крупных произведений здесь можно назвать поэму А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин», драму А. Майкова «Три смерти», поэму Фета «Сабина», стихотворение Некрасова «Рыцарь на час» и др. Но случаи напредложного ударения встречаются и в произведениях высокого стиля. Причем среди них есть и такие, которые уже не свойственны современному литературному языку: «Оба друг на друга блещут зеницами жгучими» (Мей. Близнецы. — Перевод из Феокрита); «Его возлелеяло море. Оно же его и прияло в широкое лоно, И на берег бережно вынесло мертвое тело» (А. Майков. На мысе сем диком, увенчанном бедной осоклой...); «Зари догорающей пламя Рассыпало по небу искры, Сквозит лучезарное море» (Полонский. Вечер); «Чтоб на землю из царства идеала Спуститься, часто игры детских дней Ты с сифлами другими затевала» (Григорьев. Титания! не раз бежать желала...).

А. С. МУЗЫЧЕНКО,
преподаватель Луцкого
педагогического института

ЗАГОЛОВКУ — ОДНОЗНАЧНОСТЬ

В современной периодической печати часто употребляются такие безглагольные предложения-заголовки, как «Хлеб — родине», «Пятилетку — досрочно», «Мы — за!». Распространение их объясняется тем, что в соответствии с основными стилистическими требованиями, предъявляемыми к заглавию, они кратки и выразительны.

Чаще встречаются построения с именными членами: «Жатве — темпы», «В дружине — боксеры», «В вуз — достойных», «Взрослые — детям», «Близнецам — шестнадцать» и др.

Рассмотрим заголовки с именительным или винительным падежом в первой части и дательным — во второй. Использование именно этих структур приводит иногда к двусмысленности. Сопоставим две группы примеров:

1. «Безопасность — странам Европы» («Известия», 6 февраля 1966); «Передовой опыт — всем хозяйствам» («Экономическая газета», август 1966); «Политические знания — всем» («Прикаспийская коммуна», 3 июля 1966); «Хлеб — голодным!» («Учительская газета», 25 марта 1969).

2. «Премии — мастерам высоких урожаев» («Советская Россия», 7 апреля 1966); «Переходящее знамя — атомоходу» («Комсомольская правда», 17 февраля 1967); «Почетное звание — артисту цирка» («Советская эстрада и цирк», 1966, № 7); «Орден — ученому» («Известия», 15 марта 1969).

Предложения первой и второй групп как будто совпадают по фор-

ме. Чтобы определить, каким членом предложения является первая часть построения и каков его падеж, необходимо сопоставить их с другими типами предложений, близкими по функции и значению.

Предложения первой группы сближаются с односоставными инфинитивными или определенно-личными предложениями. Как и инфинитивные (или определенно-личные), они выражают требование или призыв и имеют побудительную интонацию: «Один день — заботе о здоровье» и «Один день посвятите [посвятим, посвятите] заботе о здоровье».

А вот примеры со сходным содержанием и одинаковой интонацией призыва, найденные в современной печати: «Империалистам — отпор!» («Комсомольская правда», 4 января 1966) — «Дать отпор оккупантам» («Советская Россия», 1 апреля 1966); «Газету — каждому» («Прикаспийская коммуна», 14 октября 1966) — «Доставлять подписчикам газеты» («Партийная жизнь», 1966, № 23).

В инфинитивных предложениях, как известно, именительный падеж невозможен, поэтому в заголовках первой группы существительное стоит в винительном падеже и является прямым дополнением. Этот вывод подтверждается также примерами, где форма винительного падежа не совпадает с формой именительного: «Вычислительную технику — народному хозяйству» («Известия», 20 февраля 1966); «Землю — крестьянам» («Комсомольская правда», 19 июля 1966); «Книгу — лю-

дям» («Прикаспийская коммуна», 1 марта 1967).

Заголовки второй группы не выражают требования или призыва, в них содержится констатация факта. Такие предложения соотносятся с двусоставными, и поэтому существительное в начале предложения — в именительном падеже (подлежащее).

Конечно, и предложения второй группы допускают толкование с винительным падежом: «Орден — наследникам Николая Островского» («Комсомольская правда», 17 января 1969) и «Орден вручили наследникам Николая Островского»; однако нормой надо считать именительный падеж: винительный закрепился в заголовках, содержащих призыв или требование, а здесь речь идет о констатации факта.

Иногда встречаются такие заголовки, которые могут рассматриваться и как призыв к чему-либо, и как сообщение о каком-либо факте: «Лучшие образцы — покупателю» («Сельская жизнь», 10 ноября 1966); «Грузы — селу» («Прикаспийская коммуна», 8 марта 1969). Понять смысл (и определить строгие) таких заголовков можно лишь после прочтения заметки.

Именительный падеж в первой части рассматриваемых предложений — чаще всего подлежащее (значение активного производителя действия). Таким носителем действия бывает одушевленное существительное. В заголовках часто используются конструкции с одушевленным существительным мужского рода, так как форма именительного падежа у этих существительных не совпадает с формой винительного. А это дает возможность не опасаться двусмысленности. Например: «Взрослые — детям» («Известия», 30 июня 1966); «Бывалые моряки — юным капитанам» («Комсомольская правда», 7 марта 1966); «Рыбаки — животноводам» («Правда», 3 января 1969); «Геологи — колхозникам» («Известия», 13 марта 1969).

Из неодушевленных существительных только у существительных женского рода единственного числа первого склонения именительный не совпадает с винительным, поэтому удобной для выражения подлежаще-

го оказывается форма женского рода единственного числа.

Однако избежать двусмысленности заголовка таким образом удается не всегда. Для того чтобы определить значение предложения, необходимо знать, является ли существительное в именительном падеже субъектом или объектом действия. Так, с одной стороны, в примерах: «Земля — морю» («Комсомольская правда», 23 июля 1966); «Пионерия — героям» («Известия», 7 ноября 1966); «Комсомолия — Прикаспию — ленинскому юбилею» («Прикаспийская коммуна», 13 марта 1969) — подлежащее может быть только субъектом, и двойное толкование невозможно (определяющую роль здесь играет, по-видимому, смысловое содержание существительных в именительном и дательном падежах по отношению друг к другу). С другой стороны, встречаются иногда заглавия, в которых существительное в именительном падеже может восприниматься и как субъект, и как объект действия. Такие фразы допускают двойное толкование: «Эстрада — студентам» («Грудь», 22 января 1966); «Библиотека — любителям музыки» («Музыкальная жизнь», 1966, № 9); «Лаборатории — полям» («Знание — сила», 1966, № 1). Первое значение: субъект (эстрада, библиотека, лаборатории) что-то сделал для объекта (студентов, любителей музыки, полей). Второе значение: объект (эстрада, библиотека, лаборатории) передан косвенному объекту (студентам, любителям музыки, полям).

Приписывание таким примерам еще одного значения — с призывной интонацией: эстрада должна принадлежать студентам, библиотека должна быть передана любителям музыки — нельзя считать правильным, так как за этим значением закрепились в заголовках конструкция с винительным падежом: эстраду — студентам, библиотеку — любителям музыки.

Анализируемые названия с неодушевленными существительными мужского и среднего рода по форме и по смыслу также неодинаковы. Распространены заголовки, в которых существительное в именительном падеже называется производителем

ля действия. Такие заголовки всегда однозначны: в конкретных сочетаниях с дательным падежом существительное в именительном падеже в силу своего значения не может испытывать действие со стороны. Вот примеры таких заголовков: «Издательство ДОСААФ — читателям» («За рулем», 1966, № 1); «Советское государство — детям» («Прикаспийская коммуна», 28 мая 1968); «Город — деревне» («Правда», 28 января 1969); «Предприятия Москвы — селу» («Известия», 1 марта 1969).

Однако иногда все же встречаются заголовки, в которых допустимо различное толкование смысла и формы. Предложение: «Музей — ребятам» («Учительская газета», 15 сентября 1966), — двузначно, если даже член в первой части рассматривать как именительный падеж. Возможны следующие два значения: 1) музей что-то передал ребятам, что-то подготовил для ребят (предложение с подлежащим — субъектом действия); 2) музей передал ребятам (первое существительное — объект действия). Этот заголовок допускает и третий смысл: музей следует передать ребятам (существительное в винительном падеже — прямое до-

полнение). В первых двух случаях констатируется факт, в третьем — содержится призыв совершить определенное действие.

Многозначность заглавия ничем не может быть оправдана (если, конечно, в этом нет специального стилистического задания!). Двусоставные предложения-заголовки в большей степени, чем односоставные, раскрывают содержание сообщения. Между тем неоднозначный заголовок не может правильно информировать читателя о содержании текста. Однозначными должны быть и заголовки с побудительной интонацией, имеющие целью непосредственно воздействовать на читателя.

Двусмысленность нельзя оправдать и стремлением авторов придать заголовкам рекламность. Основное средство выражения рекламности — недосказанность (или даже неясность смысла). В двузначном заголовке читатель обычно воспринимает одно из значений, и у него не возникает мгновенно (как при недосказанности или неясности смысла) потребности прочитать материал.

Н. Е. БАХАРЕВ,
преподаватель Гурьевского
педагогического института

ХРЕСТОМАТИЯ

Поляризация. Еще Я. Гримм был твердо убежден в том, что всякий немецкий диалект должен быть либо верхненемецким, либо нижненемецким. При этом у него совершенно исчез франкский диалект. Так как письменный франкский язык позднейшей каролингской эпохи был верхненемецким (ведь верхненемецкое передвижение согласных затронуло франкский юго-восток), то франкский язык, по взглядам Гримма, в одних местах растворился без остатка в древневерхненемецком, а в других — во французском. При этом оставалось абсолютно необъяснимым, откуда же пошел нидерландский язык в старосалических областях. Лишь после смерти Гримма франкский язык был снова открыт: салический язык в своем обновленном виде в качестве нидерландского, рипуарский язык — в средне- и нижнерейнских диалектах, которые отчасти сместились в различной степени в сторону верхненемецкого, а отчасти остались нижненемецкими, так что франкский язык представляет собою такой диалект, который является как верхненемецким, так и нижненемецким.

Ф. Энгельс. Диалектика природы

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНОВ- СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Когда хотят определить черты отличия терминов от слов общелитературного языка, то прежде всего отмечают их несходство в значении (особенно это бросается в глаза, если одно и то же слово есть и в терминологии и в общем употреблении). В этом нет ничего удивительного, так как именно здесь рельефнее всего вырисовываются некоторые специфические черты терминологической лексики. А есть ли у терминов какие-то грамматические особенности, можно ли говорить, например, о терминологической морфологии, подобно тому, как говорят о терминологической лексике? Ответим сразу — нет, нельзя, потому что терминология вливается в общую грамматическую систему языка.

Однако было бы ошибкой не видеть отличия в функционировании грамматических категорий у терминов, хотя несомненно, что эти отличия идут в русле тех тенденций развития грамматической системы, которые свойственны русскому языку в целом. Терминология в этом случае лишь оказывается более чувствительным пластом к проявлению нового. Терминологическая лексика (иногда «в союзе» с разговорной) активнее пополняется конкретными примерами то или иное языковое явление и тем самым способствует его развитию.

В отдельных случаях термины имеют такие отличительные черты в употреблении грамматических форм, которых нет в общелитературном языке.

Напомним, что общее грамматическое значение существительного, определяемого как предметность, выражается в категориях рода, числа и падежа. Все три категории присущи терминам и проявляются так же, как и в словах общелитературного языка. Тем не менее у терминов существуют некоторые грамматические особенности. Заметнее всего они в категории числа. В терминологии, например, можно отметить случаи употребления форм множественного числа, не характерные в такой же мере для имен в общелитературном языке, хотя эти формы есть и там. В одних случаях употребление множественного числа связано с формированием специального значения. Эту особенность можно отметить у веществ-

венных существительных, которые, вообще говоря, не должны иметь множественного числа. Появление таких форм продиктовано необходимостью обозначить сорт или вид данного вещества (предмета): масла́ (зимние и летние и т. д.); спирты (одноатомные, двухатомные); табаки, нефти, глины, смолы, соли, чай, эфиры.

Большинство из приведенных слов употребляется и в обиходном языке. Но здесь это решительно не то же самое: «распивать чай» и чай (черный, зеленый, цветочный, кирпичный и др.) — неравнозначные явления.

В группе отвлеченных существительных, например таких: *узкость, емкость, мощность, полнота, широта, теплота*, множественное число появляется при употреблении их в специальных сферах в конкретном значении: «Узкости — районы водной поверхности, доступные для плавания как по ширине плеса, так и по глубинам, но стесняющие свободное маневрирование из-за близости берегов, рифов, отмелей и кос» (Морской словарь); «График единых ширии водосбора» (Гидрологический словарь); «В 1968 году намечено выпустить 19 миллионов пар профилактической обуви для пожилых людей, а также обуви повышенных полнот» («Здоровье», 1968, № 2); «... понятия, относящиеся к параметрам систем... теплота и работам...» (из терминологии термодинамики).

Этот случай употребления множественного числа у вещественных и отвлеченных существительных хорошо изучен в лингвистической литературе и отмечен грамматиками русского языка. Иное дело, когда употребление множественного числа не связано с появлением специальных значений и когда оно формирует обобщенное наименование группы однородных по какому-то признаку веществ, предметов, каждый из которых имеет специальное наименование, а все вместе они обозначаются другим словом. Оно-то и употребляется во множественном числе: сапрофиты (растения, лишённые хлорофилла), бонификаторы (вещества, добавляемые в рабочие составы для улучшения их свойства), антинакипины (вещества, прибавляемые в питательную воду паровозных котлов для предупреждения образования накипи и коррозии), жидкие осадки (дождь, морось, роса, жидкий налет) и др.

Можно отметить две традиции употребления этой группы наименований в зависимости от жанра. В словарях они даны только во множественном числе, а в текстах употребительны обе формы. При этом единственное число сопровождается словами, которые показывают, что речь идет об одном предмете из группы, названной обобщенным именем: «Сегодня нельзя представить себе ни одну отрасль сельского хозяйства, где не использовались бы пестициды — эти мощные защитники урожая» и «Токсикологи и гигиенисты всесторонне исследуют степень и характер опасности, какую может представлять для здоровья людей новый предполагаемый пестицид» («Здоровье», 1969, № 3).

Множественное число традиционно также в наименованиях семейств, отрядов, подотрядов и др. группировок фауны и флоры:

зудни, броненосцы, бракониды веснянки, волнянки, галлицы, долгоносики, заболонники, зерновки, короеды, моли, ктыри, медведки и т. п.

Эти слова тоже обобщенные наименования, но здесь формы единственного и множественного числа в отличие от предыдущей группы не являются разнокорневыми словами. Отличительный признак входящих в группировку разновидностей отмечается качественным признаком, выраженным прилагательным. Ср.: «долгоносики — семейство жуков из подотряда разноядных» и «долгоносик свекловичный, долгоносик ореховый, долгоносик почковый» (из Словаря-справочника энтомолога).

К особенностям в употреблении категории рода можно отнести, с одной стороны, большое число вариантных по роду пар, с другой — расхождение этих пар по разным сферам — общелитературной и специальной, а также закрепление за ними разных значений.

Так, исследователи отмечают сохранение в профессиональном языке вариантных по роду пар типа: *аневризм* — *аневризма*, *антиномий* — *антиномия*, *люнет* — *люнетта*, *парафраз* — *парафраза*, *шлихт* — *шлихта* и т. п. (И. П. Мучник. — Сб.: «Развитие современного русского языка». М., 1963). Расхождение вариантов по разным сферам в одних случаях существенно не отражается на их значении (*компонент* — в литературном языке, *компонента* — в специальном, тот же *вариант* — *варианта*), в других фактически означает превращение пар в омонимы. Так, Р. П. Рогожникова отмечает: «В словах *клавиш* — *клавиша*, *манжет* — *манжета* также намечается дифференциация употребления: *клавиша* — у музыкального инструмента, *клавиш* (спец.) — наконечник рычажка у некоторых механизмов; *манжета* — обшлаг рукава, *манжет* (спец.) — кольцо для скрепления концов труб» (Варианты слов в русском языке. М., 1966).

Особенности падежных окончаний в специальных словах проявляются главным образом в именительном падеже множественного числа мужского рода. В случаях колебания окончаний в этих формах (*-ы* // *-á*) у терминов чаще закрепляется *-á*. Вариант с *-ы* остается в общелитературном языке.

Любопытно отметить, что иногда *-á* в специальном употреблении узаконивается как норма. Подобный факт уже был отмечен М. и Д. Сулержицкими («Русская речь», 1967, № 2). Там же приводился интересный документ, в котором в форме циркуляра предлагается написание некоторых морских терминов в следующем виде: *катерá* (не писать *катеры*), *крейсера́* (не писать *крейсеры*), *лоцманá* (не писать *лоцманы*), *мичманá* (не писать *мичманы*), *штурманá* (не писать *штурманы*), *якоря́* (не писать *якори*). Интересно, что в том же циркуляре слова *кондукторы* и *офицеры* предлагается писать с *-ы*, а не с *-á*.

И наконец, еще одно отличие слов-терминов, касающееся формообразования. В терминологии отсутствует регулярное образование форм субъективной оценки, то есть слов со значением умень-

шительности, уничижительности и т. п., хотя решительно отрицать их нельзя, так как в отдельных системах можно отметить такие термины: талишки, столпик, кустарнички, погончики, канатик, фрегатцы (из терминологических словарей). В этих же системах есть «нейтральные» формы: талишки — «маленькие тали»; погончики — «уменьшенные погоны, нашиваемые на фланелевые, форменные и рабочие рубахи матросов и старшин службы» (Морской словарь).

Все другие терминологические образования, созданные посредством оценочных суффиксов, нельзя считать формами субъективной оценки. Это вполне самостоятельные термины, не имеющие «нейтральных» пар. Таких терминов много в самых разных областях знания: столбик, рыльце, пестик (в ботанике); реюшка, головка, змейка, носок, плечико (в технике); черепашка, хрущик, куколка, карапузик (в терминологии энтомологии).

Таковы некоторые грамматические особенности терминов-существительных. Они не составляют целостной системы, поэтому мы и не можем говорить о какой-то особой, терминологической морфологии. Однако их необходимо учитывать при определении черт сходства и отличия между терминами и словами общелитературного языка.

В. П. ДАНИЛЕНКО

Грамматика

КАК ИЗ ОДНОГО КОРНЯ МОГЛО ПОЛУЧИТЬСЯ НЕСКОЛЬКО

Можно привести довольно много примеров, которые свидетельствовали бы о том, что в истории русского языка первоначально один и тот же корень как бы «распадался» на несколько разных корней. Так, *коса* и *чесать* в современном русском литературном языке, безусловно, представляют собой слова разных корней: *кос-* и *чес-*. Однако в период существования общего для всех славян праславянского языка эти корни были разными степенями чередования одного и того же корня: **kos-* и **kes-* → *č'es-*, где *č[ч]* появилось из *к* перед гласным переднего образо-

вания *е* по так называемой первой палатализации. Современные слова *рука* и *обруч* тоже нельзя считать однокоренными словами. Эти слова в наше время никак не связаны друг с другом. Однако древнерусское слово *обручь* обозначало 'запястье, украшение, носимое на руке' и в нем выделялся тот же, что и в слове *рука*, корень *рук-* с чередованием *к/ч*.

Каковы же причины этого явления?

1. Разобщение родственных, однокоренных слов может происходить в результате изменения внешнего

вида корня. Так, начальный согласный корня изменяется либо под влиянием последующего гласного (ко-са — чесать), либо вместе с изменением качества корневого гласного (цена — каяться; *цѣна* получилось из первоначального *kaina, в позиции перед следующим согласным *ai* изменилось в *ѣ* «ять», перед которым звук *к* переходил в *ц* мягкий по так называемой второй палатализации). Подобные внешние изменения, как правило, влекут за собой изменения в значении слов. Слово *цѣна* сначала имело тот же корень **kai-*, что и глагол *каяться*, и означало 'возмездие, воздаяние'; позже им стали называть штраф, которым искупался ущерб (например: кража, убийство), а затем вообще цену, стоимость чего-либо.

2. Заметим, что если изменения начального согласного корня приводят к разобчению однокоренных слов, то изменения конечного согласного корня вызывают только появление варианта того же корня с чередованием. Например, в словах *сказать*, *скажу*, *скажешь* представлен корень *сказ-* с вариантом *скаж-* и в словах *рука*, *ручной* — корень *рук-* с вариантом *руч-*. Разобчение однокоренных слов может происходить также в результате существенного изменения значения слова (ср. приведенные выше слова *рука*, *обруч*).

3. Разобчение может быть результатом того, что в языке утрачивается непроизводное слово, содержащее данный корень, а сохранившиеся производные слова приобретают разные значения в зависимости от значения составляющих их компонентов (ср. преобразование слов с корнем *каз-*, о которых см. ниже).

Теперь рассмотрим подробнее несколько случаев различного выделения корней в прошлом и в современном русском языке, связанного с разобчением первоначально однокоренных слов.

1. В словах *голова* и *глава* с точки зрения истории русского языка можно выделить один и тот же корень *голов-* (*глав-*). Исторически этот корень восходит к праславянскому **golv-*, который представлен по-разному в различных славянских языках. В южнославянских языках,

к которым относился и старославянский, этот корень выступает в виде *глав-*, с непологласным сочетанием *ла* (старославянское *глава*, сербское *глава* и др.); в восточнославянских — русском, украинском, белорусском — в виде *голов-*, с плогогласным сочетанием оло: *голова*.

Однако, как видно из памятников письменности, в русском языке издавна сосуществовали обе формы *голова* и *глава*: первая — исконно русская, вторая — заимствованная из старославянского языка. Причем *глава* употреблялось с тем же прямым значением — 'часть тела', что и *голова*. В «Остромировом евангелии» (1056): «сплетья терновый венец, возложили ему на голову». В одном и том же памятнике письменности возможно было употребление как той, так и другой формы. Так, в «Повести временных лет» (2-я редакция по Лаврентьевскому списку) под 6472 (964) годом читаем: «Ни шатра имѣяще, нѣ подкладъ постилаше, а седло въ головахъ; такоже и прочи вои его вси бяху» (И шатра не имел, но подклад постила и седло под голову; так и остальные воины его); несколько ниже, под 6479 (971) годом: «Аще моя глава ляжетъ, то промыслите о собѣ. И рѣша вои: Идеже глава твоя, ту и главы папа съложимъ» (Если моя голова ляжет, то подумайте о себе. И сказали воины: «Где твоя голова, там и наши головы сложим»).

Корень, который выделялся в слове *глава* (*глав-*), первоначально, несомненно, осознавался как вариант корня *голов-*. Но постепенно значение части тела стало закрепляться за исконно русским словом, а переносные значения, которые развились на основе этого предметного значения, — 'купол церковного здания', 'начальник, руководитель' и др. — стали закрепляться за старославянским словом. (Современные словари отмечают, правда, предметное значение у слова *глава*, но лишь как архаичное: в поэзии XIX века оно не использовалось для создания атмосферы высокой торжественности: «Из мертвой главы гробовая змея Шипя между тем выползала». Пушкин.) В результате слова *глава* и *го-*

лова получили различные значения, а выделяемые в них корни постепенно перестали осознаваться как варианты одного и того же корня. В современном русском языке в этих двух словах — уже два различных корня.

2. Сопоставим два ряда глаголов:

I — сказать, высказать, досказать, пасказать, пересказать, подсказать, рассказать;

II — доказать, заказать, оказать, отказать, показать, приказать, указать.

Сразу можно заметить, что во всех словах обоих рядов с точки зрения истории языка выделяется один и тот же корень *каз-*. Глаголы первого ряда появились в русском языке лишь после того, как в глаголе *сказать* (древнерусское *съказати*) перестала выделяться приставка *съ-* и основа стала непроемкой — *сказа-*, так что от нее могли быть образованы производные с помощью различных приставок. Но первоначально, поскольку в древнерусском языке существовал глагол *казати* 'сказать, приказывать, заказывать, указывать, показывать', в глаголе *съказати* 'сказать, назвать, сообщить, передать', как и в других глаголах того же корня, например, *заказывати*, *отказати*, *показати*, *приказати*, *указати*, выделялся корень *каз-* и различные приставки. Причем приставки не вносили существенных изменений в значения приведенных глаголов: *заказывати* 'советовать, указывать', *показати* 'показать, указать, выказать, доказать', *отказати* 'сказать, дать ответ; отказать, назначить', *указати* 'указать, показать,

назначить, определить, приказать, велеть' и приведенные выше значения глагола *казати*.

В отношении к современному русскому языку можно было бы предположить, что в словах второго ряда выделяется тот же корень *каз-*, но в «связанном» виде — в приставочных глаголах, сохраниющих близость по значению. Анализ показывает, что с течением времени значения этих глаголов существенно разошлись под влиянием приставок, и корень *каз-* перестал в них осознаваться. Сейчас уже можно считать, что в словах второго ряда выделяется столько корней, сколько присутствует в языке «бывших приставочных образований». Ср., например, современное *заказать* 'поручить изготовить, исполнить, доставить что-либо', где выделяется корень *заказ-*, с древним *заказывати* 'советовать, указывать', которое соотносилось с глаголом *казати* 'сказать, приказывать, заказывать' и содержало тот же корень *каз-*. Исключение представляют лишь глаголы второго ряда *показать* и *указать*, где можно выделить корень *каз-*, который присутствует только в этих словах. Значение их и теперь достаточно близко; *показать* 'показать, указать, изобразить, копируя кого-либо' и *указать* 'указать, показать на кого-либо, назвать кого-либо'.

Итак, в словах, первоначально имевших один и тот же корень *каз-*, с течением времени появилось несколько разных корней: *каз-* → *сказа-*, *доказ-*, *заказ-*, *оказ-* и др.

С. Н. ДМИТРЕНКО

ХРЕСТОМАТИЯ

Значение *названий*. В органической химии значение какого-нибудь тела, а следовательно, также и название его не зависит уже просто от его состава, а обусловлено скорее его положением в том *ряду*, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы находим, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено *названием, указывающим этот ряд* (парафины и т. д.).

Ф. Энгельс. Диалектика природы

ШКОЛЬНИКУ О ЯЗЫКОЗНАНИИ

Если любовь к чтению, к книге прививается с детства, если элементы серьезного литературоведения и большой литературы давно вошли в практику школьного преподавания, то научное языкознание по существу оказалось за пределами школы. Естественно, такое положение дел не соответствует требованиям времени, так как развитие логики мышления, понимание общественной значимости языка и законов его развития, овладение культурой устной и письменной речи без овладения хотя бы азами научного языкознания затруднено. Введение новых программ и факультативных курсов по русскому языку, создание новых учебников, несомненно, положительно скажется на лингвистической подготовке наших школьников. Полезную работу в этом смысле выполнило издательство «Просвещение», выпустив специальную серию книг для школьников.

Конечно, популярные книги о языке выходили и раньше. Многие увлеченно читали М. Ильина, Л. Успенского, В. Казанского, К. Чуковского и др., однако систематического, продуманного, целенаправленного издания языковедческой литературы для юношества не было. Сейчас такая литература появилась и, по-видимому, пришла пора подвести некоторые итоги проделанной работы, потому что накопился материал, разнообразный как по тематике, так и по характеру изложения.

В. И. Кодухов в содержательном обзоре «Лингвистику — школьникам» («Русский язык в школе», 1969, № 5), положительно оценивая начинание издательства «Просвещение», кратко охарактеризовал вышедшие из печати работы: Т. Д. Ягубович. Новые слова (1966); А. П. Аверьянова. Как образуются слова (1966); Л. Д. Микитич. Иноязычная лексика (1967); Е. Г. Ковалевская. История слов (1968); Ю. В. Откупщиков. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии (1968); А. Е. Супрун. Русский язык советской эпохи (1969); В. И. Максимов. Точность и выразительность слова (1968). Автор обзора отметил, что не все книги написаны одинаково хорошо, что «большая часть вышедших книг посвящена изучению словарного состава». С оценками качества книг, которые даны В. И. Кодуховым, нельзя не согласиться. Нельзя не согласиться также и с его предложением расширить тематику издания, включить исторический аспект, общие сведения о языке, по-

знакомить учащихся с жизнью и творчеством выдающихся русских лингвистов и т. д. Однако обсуждаемая тема столь актуальна, а журнальный обзор по понятным причинам столь лаконичен, что представляется необходимым продолжить начатый В. И. Кодуховым разговор.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что издательство «Просвещение» преодолело лексикологические рамки, напечатало в серии «Изучаем русский язык» книгу А. И. Моисеева «Буквы и звуки» (1969) и — вне серии — пособие для учащихся П. М. Баева «Грамматика в таблицах и вопросах» (1968). Во-вторых, опубликованная литература по-разному вводит юного читателя в круг проблем языкознания.

Работа П. М. Баева «Грамматика в таблицах и вопросах» рассчитана на учащихся старших классов и представляет собой как бы справочник по различным разделам грамматики. Охватывая весь школьный курс русского языка, книга П. М. Баева содержит краткое изложение грамматических правил, а также различные упражнения для практического применения этих правил. Хорошо, что характер заданий непосредственно связан с развитием речи учащихся, что введены элементы программирования (см. на стр. 28 «Способы проверки безударных гласных»), что многие упражнения развивают языковое мышление (см., например, упражнения 197, 240 и др.), что грамматический материал снабжен системой выделения (различный шрифт, подчеркивания, указания) и часто сведен в четкие таблицы. Однако книга эта не лишена недостатков. Явно не продуманы некоторые задания и тексты упражнений (см. стр. 41, № 31; стр. 51, № 62; стр. 73, № 154 и т. п.). Есть отдельные неточности в разработке грамматического материала, в сопоставлении форм и слов и т. п.

Книга П. М. Баева дает школьнику важный справочный и тренировочный материал, стимулирует самостоятельность в работе и поэтому заслуживает одобрения. Хочется верить, что среди книг для учащихся пособия по отдельным темам и разделам школьного курса русского языка в недалеком будущем займут свое место.

Работа А. И. Моисеева «Буквы и звуки» (1969) характеризует собой другой вид лингвистической литературы для юношества. Это не учебное пособие и не развлекательно-занимательный рассказ о русских буквах и звуках. Это серьезный разговор квалифицированного лингвиста со школьником. Автор не уклоняется от изложения труднейших проблем современного языкознания. В брошюре определены связи и различия между алфавитом, графикой и орфографией, объяснены такие понятия, как фонема, звук речи, классификационные признаки звуков речи и т. д. Причем о сложном А. И. Моисеев сумел сказать просто. Вот, например, как он объясняет юному читателю, что такое фонема, вариант фонемы: «Специалисты, ученые-фонетики, утверждают, что звуков в речи, в русской и всякой иной, вообще говоря, бесконечное множество. Но это бесконечное множество звуков речи, оказывается, не выстраи-

вается в один бесконечный ряд, а распределяется по отдельным группам, и таких групп в каждом языке сравнительно немного — несколько десятков. В каждой группе выделяется один основной звук, около которого и концентрируются все остальные звуки той же группы. Эти основные звуки прежде всего и осознаются говорящим на данном языке, и они прежде всего имеются в виду, когда говорят о звуках речи: звук [а], звук [о], звук [и] и т. п. Строго говоря, ими не исчерпывается звуковой состав языка, они лишь представители больших групп звуков, но основные представители — „первые среди равных“, „капитаны команд“» (стр. 20). И дальше: «Таким образом, в языке не бесконечный ряд звуков, а определенное количество групп звуков. Для четкого различения этих явлений в науке введены специальные термины: *фонема*... и *вариант фонемы*» (стр. 21).

Интересны схемы «От звуков к буквам» (стр. 98—100, 109—110), где выявлена мотивированность большинства современных написаний. Безусловно, заслуживает внимания постоянное стремление автора развить у школьника любознательность, самостоятельность языкового мышления, пылливость. Это заметно и в рекомендации ознакомиться с оглавлением, чтобы понять, о чем пойдет разговор в книге, и в заданиях заполнить таблицы классификации гласных и согласных по данному образцу, и даже в обозначении списка литературы — «Литература (для любознательных)».

Книга А. И. Моисеева — одна из лучших в серии «Изучаем русский язык», и не случайно, что, изданная сотысячным тиражом, она была распродана в течение нескольких дней.

Однако и в лучших работах есть те или иные упущения! Вряд ли справедливо категорическое утверждение автора, что «постоянная связь мысли с языковой формой в идеографическом письме никак не отражается» (стр. 11). Вероятно, имелась в виду независимость идеографии от системы языка, а не соотношение «мысль — язык — письменный знак», потому что соотношенность идеограммы (монограммы) со словом или со знаменательной частью слова не может быть опровергнута.

Стремясь показать предел членимости речи (звук), А. И. Моисеев разбивает предложение «Узкая лесная тропинка привела нас к одинокому дому» (стр. 19) на группы подлежащего и сказуемого, затем — на слова, а слова — на морфемы, слоги — на звуки. Нетрудно заметить, что в представленной схеме не разграничены членимость смысловая (грамматическая) и фонетическая. Следовало бы в приложении специально оговорить систему транскрипции и объяснить принципы ее применения.

Целесообразно было бы в библиографии отделить литературу для учащихся от литературы для учителя (предложенный список книги рассчитан прежде всего на учителя).

Книги А. П. Аверьяновой, Е. Г. Ковалевской, Ю. В. Откупщикова, В. И. Максимова, А. Е. Супруна, А. И. Моисеева объединяются одной общей особенностью: они стремятся приобщить школь-

ника к научному языкознанию. Одни — лучше, другие хуже справляются с поставленными задачами, но цель единая — научно-учебная, причем не столько учебная, сколько научная. Содержательные книги серии «Философская библиотечка для юношества», например: М. Сидоров. Как человек стал мыслить (1965); А. Леонтьев. Язык и разум человека (1965) и др., опубликованные издательством политической литературы; Е. А. Земская. Как делаются слова (М., 1963), вышедшая в научно-популярной серии издательства «Наука».

Наконец, еще один вид изданий для юного читателя — это книги, задача которых прежде всего заинтересовать школьника языковыми фактами, расширить его кругозор и побудить к более углубленным занятиям языком. Как правило, для осуществления этих целей требуется сюжетный материал, который в изобилии представляет словарный состав, а в меньшей степени и другие структурные части языка. Совершенно условно книги такого рода можно назвать общеобразовательными по содержанию, а по направленности — стимулирующими выбор будущей профессии.

Разница между научно-учебной и «стимулирующей» литературой выявляется при сопоставлении двух хороших работ — Б. Казанского «В мире слов» (Л., 1958) и Ю. В. Откупщикова «К истокам слова» (Л., 1968). В первой из них увлекательно повествуется об истории слов в связи с историей соотнесенных с ними понятий и вещей (ср. названия глав: «Слова и вещи», «Слова-имена», «Приключения слов», «Музей слов», «Слова-валуны» и «Слова-курганы», «Лингвистические раскопки»). Во второй — популярно, живо и в то же время с позиций современной науки рассказано о труде этимолога, о методах этимологизирования. Читатель входит в лабораторию исследователя (ср. названия глав: «Что такое этимология?», «От Ромула до наших дней», «О родстве языков», «Звуковые соответствия и звуковые изменения», «Словообразование и этимология», «Развитие значений слова», «Привлечение материала родственных языков», «Диалекты и этимология» и др.).

Бесспорно, предлагаемое деление литературы для учащихся на три вида — учебная, научно-учебная и общеобразовательная — условно. Научные, учебные и общеобразовательные основы содержатся (или должны содержаться) в любом издании для школы. Однако авторская установка, характер и подача материала, расстановка логических ударений оказываются неодинаковыми.

Эти внутренние различия заметны в стилистических особенностях и в методах воздействия на читателя. Учебная литература (пособия по русскому языку) характеризуется строго научным стилем изложения, авторы таких пособий заинтересовывают учащегося соответствующим подбором тренировочного материала и содержанием заданий. Научно-учебная литература — это серьезная беседа ученого с молодым читателем, в которой научная строгость сочетается с элементами художественной образности. Внутренняя логика, научный поиск, исследовательский момент овладе-

вают вниманием читателя, приобщают его к труду ученого. Общеобразовательная литература — это сюжетный рассказ, стилистически ближе всего стоящий к художественному произведению (вспомним блестящие книги М. Ильина). И фабула и образный строй произведения увлекают читателя. Несомненно, что все эти три вида литературы полезны юному читателю. Необходимо только: во-первых, скоординировать работу издательств по выпуску такой литературы, во-вторых, иметь перспективный и систематизированный план изданий; в-третьих, предусмотреть возрастные особенности учеников.

Работы еще непечатый край. Однако уже и сейчас можно отметить, что издательство «Просвещение» положило удачное начало важному делу — воспитанию научных интересов школьников.

Л. Я. МАЛОВИЦКИЙ
Череповец

Обзор писем
читателей

КАК ИСПРАВИТЬ ОШИБКИ... ОРФОГРАФИИ?

Статья А. В. Текучева «Ошибки бывают разные», опубликованная в № 2 «Русской речи» за этот год, получила наибольшее количество откликов. Напечатанная в порядке обсуждения, статья эта остро ставила некоторые наблевшие вопросы преподавания русского языка в средней школе. Суть предложений А. В. Текучева сводилась к следующему. Преподавание, считает автор статьи, должно вестись таким образом, чтобы письмо учащихся было понятным тому, для кого предназначается, не толкало к различному пониманию написанного, чтобы при письме не был нарушен грамматический строй, не допускалось смешение падежей и т. д., наконец, учащиеся должны знать определенное количество слов (три-четыре тысячи), не подводимых ни под какие правила, в том числе круг слов с непроверяемыми и труднопроверяемыми безударными гласными. А. В. Текучев предлагал также — впрочем, это последнее можно считать уже следствием из первых трех предложений — не считать за ошибку, влияющую на оценку, некоторые исключения из правил русской орфографии. Например: написание *и* (вместо *ы*) после *ц* в словах *цыган*, *цыпленок*, *цыц*, *на цыпочках*; написание суффикса *ичк* вместо *ечк* в именах собственных и т. д.

Мнения читателей разделились, как это и бывает обычно в откликах на острые интересные статьи. Однако абсолютное большинство авторов писем сходятся в одном: статья А. В. Текучева важна, своевременна. «Выступление академика А. В. Текучева симптоматично,— пишет преподавательница русского языка из Норильска В. А. Артемова,— низкая грамотность учащихся стала, действительно, камнем преткновения в жизни школы».

Но каковы же причины этого и что следует предпринять? «Мне,— пишет врач М. Н. Воскресенский из Калининна,— кажутся не столь уж несправедливыми высказывания академика А. И. Соболевского, что при изучении правил орфографии „воплям ленивых учеников не следует придавать значения“». Нет, отвечает учительница из Ростова С. А. Балашова, «русская орфография в ее современном виде слишком сложна». Но, может быть, дело не только и не столько в «сложности», а скорее в том, что «орфографию изучают в школе бессистемно: только в связи с изучением грамматики», как считает И. В. Перов из Мурманска.

Многие читатели полагают, что зачастую орфографические трудности школьников связаны с недостатками в работе школы. Такого мнения придерживается М. И. Садогурский из Москвы: «В неграмотности учащихся некоторая, если не большая, доля вины учителя, который не может передать свои знания ученикам». Примерно о том же пишет И. Л. Николаев из Душанбе: «Наибольшую тревогу вызывает неграмотность учителей неязыковых предметов. Посмотрите записи преподавателей ботаники, физики в школьных журналах, в планах, в отчетах, и вы убедитесь в этом сами. Иной учитель излагает свои мысли корявым языком, а на доске пишет с ошибками». Тревожный сигнал! Здесь ссылки на то, что русский — это, мол, не мой предмет, нельзя считать уважительными. Каждый учитель должен по мере сил и возможности способствовать повышению грамотности учеников.

Виноваты в низкой орфографической грамотности наших учащихся и необоснованно измененные правила приема в вузы. «Не секрет,— пишет зав. методическим кабинетом русского языка Л. И. Скокова из Волгограда,— что во всех вузах и на всех факультетах, кроме гуманитарных, экзамен по русскому языку и литературе (сочинение) превращен в пустую формальность: его принимают зачастую в последнюю очередь, когда уже ясно, кто хорошо сдал экзамены по „профилирующим“ предметам, и вопрос ставится так — лишь бы не „двойка“, оценка за сочинение обычно даже не учитывается при подсчете баллов». Может быть, дело обстоит и не так уж мрачно, однако положение с экзаменом по русскому языку и литературе во многих наших вузах, конечно, не может не вызывать тревоги.

Определенную «ленту» в общиe орфографические трудности вносит и печать. Так считает ленинградец В. Н. Герасимов. Он пишет: «Может быть пока допустима „относительная грамотность“ для рядового образованного человека, то для печати, для газет,

журналов, программ радио и телевидения, для учебников, научных трудов, постановлений, правил, законов допустима только „абсолютная грамотность“». А затем автор письма приводит довольно внушительный перечень ошибок в книгах, изданных хорошими тиражами).

Что же следует предпринять? Может быть, оставить все как прежде, не обращая внимания «на вопли ленивых учеников»? Нет, большинство читателей с этим решительно не согласны. Необходимы какие-то изменения, считают они.

Наиболее радикальных взглядов придерживается в этом вопросе В. П. Семенихин. Упреки А. В. Текучева в половинчатости его предложений, наш корреспондент пишет: «Кому придет в голову отыскивать способы ограничения болезни, не устраняя ее самое? Я за устранение ее, то есть за усовершенствование письма путем реформ». Далее В. П. Семенихин предлагает свой проект реформы, в котором столь решительно борется с русской орфографией, что становится как-то даже не по себе. Для большей убедительности В. П. Семенихин и письмо свое пишет уже в соответствии с «новыми правилами».

Впрочем, основная масса читателей все-таки не считает русское правописание «болезнью». Однако задача специалистов — освободить его от некоторых досадных, болезненных иногда, недостатков. Эта мысль красной нитью проходит через большинство откликов на статью А. В. Текучева. Зачастую мы учим не тому, говорит преподавательница русского языка, свердловчанка Э. Д. Головина. «Ведь даже многие взрослые, образованные люди не умеют выражать свои мысли грамотно и точно. Логическими и стилистическими ошибками пестрят работы абитуриентов, причем даже лучшие работы. Дети часто не любят уроки русского языка, потому что в школе мы учим не родному языку, а скучным правилам». А ведь на это уходит немало драгоценного времени, детского внимания, сил. «Разумно, на научной основе упростить современное правописание» — таков вывод нашей читательницы. «Учащиеся могут правильно написать большое количество «непроверяемых» слов, а написать сочинение, сделать интересный содержательный доклад зачастую не умеют, так как слабо владеют устной и письменной речью, — пишут из Саратова учителя М. А. Алданова, Н. А. Алимова, Э. И. Биргер. — На обучение современному правописанию затрачивается очень много времени и непроизводительного труда в ущерб изучению самого языка, в ущерб развитию устной и письменной речи».

Заметным было и число откликов, авторы которых солидаризируются с И. А. Лизогубовой (ее заметка опубликована в № 4 «Русской речи» за 1970 год). В основном это школьные учителя. Они также считают, что определенные изменения в программе по орфографии необходимы. Однако в основе этих изменений все-таки не должно лежать сокращение объема преподаваемых знаний. К этому мнению стоит прислушаться. Ведь нас вовсе не обрадует

положение дел, при котором наши дети станут писать содержательные и... безграмотные сочинения.

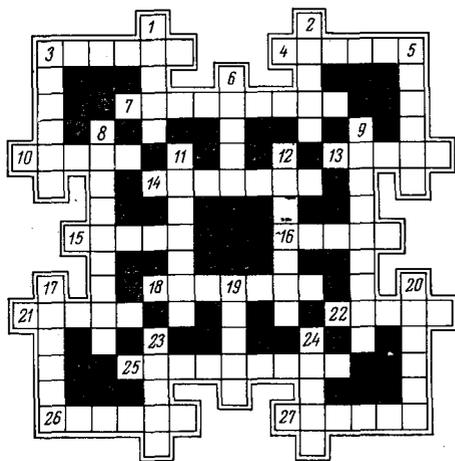
Итак, выводы наших читателей весьма недвусмысленны. Что же, может быть, и в самом деле школьная программа нуждается в определенных изменениях, доводке. Впрочем, в этом направлении уже многое сделано. В нынешнем учебном году вступила в силу новая программа по русскому языку.

Теперь школьник имеет возможность воспринимать язык как целостную систему. В новой программе впервые введен раздел «Лексика», позволяющий ученикам увидеть во всей неотразимой привлекательности и эту грань нашего языка. По-иному, более живо и интересно, построен раздел «Состав слова и словообразование». Значительно расширится знакомство школьников со стилистическими ресурсами русского языка — в учебный план восьмого класса введена теперь тема «Культура речи и стилистика». Широко будут использованы в учебном процессе и факультативы.

С. А. ИВАНОВ

К Р О С С В О Р Д

Синонимы

Вставьте в клетки кроссворда слова, синонимичные названным здесь.

Наиболее распространенным пониманием синонима является следующее: синонимами признаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению, которые отличаются один от другого или оттенками значения, или стилистической окраской (и сферой употребления), или одновременно обоими названными признаками.

См.: А. П. Евгеньева. Проект словаря синонимов. М., 1964; Э. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

По вертикали. 1. Цвет. 2. Вклад. 3. Грусть. 5. Алфавит. 6. Мешок, сумка. 8. Ровесник. 9. Шутослов. 11. Шутник. 12. Ластик. 17. Актер. 19. Шрам. 20. Ядро (в артиллерии). 23. Шаблон, графарет. 24. Создатель.

По горизонтали. 3. Привет. 4. Грязнуля. 7. Градусник. 10. Широкая известность. 13. Потасовка. 14. Госпиталь. 15. Размолвка. 16. Образ. 18. Графа. 21. Войска. 22. Секрет. 25. Родина. 26. Каталажка. 27. Сообщение (публичное, официальное).

Составил читатель В. С. БОРОНТОВ
г. Микунь Коми АССР

(Ответы в следующем номере)

*Языки народов
СССР*

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ СССР

Советский Союз — родина всех тюркских языков, за исключением турецкого. Близкие по происхождению и сходные типологически, тюркские языки СССР распространены на огромной территории — от Якутии до Молдавии, уступая в этом отношении только славянским.

В Советском Союзе насчитывается 23 тюркских языка. На них говорит большинство населения пяти союзных республик — Азербайджанской, Туркменской, Узбекской, Казахской, Киргизской, шести автономных республик — Татарской, Башкирской, Чувашской, Якутской, Тувинской, Каракалпакской и двух автономных областей — Хакасской и Горно-Алтайской.

Кроме того, на тюркских языках говорят в Дагестанской АССР — кумыки; в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области — карачаево-балкарцы; в Дагестанской АССР, в некоторых районах Ставропольского края и в Карачаево-Черкесской области — ногайцы; в Средней Азии — уйгуры (часть их живет на территории КНР); на Украине и в Молдавии (частично также в Болгарии) — гагаузы; в Литовской и Украинской ССР — караимы; в Казахстане, Узбекистане и Крыму — крымские татары; в Новосибирской области — барабинские татары, или барабинцы; в Томской области — чулымские татары; в Алтайском крае — шорцы.

Тюркские языки по своей этнической близости и по степени понятности для их различных посетителей составляют две основные ветви, которые делятся на несколько групп.

А. Западная, или западнохуннская ветвь:

1) болгарская — сюда наряду с древними языками (булгарским, хазарским) относится современный чувашский;

2) огузская — турецкий, а также азербайджанский, гагаузский, туркменский и крымско-татарский;

3) кыпчакская — татарский, башкирский, казахский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, караимский, карачаево-балкарский, барабинский (или барабинско-татарский);

4) карлукская — узбекский и уйгурский (или новоуйгурский).

В. Восточная, или восточнохунская ветвь:

1) уйгурская — якутский, тувинский, хакасский, шорский, чулымский (или чулымско-тюркский);

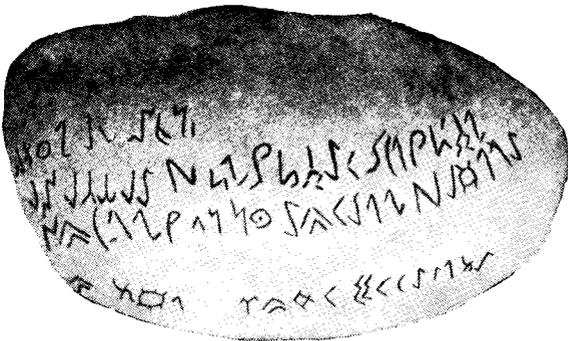
2) киргизско-кыпчакская — киргизский и алтайский (или ойротский).

Чувашский язык на западе и якутский на востоке больше других сохранили архаические элементы, поэтому они и менее понятны другим тюркоязычным народам.

Тюркские языки входят в состав большого семейства алтайских языков наряду с языками монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Во всех этих языках есть ряд сходных черт, в том числе и общие слова. В древности они были более родственным друг другу. В современном состоянии наиболее близки тюркским по фонетике, грамматике и лексике монгольские языки.

До нас дошли письменные памятники тюркских языков с V века н. э. Но оформились эти языки гораздо раньше. Многочисленные источники — китайские, греческие, византийские, армянские, грузинские и др. — свидетельствуют о том, что еще до нашей эры на территории Европы и Азии жили тюркские племена.

Среди древнейших памятников тюркских языков выделяются орхонские рунические надписи. Живя в Средней Азии в соседстве с согдийцами, тюркские народности использовали их арамейский алфавит и на его основе создали собственный. Первым письменным памятником на новосозданном алфавите, дошедшим до нас, был Таласский. Продвигаясь на Север, этот алфавит достиг определенной степени совершенства в енисейских памятниках, а дальнейшее его развитие отражают орхонские.

Намогильный памятник с древнетюркской рунической надписью из бассейна р. Талас (около г. Джамбула)

В VIII — XV веках среднеазиатские тюркские народности пользовались уйгурским письмом. Сначала это письмо читалось справа налево, впоследствии сверху вниз. Им было написано в 1069 году известное правовое и философское сочинение «Кутадгу Билик».

С принятием ислама многие тюркские народности перешли на арабское письмо. Но арабский алфавит с его богатством букв для

обозначения согласных и бедностью для гласных не был пригоден тюркским языкам. В течение многих веков он был тормозом на пути овладения грамотой широкими массами. Поэтому после победы Октябрьской революции тюркоязычные народности СССР перешли на латинскую, а в конце 30-х годов — на русскую графику.

С типологической стороны тюркские языки принадлежат к агглютинативным языкам (термин, образованный от латинского глагола *agglutinare* 'приклеивать'), в которых корень слова не изменяется, а аффиксы (служебные морфемы) «нанизываются» один вслед за другим, как бы «приклеиваясь» к корню. При этом в тюркских языках существуют только аффиксы, следующие за корнем и изменяющиеся под влиянием гласных корня. Непосредственно за корнем слова идут словообразовательные, а затем словоизменятельные аффиксы. Каждый аффикс показывает одну грамматическую категорию. Приведем пример из азербайджанского языка:

<i>иш</i>	+	<i>чи</i>	+	<i>лэр</i>	+	<i>имиш</i>	+	<i>дэн</i> =
корень		словообразова-		аффикс		притяжательный		падежный
		тельный аффикс		множест-		аффикс, равно-		аффикс, рав-
		лица (ср. русск-		венного		значный русскому		нозначный
'работа'		кий суффикс- <i>них</i>)		числа		местоимению <i>наш</i>		предлогу <i>от</i>

=*ишчилэримишдэн* 'от наших рабочих'

Один из основных фонетических законов тюркских языков — сингармонизм, то есть ассимиляция гласных звуков аффикса, уподобление их гласным звукам корня.

В области морфологии отличительные черты тюркских языков — отсутствие категории грамматического рода, наличие категории принадлежности и категории сказуемости, в которых личные аффиксы чаще всего выступают как сокращенные личные местоимения. Аффиксы пространственных падежей — местного и исходного — восходят к одному и тому же источнику. В связи с недостаточностью формальных показателей, существенная роль при определении частей речи наряду с лексико-семантическими признаками принадлежит синтаксическим, причем из синтаксических связей примыкание выдвигается на передний план. Согласование в числе по сравнению с согласованием в лице представлено слабо.

Из словосочетаний в тюркских языках особенно развиты определительные, где определение стоит перед определяемым словом. По числам и падежам изменяется только определяемое слово. Управление осуществляется посредством глагола и послелога. В составе простого предложения развиты причастные и деепричастные обороты, которым в индоевропейских языках соответствуют придаточные предложения.

Кроме исконных слов, в словаре тюркских языков довольно много заимствований. Благодаря языковым контактам в словарном

составе тюркских языков, распространенных на восточных территориях, представлены арабские и персидские слова, в тюркских языках Поволжья — угро-финские, в сибирских тюркских языках — монгольские и тунгусские. В словарный состав тюркских языков проникают также русские слова, а при посредстве русского — слова из западноевропейских языков.

После победы Великой Октябрьской революции, с развитием социалистической экономики и культуры, словарный состав тюркских языков особенно обогащается за счет русского, главным образом в области терминологии. В последнее время в тюркоязычных республиках и областях большое внимание уделяется вопросам повышения культуры речи. Совершенствуются орфографические и орфоэпические правила, издаются словари, пособия по стилистике литературного языка.

Наука, изучающая современное состояние (лексический, фонетический, грамматический строй), историю, диалекты и говоры тюркских языков — тюркология — переживает период расцвета.

Наряду с центральными научными учреждениями большую работу по изучению тюркских языков проводят ученые в национальных республиках и областях. Благодаря ленинской национальной политике здесь выросли высококвалифицированные кадры тюркологов, которые на основе большого собранного материала родного языка выявили очень интересные факты и тонкие языковые особенности, бывшие не известными тюркологам дооктябрьского периода. Наравне с Москвой и Ленинградом тюрколо-

гическими центрами стали Баку, Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе, Ашхабад.

Советскими тюркологами выполнены важные исследования по фонетике, лексике и грамматике современных тюркских языков. В этих работах на богатом фактическом материале по-новому поставлены и решены многие сложные вопросы тюркологии.

В области тюркской диалектологии также проделана большая работа. Монографическим путем изучено большинство диалектов и говоров тюркских языков. Тюркская диалектология перешла уже от периода диалектографии (описания конкретных говоров) к созданию обобщающих трудов, составлению региональных диалектологических атласов и словарей. Кроме этих работ, тюркологи составляют Малый диалектологический атлас тюркских языков Советского Союза.

Проведен ряд исследований, посвященных исторической грамматике отдельных тюркских языков. Отстающий участок тюркского языкознания пока — история литературных языков. Преодолевается также отставание в области изучения и издания письменных памятников. Отрядным фактом стал выход из печати «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), охватывающего лексику VII—XIII веков.

Несмотря на все благоприятные условия, созданные в республиках для развития тюркологии, до самого последнего времени ощущалось отсутствие специального всесоюзного органа, призванного объединить и координировать деятельность советских тюркологов. Учитывая это, Президиум АН СССР принял решение об издании в Баку научно-теоретического журнала «Советская тюркология» — совместного органа АН СССР и АН Азербайджанской ССР. Можно без преувеличения сказать, что с учреждением этого журнала тюркология нашей страны, имеющая давние и славные традиции, вступает в новый этап. Журнал призван сыграть и несомненно сыграет исключительно важную роль в деле создания новых трудов в области тюркологии, будет способствовать оперативной взаимной информации ученых о проводимых исследованиях, освещать на своих страницах важнейшие события в тюркологической науке нашей страны и за рубежом.

*М. Ш. ШИРАЛИЕВ,
академик АН Азербайджанской ССР*

Литература по общим вопросам тюркологии

И. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.
Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1968.

НОЧЬ

В записях диалектологов обозначения промежутков ночи отражены крайне скудно, да это и понятно: ночное время не располагает к разговорам — ночью обычно спят; очевидно, и потребность в употреблении ночных терминов невелика. Но хотя эти названия мало изучены, они существуют. Чем больше приходится человеку оставаться с глазу на глаз с природой, тем чаще он должен обращаться к естественным, «природным» приметам времени. К. Г. Паустовский обещает любителям рыбной ловли: «Вы научитесь узнавать время днем по солнцу, а ночью — по петушиным крикам, восходу планет и расположению созвездий... Движение звездного неба станет для Вас понятным, как знающая карта. В самые глухие осенние ночи Вы будете просыпаться, выходя из палатки и разводить костер, как только над краем темной земли начнет переливаться зеленым огнем блистающий Сирнус. Это будет значить, что приближается пятый час утра» (Великое племя рыболовов).

Основной ориентир для определения ночного времени — созвездие Большой Медведицы. В разных местах России его называют по-разному: лось, лосá, воз, возница, колымага, конь на приколе (прикол — Полярная звезда, вокруг которой вращается «конь»), ломовик, телега и т. п. Такие названия, естественно, входят и в определение ночного времени. Из записей диалектологов известно, что по Лосю определили вре-

мя в Рязанской, Калужской, Пензенской, Тамбовской, Ярославской, Вятской, Вологодской, Новгородской губерниях, в Сибири, на Урале, у гребенских казаков. В средней части бассейна Оби бытуют выражения *лось к утру* и *лось к ночи*: «Лось еслив к утру, то три звездочки так поворачиваются, а если по-другому, то к ночи. По звездочкам узнавали время, по Лосю» (Словарь средней части бассейна реки Оби). На Псковщине смотрят, как *лось встал*: «Как часов не бывало, смотрели, как Лось встал» (запись 1962 года); «Косить выходили задолго до рассвета, а время узнавали по Лосю» (запись 1965 года). Там же говорят: «Лось в зорях хвостом встал, — скоро утро». «Звездные» определения времени могут уточняться с помощью местных ориентиров: «Когда Лось хвостом оборотится на Елизауров монастырь — заря станет занимать» (И. Д. Кузнецов. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема).

Созвездие Плеяды также служит частым ориентиром при определении ночного времени и имеет по разным территориям множество названий: стожары, стожарье, стожарики, волосожары, висожары, утиное гнездó, насédка, кúчки, бабы и др. В старых записях находим такие примеры: «Стожары с полден сошли — на дворе полночь» (Симбирская губерния); «Стожары высоко горят, уже много нóчи» (казанское); «Бабы, ти ни парá ж нам спать лажитца: стажарье жуку к паўдним

надвинулось» (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь). С помощью Стожар связывают время начала пахоты: «Стожары в зёрно, а кобыла в соху» (Селиванов. Деревенские письма). Упоминания о Стожарах нередко встречаются и у беллетристов. Так, Г. П. Данилевский поясняет: «„Стожар“ или „волосожар“ — по местному названию — голубоватая кучка звезд на северной стороне неба... спустилась к земле. Это опущение здесь считается за близость утра» (Пенсильванцы и каролинцы); «Когда в небе загораются стожары, мы садимся на коней и сгоняем табуи» (Эртель. Записки степняка); «Бродяга посмотрел на небо. Стожары-то высоко поднялись, — сказал он. — За полночь зашло» (Короленко. Соколинец). Мельников-Печерский пишет: «Стожары сильно наклонились к краю небосклона, значит, ночь в исходе, утро близится» (В лесах).

Созвездие Ориона было известно под именем *Кичиги* в Свердловской и Красноярской областях, в Иркутской и Тобольской губерниях, на Камчатке и у поморов Севера — под именем *Грабелъцы* — в Саратовской и Вологодской губерниях. В записях Иванецкого (1890) приводится народное объяснение этого термина: «Один внимательный и умный крестьянин указал на пояс и меч Ориона и сказал, что эти звезды зовутся грабелъцы, пояснив, что меч — это ручка, а три звезды пояса — самые грабли». Е. Шмурло (1914) подробно описал прием определения времени по созвездию: Ориона в Челябинской губернии: «Если кичиги стоят высоко, то, значит, по часам еще рано; если же они на западной стороне горизонта, пора уже вставать». На Амуре «две звезды из созвездия Ориона, которые восходят утром», называются *утренни кичиги* (М. Азадовский).

Характерно, что один и тот же «звездный термин» может служить для обозначения различных созвездий. Так, по записям собирателя М. Романова, *Лось* на Северной Двине означает созвездие Ориона; в «Словаре областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого показан термин *Остлякая лось* для созвездия Кассиопеи. *Стожары*, в боль-

шинстве мест означающие созвездие Плеяды, по данным Тамбовских губернских ведомостей за 1850 год, определяются как Большая Медведица. Название *Кичига*, по уральским записям А. В. Миртова (1930) и ижежским А. К. Матвеева (1961), относится не к созвездию Ориона, а к той же Большой Медведице. Это определение подтверждено цитатой: «Вот уж где кичига-та, на восток повернулась, брѣзжыца скоро будѣ» (А. К. Матвеев). В Тобольской и Северо-Двинской губерниях Большую Медведицу называют также *Кичигой*, а созвездие Ориона именуют *Лось*. Не будем искать здесь каких-то скрытых закономерностей психологического порядка, а отнесем этот разноречивый к затруднениям, связанным с малой изученностью темы и со сложными условиями проведения подобных записей. Нетрудно заметить, что представление о времени, выражаемое в «звездных терминах» (*лось*, *кичиги*, *грабелъцы* и т. п.), подчинено условиям быта и труда. Время определяют не по одному какому-либо созвездию, а, если требуется, по расположению разных созвездий на ночном небосводе, этом универсальном дифференте. «Време́ знашь ты по звѣздам; по Лосяу смотришь, по кичигам, по утичьему гнезду. Петруха! ставай! Пора ехать по сено: петухи уж три раз пели, ды Лось уж над головой» (пермская запись 1836 года).

Для обозначения промежутков ночи в говорах имеются не только показатели «внешнего» характера; ночное время делится на промежутки с помощью характерной лексики, связанной со сном в разных его стадиях. Особенно распространено слово *спень*, которым обычно обозначается «несколько часов беспросыпного сна» (пермская запись). Длительность *спѣня* понимается довольно условно — для каждого спящего своя. Обычно «соп имеет три спѣня: первый спень (первые петухи), второй спень (вторые петухи), третий спень (третьи петухи). Во второй спень я уже проснулась» (ветлужская запись 1918 года). «Четырех спѣней не бывает. Если проснулся в четвертый раз, то тут уж день. Спѣней в ночи может быть и два, и один, смотря по тому, как часто на-

до снѣщему просыпаться, или в зависимости от того, как часто сп (невольно или по желанию) просынается» (челябинская запись 1914 года). Слово *спень* известно как костромское, калужское, пермское, томское, уральское. «Загорелось, нехто не слышал, в самый спень» (костромское). В старой Самарской губернии слово *спень* женского рода: «спень первая». Даль приводит термин *спень* без указания места, как широко распространенный: «первый спень — на левый бок, другой спень — на правый бок, третий спень — навзничь».

В говорах известны также выражения *глухой спень* и *глушенесь ночи*. Последнее так объяснено в вятских записях Д. К. Зеленина: «В глухую полночь. А что у тебя такое в дому? Вот глушенесь ночи набьется нечистого духу, заведут игру, даже стены дрожат». Выражения эти синонимичны; точные литературные эквиваленты подобрать к ним трудно. Вспоминается архаичное в современном литературном языке, но памятное по классическому тексту грибоедовского «Горя ст ума» выражение *за полночь*: «Дежурую за полночь...», но и оно не передает ощущения беспробудной тишины и непроглядной темноты, которое заключено в *глухом спене*. В литературном языке, пожалуй, нет аналогичного *спеню* названия промежутка ночи.

От древних времен сохранилось старейшее деление ночи по *стражам*, известное из церковных источников и восходящее к древнему Риму (название, первоначально связанное с ночными сменами караула в городе). В Словаре Даля приводится также форма *стражбá* (церковное).

Периоды *спеней* в народной терминологии времени чередуются с *куроглашением*, призывающим к пробуждению и деятельности: «Только ляжешь, первый спень, глядь, уж будит — молотить иди»; «Третий спень еще не настал, а я уже девонька, встала».

Наконец, отметим вышедшее из употребления слово *куры*, которое широко известно из письменных памятников, в особенности из летописей: *куры* — «обсечение времени,

когда поют петухи» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I), вероятно, несколько позднее полуночи, в час или два ночи. Показателен такой отрывок из древнего перевода Евангелия: «Не весте бо, когда Господь в дом придет, вечер ли, или полунощи, или в *куры поюща*, или заутра». В «Материалах» И. И. Срезневского мы встречаем выражения *въ куры*, *къ куроумъ*, *до куръ*: «Изъ Кыева дорискаше до куръ Тмуроканя» (Слово о полку Игореве).

Наряду с *курами* в старых текстах использовался термин *куроглашение* «пение петухов». Ближким ему по смыслу было и выражение *долго ночи*, встречающееся в Тверской летописи под 1400 годом: «августа 26, в вторник, длъго ночи, в куроглашение, умер тверской князь Михайло Александрович».

Итак, мы проследили, как названы отрезки суточного времени от раннего утра до поздней ночи — от «первых петухов» до «кур поющих», то есть до тех же «первых петухов». Круг замкнулся.

В любую эпоху в названиях времени присутствует социально-бытовая, производственная основа. Социальная природа временных терминов очевидна: Евгений Онегин не будет измерять своего времени *упряжками*, он «гуляет на просторе, пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед», тогда как для крестьянина обычай «звонить в колокольчик» означает призыв к работе: «Зазвенели в колокольчик, вставай, молотить пошли» (Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров). Для солдата день начинается или кончается, когда *играют (бьют) збрю* (Даль); пажобный житель города или большого селения боялся проспать *до железных петухов* (до звонка к заутрене. — Памятная книжка Воронежской губернии, 1892), а про какогонибудь «гуляку праздного» скажут: «И редко приходил домой рано, все больше *заря выкидывала*» (А. В. Миртов. Донской словарь).

И. В. ПОПОВА
Ленинград

РУССКИЕ ФАМИЛИИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Проблема составления этимологического словаря русских фамилий уже неоднократно обсуждалась на страницах академических изданий. Однако осуществление этой задачи — составление полного словаря — требует большой предварительной работы и, в частности, монографических исследований по отдельным группам русских фамилий, характеризующимся теми или иными общими признаками — генетическими, тематическими, структурными.

Предпринятая нами серия статей, посвященных анализу русских фамилий тюркского происхождения, имеет своей целью дать предварительный материал для будущего общего словаря русских фамилий. В предыдущих статьях уже рассматривалось происхождение 57 фамилий. Они опубликованы под общим заголовком «Русские фамилии тюркского происхождения» в следующих изданиях: сборник «Ономастика» (М., 1969); журнал «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка» (1969, № 4); сборник «Ономастика Поволжья» (Ульяновск, 1969); журнал «Советская этнография» (1969, № 4); сборник «Антропонимика» (М., 1970). Еще две статьи находятся в печати. Данная статья (восьмая по счету) — продолжение этой серии публикаций.

Ниже приведен краткий этимологический анализ следующих семи фамилий: Юсупов, Аракчеев, Бибииков, Коробьин, Чириков—Чюриков, Поливанов и Мерлин. Краткие исторические данные о связях этих старых русских фамилий с тюркским миром мы находим в исторических источниках, прежде всего в родословных, которые собраны в десятитомном «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи» (СПб., 1797—1836) — (далее сокращено — ОГДР).

ЮСУПОВ

«Род князей Юсуновых, как показано в справке розрядного Архива и в других родословных книгах, происходит от Нагайских Князей. Предок сего рода Абабек Керей сын Док был владетелем. Потомки сего Абабека в древнейшие времена в Египте и в других местах были царями. Происшедший от сего рода Муса князь имел сына князя Юсуфа, от которого произошли князья Юсуновы...» (ОГДР, т. 2).

Итак, фамилия Юсуповых происходит от собственного имени ее родоначальника Юсуфа. Имя это, звучащее в русском языке как Иосиф или Осип, восходит через арабское посредство к древнееврейскому источнику: крымско-татарское Jusuf < арабское jūsuḥ < древнееврейское Josef — буквально '(бог) приумножит'.

В родословной Юсуповых упоминаются и другие собственные имена: Муса, Абабек, Керей и Док.

Первое из них — Муса = русское 'Моисей' < арабское musa < древнееврейское mōše.

Второе — Абабек < Абубек < арабское ābūbakr ابوبكر происходит от имени Первого Халифа, наместника пророка Мухаммеда. Впрочем, Абабек могло быть также тюркским искажением Агабек < тюркское аҫа 'старший брат, вежливое обращение к старшему' + bek 'бек, дворянин'.

Третье имя — Кирей < kārāj, множественное число kārājт (чагатайское) — название тюркского и монгольского племени Киреитов.

Четвертое — Док < тюркское doq и toq 'сытый; полный, толстый' встречается как прозвище полного человека.

АРАКЧЕЕВ Родословная Аракчеева, выдвинувшегося при Павле I, весьма кратка: «Барон Алексей Андреевич Аракчеев происходит из древней благородной фамилии. Предки его Аракчевы за службу Российскому престолу жалованы были от государя в 1667 и других годах поместьями и на оныя грамотами. А в 1797 году апреля 5 дня по именному Его Величества Государя Императора Павла Первого Высочайшему указу помянутый Алексей Андреевич Аракчеев всемилостивейше пожалован в бароны Всероссийской Империи», а «1799 года мая 5 пожалован в графы Российской Империи» (ОГДР, т. 3, 4). Последнее пожалование сопровождалось изменением герба Аракчеева и включением в герб надписи «Без лести предан», которая, по преданию, была сделана собственноручно Павлом I и позже вызывала насмешки родовитых вельмож. Известна пушкинская перделка: «Бес лести предан».

Фамилия Аракчеев происходит от тюркского прозвища агагсу 'пьяница', основа которого агаг 'водка, вино' слово, встречающееся в казахском, каракалпакском языках в форме агаг 'водка' в алтайском, крымско-татарском и др. — в форме агагу, в турецком — гагу, источник его — арабское ʾагаг عرقى 'водка'.

Кстати, тюркское слово *арак* уже в начале прошлого века употреблялось в русском языке как название особого сорта водки. Ср., например, в известном стихотворении Дениса Давыдова:

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и ... арака
Посети домишко мой!

Тюркский аффикс-*су* указывает на пристрастие или профессию. Таким образом, *арақ + су* — буквально 'пристрастный к вину, водке'. Прозвище это, принявшее в русском языке форму *аракчей*, дало в сочетании с суффиксом *-ев* фамилию Аракачев.

БИБИКОВ

«Фамилия Бибиковых происходит от выехавшего к Великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому из Синей орды татарина именем Жидомира, который, как показано в поданной в розряд от рода Бибиковых родословной, был родственник царям Синей орды. Сей Жидомир имел правнука Федора Микулича по прозванию Бибики, коего потомки Бибиковы многие Российскому Престолу служили Наместниками, Стольниками, Воеводами и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей поместьями» (ОГДР, т. 3).

Тюркское происхождение данной фамилии, таким образом, подтверждается историческими данными, свидетельствующими о приходе родоначальника этой фамилии Жидомира из Синей татарской орды.

Итак, в родословной Бибиковых упоминаются два имени тюркского происхождения — Жидомир и Бибики.

Первое из них — искаженное собственное имя Аджитемир или Хаджитемир — из арабского *hādī* حادجى 'паломник' и тюркского *temir* 'железо'. Собственные имена из сочетаний Хаджитемир, Хаджимурат, Хаджисейит, Хаджимуса, Хаджимырза и т. п. часто встречаются до сих пор на Кавказе и у крымских татар.

Источником второго имени — Бибики могло служить, по-видимому, тюркское слово *bebek* بېك 'маленький ребенок, кукла': турецкое, *bebek*, казахское *böbek*, киргизское *böbök* (ср. в других тюркских языках *bala* 'ребенок', часто встречающееся в составе собственных мужских и женских имен).

Возможно, что слово *bebek* بېك 'ребенок, кукла' происходит из того же источника, что и чагатайское (староузбекское) *bibek* بېبېك 'зрачок глаза': в основе их лежит слово со значением 'зрачок', которое стало позже ласкательным обращением к ребенку 'зрачок моих глаз, милый', а затем — названием самого ребенка и его изображения — куклы. Аналогией к такому развитию значений может служить синоним *qaraq* 'зрачок глаза', встречающийся в других тюркских языках (казахском, каракалпакском), который в переносном значении употребляется в качестве обращения к ребенку — *qaraqum* 'мой милый'. О таком развитии значения напоминает нам и русское выражение «беречь как зеницу ока» (именно как зрачок глаза).

Таким образом, фамилия Бибики имеет в своей основе прозвище Бибики, происходящее от тюркского *bibek* или *bebek* 'зрачок' > ласкательное обращение 'зрачок моего глаза, милый' > 'дитя, ребенок' > 'кукла'. Одно из этих значений и послужило поводом для данного прозвища.

КОРОБЬИН

«Род Коробьиных происходит от выехавшего к Великому князю Федору Ольговичу Рязанскому из Большой Орды татарина Кичи-Бея, а по крещении названного Васильем. У сего Василья был сын Иван Васильевич по прозванию Коробья, коего потомки Коробьины многие Российскому престолу служили» (ОГДР, т. 3).

Данные родословной указывают на татарское происхождение родоначальника этой фамилии Кичи-бея < тюркское *kiçik bej* или *kiçi bej* 'младший, малый бей'. Этим именем в турецких семьях называют также мальчиков, сыновей богатых или знатных родителей.

Если бы не было указания на тюркское происхождение родоначальника фамилии Коробьин, то можно было бы не сомневаться, что фамилия эта образована с помощью суффикса *-ин* от русского слова *короб* (множественное число — *коробья*) или от слова женского рода *коробья* (именительный падеж единственного числа), встречающегося в диалектах. Возможно, что указанное в родословной прозвище Коробьин так и осознавалось членами семьи как происшедшее от слова *коробья*. Однако естественнее предполагать, что у сына татарина Кичи-бея прозвище было также татарское. Наиболее вероятный источник его — сочетание *qara bej* 'черный бей' либо *qay bej* 'старший, старый бей'. В таком случае это тюркское прозвище подверглось переосмыслению по народной этимологии под влиянием русского слова *коробья* и дало в конечном счете фамилию Коробьин.

ЧИРИКОВ

«Род Чириковых происходит от племянника царя Беркая, которому по крещении наречено имя Петр. Житие сего Петра, угодившего Вседержителю, описано в Четьмиinei под 30 числом июня месяца с надлежащею подробностью. Праправнук помянутого святого Петра, Петр Игнатьевич Чириков служил при Великом князе Дмитрие Иоановиче [Донском] в Сторожевом полку и был в сражении против Мамая. Потомки сего Петра Игнатьевича Чириковы равным образом служили Российскому престолу в боярах наместниками, стольниками, комнатными, окольными и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями» (ОГДР, т. 3).

Родственной фамилией, судя по общим геральдическим данным (крест в верхнем поле герба и рука с мечом в нижнем поле) является более поздняя фамилия Чюриковых, представители которой «в 1679 году писаны в числе детей боярских и верстаны поместным окладом» (ОГДР, т. 8).

Нет сомнений в том, что фамилия Чириков или Чюриков не может быть объяснена посредством русских слов — звукоподражательного *чирик* или названия птицы *чирок* (в последнем случае фамилия имела бы форму Чирков).

Происхождение фамилии Чириков, таким образом, может быть объяснено только на тюркской основе, тем более что данные

родословной указывают на связи этой фамилии с Золотой ордой и с одним из крупнейших золотоордынских ханов — Берке или Беркя, братом Батыя, сыном Джучи, внуком самого Чингис-хана. Монгольское имя Verke (Verkä) связано либо с монгольской основной beḡ, beḡe 'искусный, мастер своего дела', либо с основной bāg 'сила, мощь'; последние, видимо, заимствована из тюркских языков (турецкого, крымского, чагатайского и др.): ср. тюркское berik (bärk) 'крепкий, твердый'.

Наиболее вероятный источник фамилии Чюриков (Чюриков) — тюркское слово čirik или cürük (турецкое, уйгурское, узбекское) 'гнилой, протухший, испорченный' — производное имя признака от глагола čiri или čürü- 'гнить'. Как сама фамилия, так и слово, от которого она происходит, имеют две огласовки — губную и негубную (варианты с гласными *и* и *у*).

Второй возможный источник той же фамилии — тюркское čirik 'способность, проворство' и čiri 'храбрый, проворный' < персидское čiri 'храбрый, проворный' > Слова эти встречаются в старом литературном языке турки. Тогда фамилия Чириков происходит от прозвища čiri 'храбрый, проворный'.

Наконец, последней этимологией этой фамилии может быть основа čerik 'воин, войско' — слово, встречающееся в турецком, уйгурском и др. тюркских языках и заимствованное из санскритского языка.

Из трех высказанных предположений о происхождении фамилии Чириков (Чюриков) нам представляется наиболее вероятным первое — от слова čirik (cürük) 'гнилой, испорченный'. Оно подтверждается наличием двух различных огласовок как в тюркском слове, так и в происходящих от него фамилиях.

ПОЛИВАНОВ «Род Поливановых происходит от выехавшего в Москву к Великому князю Дмитрию Иоановичу Донскому из Орды татарина именем Кочева, а по крещении названного Анцыфором. У сего Анцыфора был правнук Михайло Глебович Поливан, коего потомки Поливановы Российскому престолу служили наместниками, воеводами и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями» (ОГДР, т. 3).

О тюркском происхождении фамилии Поливанов говорит уже указание, что фамилия эта основана выходцем из орды татаринном Кочевым. Кроме того, нельзя не отметить, что родоначальник ее Михайло Глебович получил кличку Поливан не в качестве имени и не в качестве фамилии по своему отцу (которая могла бы быть объяснена своеобразным искажением какого-либо греческого по происхождению собственного имени: Полиен — 'многохвальный' или Полувий — 'имеющий много средств к жизни').

В родословной Поливановых встречаются, следовательно, два восточных имени собственных — Кочев и Поливан.

Имя Кочев или Коч происходит от слова qoç 'баран' и 'храбрый, сильный, щедрый' (ср. также qoç jigit 'молодец'),

встречающегося в крымско-татарском и турецком языках, причем связано непосредственно со вторым, переносным значением слова — ‘храбрый, щедрый’.

Что касается самой основы фамилии Поливановых, то прозвище Поливан происходит от слова *pälwan*, *paliwan* < персидское *pähliwān* پهلوان ‘борец, силач, герой, стрелок’, встречающегося во многих тюркских языках: ср., например, татарское *pähliwan* ‘богатырь, силач, атлет, герой’, уйгурское *palvan* ‘борец, богатырь’ и др.

Любопытно, что оба прозвища Коч и Поливан имеют по существу одно и то же значение. Это тоже служит косвенным доказательством происхождения фамилии Поливанов не от какого-либо собственного имени греческого происхождения, а от восточного, в данном случае персидского слова *pähliwan* پهلوان, заимствованного одним из тюркских языков, носители которого входили в состав Золотой орды.

МЕРЛИН

«Предки фамилии Мерлиных выехали в Россию к Великому князю Василию Васильевичу из Крыму. Происшедшие от них потомки Мерлины многие Российскому Престолу служили разные дворянские службы и жалованы были от Государей в 1656 и других годах поместьями» (ОГДР, т. 3).

Крымское происхождение фамилии Мерлиных подтверждается и структурой самой фамилии, которая состоит из двух элементов, сплавленных в русской передаче в одно слово. Первый из этих элементов — *emir* < арабское *āmīr* أمير ‘правитель, князь’ или *ömür* < арабское *umār* عمر ‘жизнь’, а второй — *ali* < арабское *ālī* عالی ‘великий; собственное имя Али’.

Итак, фамилия Мерлин представляет собой либо сочетание *Emir Ali* ‘князь Али’, либо сложное собственное имя *Ömürali* ‘Умарали’ (ср. часто встречающиеся в современных тюркских языках имена, состоящие из первого элемента *ömür* < арабское *umār* عمر ‘жизнь’ и различных собственных имен, составляющих второй элемент, например каракалпакское *Ömirbaj*, *Ömirnıjaz*). Как то, так и другое сочетание вполне возможно.

В русском языке фамилия эта утратила начальный гласный (*e* или *o*) и была оформлена по образцу русских фамилий с суффиксом *-ин*.

Доктор филологических наук

Н. А. БАСКАКОВ

ЕЩЕ РАЗ ПРО ТРЕЗВОН И ТРЕВОЛНЕНИЕ

Писать об этих словах, занимающих в словарном составе современного русского языка очень скромное место, а в словообразовательном отношении уединенное положение (к ним можно присоединить также прилагательное *треклятый*), еще раз, может быть, и не было бы особой нужды, если бы не одно обстоятельство... По их поводу возник недавно спор. Два компетентных специалиста в двух авторитетных изданиях высказали прямо противоположное мнение об их структуре.

Н. М. Шанский считает, что в *треклятый*, *трезвон* и *треволнение* следует выделять приставку *тре-* в отличие от сложных слов типа *трезубец*, *треножник*, где, по его мнению, числительный корень *тр-*, осложненный соединительной гласной *-е-* представляет первую часть сложения («Русский язык в школе», 1968, № 5).

А. С. Львов («Русская речь», 1970, № 1) отказывается признать право на существование в русском языке приставки *тре-* и полагает, что *треножник*, *треух* и т. д., с одной стороны, *треклятый*, *треволнение* и *трезвон* — с другой, составляют один ряд сложных слов с первой частью *тре-*. Кто же из двух специалистов прав?

Вполне — ни один из двух, хотя каждый развивает свою точку зрения и, исходя из нее, последователен в своих рассуждениях. А. С. Львов решает вопрос, основываясь на происхождении слов. Действительно, все слова с начальной частью *тре-* в старославянском и древнерусском книжном языке были сложными, это валки с соответствующих греческих слов с первой частью, основой числительного $\tau\rho\iota-$.

Все дело, однако, в том (и это давно уже стало истиной в грамма-

тических учениях о слове), что морфологический состав слов исторически изменчив. Меняются границы между отдельными морфемами, происходят различные морфологические упрощения или переразложения состава слова. Могут появляться новые морфемы, две старых слиться в одну и т. д. К таким случаям относится и данный. И в этом нет ничего удивительного. Надо только учесть особое положение указанных слов в нашем словарном составе, их историческую судьбу, их смысловые и стилистические особенности.

Как сказано, все или почти все слова с первой частью *тре-* книжного происхождения. Сейчас они явно распадаются на две неравные группы. Одну из них составляют слова, отчетливо выделяющие по смыслу основу числительного как первую часть сложения. Таковы: *треглавый*, *трезвучие* (*трезвучный*), *трезубец* (*трезубый*), *треножник* (*тренога*, *треножный*). Этим книжным образованиям соответствуют более «простые» (в стилистическом отношении), восходящие к разговорной речи образования с вариантом первой части *трех-* (*трехглавый*, *трехугольный* и т. д.). Эти варианты иногда носят более стилистически ограниченный, сниженный, ненормативный характер сравнительно с их пеходными книжными первообразами.

Новые образования этого рода, а их довольно много прибавилось в нашем языке особенно за последнее столетие, выделяют первую часть *трех-* и несмотря на это вполне нормальные и нейтральные (*трехгодичный*, *трехгодовалый*, *трехголосный*, *трехгранный*, *трехдневный*, *трехдольный*, *трехколесный*, *трехлетний*, *трехмерный*, *трехмесячный*, *трехнедельный*, *трехосный* и т. д.). Таким образом, немногие сложные слова

книжного происхождения с первой частью *тре-* следует признать «застывшими», но прочно унаследованными от прошлого формами, в которых, однако, первая часть сложения отчетливо выделяется и теперь, поскольку она сохраняет свое исходное значение, связывающее ее со значением числительного *три*.

Другую, уже крайне немногочисленную теперь группу составляют названные ранее слова: треволпение, трезвон (и его производное — трезвонить), треклятый. Этимологически, в более или менее отдаленном прошлом, они также были сложными словами и выделяли в качестве первой части сложения основу числительного *тре-*. *Треклый* — тут А. С. Лъвов прав — действительно первоначально означало «проклятый тройным проклятием», а число *три* в христианской мифологии имело особое значение: троекратно произведенное действие мыслилось как наиболее результативное, обеспеченное успехом.

Таких слов теперь единицы; но в книжном употреблении прошлого их было больше. Особенно свободно в церковно-книжном языке образовывались и существовали прилагательные с первой частью *тре-*: *треблагий*, *треблаженный*, *трегубый* («троекратный»; ср.: *трегубая ектения*, *трегубая аллилуйя*), *трегубительный* («наносящий великую пагубу»), «грозящий полной гибелью»), *треисподняя* (преисподняя), *треокаянный*, *трепроклятый*, *тресветлый*, *тресвятой* и др.

Эти образования, первоначально сохранявшие по смыслу связь с числительным *три*, затем более или менее окончательно теряли ее, и первая их часть *тре-* получала, как правило, более широкое и неопределенное формальное значение — вообще особо высокой, полной степени проявления качества. В этом смысле она легко сближалась с приставкой *пре-*, вносившей то же значение (ср. совершенно сходное значение в старых книжных текстах форм *пресвятой* и *тресвятой*, *преблаженный* и *треблаженный* и т. п.). Естественно, что более слабый разряд слов этого ряда с *тре-* подчинялся более типичным образованиям с префиксом *пре-*, а на фоне последних пер-

вая часть слов *треблагий*, *тресветлый* и т. п. стала восприниматься так же, как приставка аналогичного значения. Вопреки чисто этимологическим соображениям, но исходя из реальных соотношений составляющих элементов, в словах этого рода уже лексикографы и грамматисты XVIII—XIX всков выделяли *тре-* именно как приставку, как формально-грамматический элемент с общим значением превосходной степени качества (ср.: *Словарь церковно-славянского и русского языка*, 1847).

Когда влияние церковно-книжного языка на наш литературный язык ослабло и пало, большая часть слов из этого разряда прилагательных вышла из употребления. Осталось только одно *треклый* (любопытно, что хотя современные наши словари относят его к просторечию, еще в указанном Словаре 1847 года оно имело помету «церковное»; современные словари, аттестуя его как просторечное, конечно, имеют в виду не его приуроченность к разговорной речи и не его отклонение от литературной нормы, а просто резкую его экспрессивность). Морфологически оно членился на приставку *тре-* и основную часть *-клятый*, только сопоставительно с бесприставочным прилагательным (причастием) *клятый* и приставочными однокоренными образованиями — *проклятый*, *заклятый* и т. д.

Что касается двух других слов (*трезвон* и *треволпение*), то история их бытования в русском языке также заслуживает внимания. Если мы обратимся к Словарю 1847 года, то найдем там следующее определение существительного *трезвон*: «троекратный звон во все колокола». Первичное осмысление состава слова, его историческая соотнесенность с числительным *три* здесь, как видим, еще ощущается. Впрочем, тот же Словарь отличает другое, повое специальное значение слова в языке моряков: «Звон в колокол, означающий, что на корабле пожар». В данном случае за основной признак принят только шипящий характер действия, являющийся признаком треноги. Любопытно, что такое переосмысление слова, затухание в нем первоначального символично-канони-

ческого значения характеризует живое употребление в разговорном и литературном языке XVIII — XIX веков. Это отличают уже все позднейшие словари, начиная со Словаря В. И. Даля (ср. у него: «звон во все колокола; праздничный звон вообще, обычно не менее как в три колокола»). Этимологическая точность уже явно нарушена, «внутренняя форма» слова сдвинута; слово по общему значению первой его части сблизилось со значением *тре-* в разряде рассмотренных выше прилагательных.

Но, конечно, выделение здесь *тре-* как своеобразной приставки прежде всего с очень общим значением особой силы и интенсивности действия происходит также лишь на фоне противопоставления и сопоставления его с родственными *звон* и *перезвон*. Слово в своем новом значении явно «индивидуализировалось». Отсюда и расширение сферы его употребительности, его сочетаемости с другими словами и особые новые оттенки значения. Ср. *резвон* не только в отношении к звону колоколов, но образно для обозначения и других звуков (интенсивных, переливчатых и т. д.), например пения птиц («И жаворонки в небе уже подняли резвон»); ср. также сложившееся в разговорном языке переносное экспрессивное значение: «шум, передаваемые сплетни и пересуды скандального характера». Та же сетка значений и у его производного — глагола *резвонить*.

Существительное *треволение* фразеологически обособилось и оторвалось от своих первоначальных значений еще заметнее. Это ранняя калька в церковнославянском языке с греческого *τροχυσια* (от *τροχη* 'волна'). Но уже соответствующее сложное слово в греческом значило не только 'третий вал (самый сильный)', но и 'очень большое волнение' и даже просто вообще 'волнение, возмущение'. В этом значении, как книжный, «торжественный» синоним слова *волнение* (и в физическом — о волнах на водной поверхности, и в переносном — психологическом смысле), оно было присвоено и церковно-книжным типам нашего языка. В XVIII — XIX веках, когда проходил решающий отбор церков-

нославянского лексического наследия в русском языке, слово выдержало испытание и осталось в нем, но в более ограниченном и специфическом значении. Прямое, «физическое» значение отпало (его след сохранился только во фразеологически связанном, образном употреблении, например: «треволения моря житейского»). Осталось оно на правах книжного слова с отнесением его по смыслу только к сфере внутренних, душевных переживаний. Определение его в Словаре 1847 года еще гласит: «Великое волнение; сильная буря» (ср. пример из книги начала XVIII века: «На мори адриатском (король) претерпе великое треволение, из негоже едва сам с немпогими людьми здрав изыде»).

А вот типичное определение из современного нам словаря: «Сильное душевное волнение, беспокойство; тревога». Короче, здесь связь с первичным, исходным, прямым значением вполне утрачена. Слово уединилось, а формальный элемент *тре-* выделяется только на основе сопоставления с его простым синонимом *волнение*, а значение этой остаточной приставки ощущается весьма смутно и неопределенно.

Обращаясь теперь, в конце кратко этого пара по истории употребления этих слов, к нашим спорящим сторонам, мы можем утверждать:

1. Этимологически все слова с начальной частью *тре-* восходят к сложным образованиям, где первая часть равна основе числительного *три*.

2. Часть современных слов с *тре-* следует признать сложными словами с первой частью, вносящей обычное значение числительного. Этот разряд сложных слов ограничен; он достался нам по наследству; живым, пополняющимся разрядом оказывается здесь варьирующий тип с первой частью *трех-*.

3. В трех словах, также унаследованных нами от прошлого (*треклятый*, *резвон*, *треволение*), если и выделяется на основе сопоставления с другими словами особая часть *тре-*, то ее следует, учитывая историю употребления и современное осмысление, рассматривать как своеобразную приставку с иным общим, формальным значением (усиле-

ние степени качества, интенсивное выражение действия или состояния). При разборе этих слов на уроке в школе следует выделять приставку *тре-*, как рекомендует «Школьный словообразовательный словарь» (автор З. А. Потиха, научный редактор С. Г. Бархударов. М., 1964).

4. Конечно, у трех одиноких слов, имеющих во многом различную историческую судьбу, это общее грамматическое значение приставки ощущается уже довольно слабо (а

исходное этимологическое значение вовсе утрачено).

5. Одна из спорящих сторон явно неправомерно расчленяет первую часть сложных слов с *тре-* на основную часть *тр-* и присоединительную гласную *-е-*. *Тре-* представляет здесь полностью первую часть (основу числительного в косвенных падежах), как и *трех-* в вариантных им продуктивных образованиях.

Ю. С.

БАХМАТ

Читая русские исторические романы, мы иногда встречаем неизвестное теперь слово *бахмат*: «Атаман! — вскричал один разбойник... — Аргамаки и бахматы под ними рублей во сто каждый и боле!» (А. К. Толстой. Князь Серебряный).

Здесь слово *бахмат* — «ценный верховой конь». Упоминаются бахматы и в исторической хронике А. Н. Островского «Тушино» в сцене, где изображена осада поляками одного из русских монастырей в 1608 году:

Попрыгают поляки на бахматах,
Полаются на каменные стены,
Как пес на месец — съел бы,
да высоко, —

И с тем уйдут.

Слово это можно встретить и в других исторических художественных произведениях — в «Типах Смутного времени» П. Н. Полевого, в «Разине Степане» А. П. Чапыгина и др. Писатели XIX — XX веков использовали слово *бахмат* наряду с другими не употребительными теперь словами, чтобы ярче, живее показать прошлое.

Что представляли собой эти бахматы? Иностранцы-путешественники по Украине и югу Русского государства упоминали о них в XVII веке как о татарских (погайских и крымских) верховых лошадях. «Эта одна из пород лошадей, нескладная, некрасивая, но крайне выносливая, так как никакая другая порода, кроме этих бахматов, не в состоянии проскакать 20—30 лье. Грива у них густая, мощная, почти до земли, хвост волочится за ними», — писал Гильом Боллаи. По словам Стрюйса и Олеария, невзрачные лошади «крымских и погайских татар» очень сильны и выносливы. Это боевые кони: «несясь во весь опор, татары перескакивают с усталого коня на заводного и легко избегают преследования неприятеля» (Боллаи). В XVII веке в словарях иностранцев (Р. Джемса, Г. Кнапиуша) слово *бахмат* толкуется как русское («московское») название татарского коня.

В отечественных памятниках письменности оно встречается с 1503 года, часто в связи с упоминанием о поляках, в значении «боевой

коть»: «а на бою под нимъ ранили бахмата» (Отписка суздальского воеводы Плещеева. 1608).

В первой половине XVII века слово *бахмат* на Руси было распространено довольно широко и проникло из деловой письменности в книжную религиозно-повествовательную: «Бзживала на... аргамакахъ и бахматахъ» (Житие боярыни Морозовой. Первая четверть XVII в.). В последний раз как не устаревший термин *бахмат* появляется в «шутливой комедии» (первое десятилетие XVIII в.) в речи поляка: «Я их [врагов] не почитал, как бы у меня еще мой бахмат жив был, которого подмною на бою под Каменцем-Подольским застрелили...».

Вообще же в XVIII веке это слово перестало употребляться в живой речи на Руси; оно ни разу не отмечается в словарной картотеке XVIII века Института русского языка АН СССР.

Уже как старинное традиционнопоэтическое название, оно встречается, хотя и очень редко, в народных былинах (по записям XIX века):

Из-за леску было, лесу темного,
Из-за гор было, гор высоких,
Выезжал-то тут добрый молодец
Дюк Степанович
На своем-то на добром коне в
буром бахмате.

Считают, что здесь уже непонятное *бахмат* принято, по-видимому, за *бешмет*; хотя сочетание в *буром* можно толковать и как название масти коня. Вторично в той же былине слово *бахмат* фигурирует как имя собственное. Стал забываться и звуковой облик слова, судя по тому, что в былине из старинного рукописного сборника (1803) возник вариант этого термина *бахманец*, возможно, в результате подсознательного уподобления словам *инходец*, *жеребец*:

Походите на конюшню белодубовую
По любимого по бахманца,
Седлайте в седло черкайское
...Ради крепости богатырския!

Изредка употреблявшийся в прошлом веке в архаических былинах,

этот термин, однако, в живой обиходной речи ни в одном из русских говоров не обнаружен, судя по картотеке «Словаря русских народных говоров» Института русского языка АН СССР. В. И. Даль не указывает в своем словаре ни одной местности, где бы это слово было распространено, отмечая лишь его устарелость и татарское происхождение. Уже первые толковые русские академические словари (конец XVIII — первая половина XIX века) характеризуют слово *бахмат* как устаревшее.

Таким образом, став крайним ограниченным историзмом в художественной литературе и в фольклоре, слово *бахмат* вышло из речевого обихода на Руси в XVIII веке. Но бесследно у восточных славян это слово не исчезло: в украинских говорах оно сохранилось в виде *бахмет*; в русских диалектах есть вятские *бахмёт* и *бахмётка* 'о ком-либо неповоротливом' или 'о ком-либо косматом, мохнатом или с длинной шерстью' и холмогорское шутливое *бахмётко* 'о ком-либо волосатом, мохнатом (о лошади, о собаке, иногда о человеке)'. Отметим еще белорусское литературное *бахматы* 'косматый, пушистый' и украинское *бахматий* 'мешковатый' (разговорное), давнее существительное *бахматість* и наречие *бахмато*.

В литературном русском языке, в отличие от украинского и белорусского, производных слов от *бахмат* нет (фамилии типа Бахметьев в счет не идут).

Как объяснить появление в России слова *бахмат* в XVI веке и исчезновение его к началу XVIII века?

Термин для обозначения «татарского» (погайско-крымского), приземистого боевого коня был у разных народов Восточной Европы: ср. русское *бахмат*, польское *bachmat*, румынское *bahmêt* (реже *bahamet*), молдавское *бахмёт*. Во всех этих языках он устарел или совсем вышел из употребления.

Одинаковая судьба термина в языках, не близких друг другу (русский и румынский, польский и молдавский), заставляет искать причины его появления и исчезновения не столько в особенностях этих языков, сколько в актуальности самой

породы боевых лошадей, обозначавшейся словом *бахмат*.

В русском и польском языках это слово известно с XVI века (в русском — уже с начала этого столетия). Неиздолго перед тем обострилась борьба против татаро-монгольского ига, рухнувшего в 1480 году. Участвовавшие военные столкновения русские с татарами способствовали появлению у них названия боевой татарской (погайской) лошади — *бахмат*. У самих тюркских народов, судя по этимологическим и лексикографическим материалам, такого термина нет: источник его — популярное и любимое у тюрков личное имя *Бахмат* (и *Mähmät*) — ‘Магомед’ от арабского Мухаммад — ‘хвалимый’. По имени всадника, которым чаще всего был *Бахмат*, противники татар стали называть и его боевую лошадь.

После взятия Астрахани русскими (1554) и под давлением враждебных им калмыков воинствующая часть погайцев двинулась по южно-русским степям на запад и с разрешения турецкого султана Сулеймана II поселилась в 1569 году в южнобессарабской степи Буджак, которая в старину представляла собой дикую равнинную местность. Отсюда погайцы и совершали набеги на ближайших соседей в Молдавию, Румынию, Польшу, Россию, на Украину (в Подольи). Не удивительно, что именно у этих соседей бытовал термин *бахмат*; не случайно в русских справочниках *бахматы* упоминались как «длиногривые твердокопытные подольские лошади», а в румынских — как «буджакские кони».

В XVIII веке погайцы совершенно оставили Буджак; примерно с этого времени термин *бахмат*, превратился у восточных славян, поляков, румын и молдаван в поэтический архаизм. Как живое разговорное слово, исключая украинское диалектное *бахмет* ‘бахмат’ и польское литературное *bachmat* ‘толстяк’, ‘человек с отвислым животом’ оно в этих языках не встречается.

На Руси *бахмат* наиболее активно употреблялось в XVI — XVII веках на западе и юго-западе.

Г. Ф. ОДИНЦОВ

ВЕСЕЛАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

ТАРАКАН

В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ

АСПЕКТЕ

Специалисты по истории русских слов уже давно установили, что слово *таракан* по происхождению тюркское заимствование, но окончательный его источник определить довольно трудно. Одни считают, что оно восходит к тюркскому причастию на *-ган* от глагола *тара* ‘расходиться, распространяться, рассеиваться, размножаться’ (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий): *тара-ган* — буквально ‘расходящийся, разбегающийся’. Однако это объяснение принято быть не может: в нем остается неясным, почему в слове вместо ожидаемого звонкого *г* в русском языке имеем глухой согласный *к* между гласными.

Финский тюрколог М. А. Ряснен выдвинул другую этимологию: русское слово, по его мнению, происходит от чувашского причастия на *-акан*, образованного от глагола *тар* ‘бежать, убежать’. В других тюркских языках чувашско-булгарскому глаголу *тар* закономерно соответствуют формы *тез* ‘бежать, убежать’, ‘удаляться, отстраниться’ (древнетюркский), *тес* ‘убегать’ (шорский, хакасские диалекты), *дес*, *дез* ‘убегать, скрываться’ (тувинский). Следовательно, булгарско-чувашское по происхождению слово *таракан* буквально значит ‘убегающий, скрывающийся’. Но нужно также помнить, что чувашский звук *к* в положении между гласными частично озвочается, становясь полузвонким, а поэтому и здесь в русском мы могли ожидать *г*.

Упомянутые объяснения не очень хорошо согласуются с тем, что в древнерусских памятниках, начиная с XVI века, это слово писалось *торокань*: в рукописном лечебнике, названном «Травник» и переведенном немцином Н. Любчанином в 1534 году (список XVII века), упоминаются «клопы и тороканы», «черви и тороканы во ухахъ». Передача тюркского предупредного гласного *a* (более краткого, чем ударный звук *á*) гласным *o*, который в древнерусском был более кратким по сравнению с *a*, часто встречается в старых заимствованиях из тюркских языков. Например, тюркский этноним (название народа) *қазар* в древнерусском передавался, как *козаре*, но в греческом и латинском — *хазары*; тюркское *қазақ* отражено в русском в виде *козак* и *казак*. Именно старинная русская форма *торокань* легла в основу литовского слова *tarakõnas* 'таракан', где наблюдается характерная для древних литовских заимствований из славянских языков замена славянского звука *a* литовским *o*: славянское *o* и литовское *a* были звуками краткими, а славянское *a* и литовское *o* — долгими, причем огубление как славянского, так и литовского *o*, вероятно, было незначительным. В то время долгота и краткость соответствующих звуков играли большую роль, чем их качество.

Правда, написание и произношение *торокань* держалось недолго. Например, англичанин Ричард

Джемс в 1618—1619 годах записал слово с отражением акающего произношения: *táracan* с пояснением «a blacke thinge lake beate, Scot. a clock» [черная тварь, похожая на жука, по-шотландски *клок*] (Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса, 1618—1619. Л., 1959). Еще раньше такое написание встречалось в знаменитом «Домострое»: «всякие суды съ ествою [едой] или квашня... всегда бы покрыто было... и повязано от тараканов и от всякия нечистоты». В такой же форме употреблял его протопоп Аввакум: «Никто ко мнѣ не приходилъ токмо мыши, и тараканы и сверчки кричатъ» (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное). В старинных русских пословицах по сборнику XVIII века, изданных П. К. Симоном, читаем: «Арканъ не тараканъ: хотя зубовъ нѣтъ, а шею ѣсть».

Упоминаются тараканы и в так называемых лечебниках — «О сверчкахъ и о тараканехъ, истопи избу ясенем добре и вмети в печь коноплиныхъ головницъ какъ спестъ семя изомретъ всякое нечистое» (Лечебник конца XVII — начала XVIII века из собрания В. Н. Перетца). Сходный рецепт содержится и в Лечебнике 1763 года из того же собрания: «Выгнать тараканы и сверчки; истопить избу ясновыми дровами гораздо, да мечи в печь коноплиного семени а skutай накрепко и выходи вонь со всемъ дни на три; все помрутъ». Там же и другой ре-

цент — об извлечении тараканов из уха: «У кого тараканъ или сверчокъ воидеть в ухо тот часть разведи соли с водою или вином густо да влеп в ухо тотъ часть умреть изогни булаву и выволочешъ».

Еще большие трудности ожидают этимолога, если он попытается определить происхождение украинских названий таракана: *таргán, таркán*, которые нельзя объяснить из *таракан, таракан*, ибо в украинском языке безударные гласные хорошо сохраняются. На возможное существование в русском языке конца XVII века такой же формы, как в украинском, указывает Генрих Вильгельм Лудольф, автор вышедшей в 1696 году в Оксфорде «Русской грамматики», которая была написана по-латыни. «Inter insecta pecculiare est Russiae *Torcan*, bruchi species, licet non volet, domus lignae valde iis stant, noxium tamen non est insectum» [Обыкновенным в России животным является *торкан*, вид точильщика, не летающий, обильно водится в деревянных домах, но вредным назвать его нельзя] (Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Перевод, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина. Л., 1937). Не исключено, что здесь форма *торкан* появилась ошибочно, но ее существование все-таки весьма вероятно.

Соотношение между украинскими *таркан, тарган* и русскими *тороканъ, таракан* можно объяснить, если предположить, что в украинском языке отражена фонетически более старая форма, а в русском слово испытало преобразование сочетания *ар* (или *ор*) между согласными в так называемое полногласное сочетание *оро*. Такое изменение произошло, например, в имени императора Карла Великого (умер в 814 году), превратившемся в русском языке в нарицательное существительное *король*. Вероятно, в украинском *таркан, тарган*, будучи сравнительно новым заимствованием, сохранило свой более древний тюркский звуковой облик, а в русском оно подверглось раннему преобразованию и дошло до нас в измененном виде.

Тараканы были не очень приятными жителями избы, для их истреб-

бления приходилось *тараканничать* (морозить тараканов, выбравшись на несколько дней в другую избу и выставив, в мороз, окна), или призывать *тараканщика* — изводчика тараканов. Но вообще к тараканам относились спокойно, иронически, о чем говорят народные русские пословицы: «И большой таракан не мерину чета»; «Маленькая рыбка лучше большого таракана»; «Таракан не муха, не взмутит брюха». Такое отношение к тараканам, возможно, было связано с поверьем, что тараканы предвещают удачу: черные тараканы заводятся — к прибыли; прусаки и тараканы размножаются — к добру; более того, они предупреждают о несчастье: тараканы (или мыши) из дому ползут перед пожаром. Поверья такого рода были известны давно, их упоминают проповедники XVIII века (см. работу Н. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси». Т. II. М., 1913).

С присутствием тараканов в жилом помещении смирились как с неизбежным, хотя и небольшим, злом: «Избу срубн, а тараканы свою артель приведут»; «Была бы изба, будут и тараканы»; «Тараканы — первые жильцы, повоселы, избу обновляют, наперед жильцов перебираются». Упоминался таракан и в других пословицах, про него складывались такие же прощальные загадки: «Бежит бык о шести ногах: сам без копыт, ходит не стучит»; «Черен, да не ворон, рогат да не бык, шесть ног без копыт»; «Нашего быка дома не любят, на базаре не купят»; «А что над нами вверх ногами?». Последняя загадка могла относиться и к мухам на потолке (см.: Словарь В. И. Даля).

Для выяснения этимологии (происхождения) русского слова *таракан* важно учесть эту обстановку веселого, иронического отношения к незваным жильцам крестьянского дома, в которой они могли получить шутовское название.

От настоящих жильцов избы тараканы отличались тем, что они не облагались никакими налогами, податями. Именно по этому немаловажному признаку тараканы и были остроумно названы: их отождествили с лицами, имевшими древнетюрк-

ский почетный титул *тарқан*. Перед прочими обывателями *тарқаны* имели одно преимущество: они освобождались от уплаты каких бы то ни было податей. Отсюда русское преобразование *тороқань*, *тарақан* и украинское *таркан*, *тарган* без преобразования *ар* в *оро* (в украинский язык оно попало позже, чем в русский, в эпоху, когда переход сочетания *ар* или *ор* в *оро* перед согласными уже перестал быть живым фонетическим процессом).

Титул *тарқан* известен уже в древнетюркских письменных памятниках: *тарқан*, *тархан* — 'титул правителя' (Древнетюркский словарь. Л., 1969). Л. З. Будагов в своем капитальном «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» сообщает о тарханах следующее. Так назывался «человек, свободный от податей и повинностей... свободно вступающий в палатку хана и свободно выходящий из нее, которому прощаются проступки 9 раз; права эти переходят в потомство до 9 колена; тарханлык (тарханство) — звание, коим хан жаловал кого-либо, избавляя от повинностей. По-монгольски *тархан* значит 'кузнец, мастерской, вольный человек', так как, по преданию, кузнец вывел монголов из долины эркене-кунь, и в честь его установлено было звание тарханов, свободных от налога и пр. По другому преданию, сам Чингисхан был кузнецом, и ковал железо при горе Тархан... Ярлыки, которые давались ханами на это звание, называются тарханскими; к ним относятся и данные русскому духовенству, сохранившиеся в русском переводе». В. В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» указывает также, что слово *тархан* у тюрков использовалось как часть имени собственного и что оно употреблялось как название чагатайского племени. Чувашский язык сохранил этот историзм в виде *турхан* (в диалектах также *торган*) как обозначение привилегированного класса тарханов, а также в названиях чувашских селений, отсюда и русские названия типа Тарханы.

Добавим, что титул *тарқан*, *тархан* отмечается в разных средневековых источниках — китайских, византийских, армянских, согдийских, сред-

неперсидских, протобулгарских надписях Болгарии и др.

Хотя собранные Л. З. Будаговым предания о происхождении титула *тархан* и пересказываются многими, вероятно, они основаны на так называемой народной этимологии. Происхождение этого широко распространенного титула не вполне ясно; подобно многим другим тюркским наименованиям почетных званий и титулов, оно скрывается в глубине веков.

Автор недавно вышедшего в Финляндии «Опыта этимологического словаря тюркских языков» (Хельсинки, 1969) М. А. Ряснен считает тюркский титул *тархан* состоящим из двух: тар+хан. Хан достаточно хорошо известен; тар в свободном виде нигде не отмечен, но встречается в составе титула *тарым*, присоединяемого к именам женщин и детей ханского рода (ср. также тюркский титул жены хана или знатной дамы *ханым* и *ханум*, от *хан* с тем же суффиксом, что и *тарым*): *тарым* употреблялся и как княжеский титул.

На Руси носители этого титула назывались *торханы*, а позже *тарханы* и *тарханщики*. Их исключительные права обеспечивались специальными *тарханскими* или *тарханскими грамотами* (*тарханский* получилось из *тарханский*, так же как *песельник* из *песенник* — путем расподобления двух *н* в сочетании *л^н*). Об особых правах тарханов можно прочитать статью востоковеда С. М. Шапшала «К вопросу о тарханских ярлыгах» (сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953).

В русском языке значение слова *тархан*, даже фонетически не изменившегося, пошло в сторону семантической деградации. Как указано в Словаре Даля, в тамбовских, пензенских и саратовских говорах *тарханом* назывался «прасол, майк, скупщик по деревням холста, льну, пеньки, шкур или мерлушки, щетины и пр.; он же торгует мелочным товаром, и меняет. Тархан по промысел идет с мешком и облыжным безменом, а домой едет на возу».

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» от-

мечает это слово как устарелое и об-ластное, приводя такие примеры: «По всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насы-пают яблоки, чтобы в ночь отпра-влять их в город» (Бунин, Антонов-ские яблоки); «Кругом по немощ-ным улицам ютятся в почернелых, покосившихся хибарках мещанство, верой и правдой служившее его сте-пенству ссыщнику, тархану, лесо-промышленникам и прочим благо-детелям» (Серафимович. Тающие церкви).

Результаты развития полногласия в тюркском заимствованном слове *тархан* на русской почве отражены не только в названии насекомого *таракан*, но и в топонимах Тьмутро-кань (древнее название современ-ного города Тамань; сейчас стало традиционным написание Тмутар-кань) и Асторохань (одна из стар-ых форм названия современной Астрахани). Во второй части этих названий *-торокань*, *-горохань* скры-вается тот же самый древний тюрк-ский почетный титул *тархан*, *тархан* с развившимся уже в древнерусском языке полногласным сочетанием *оро* из *ар* (или *ор*); следовательно, это «родные братья» нашего *тарха-на* — *торокана* — *таракана*.

Если в русском *торокан* отражено древнее развитие полногласного со-четания *оро*, то такой же процесс мы должны были бы ожидать в ук-раинском языке. Возможно, что та-кая форма когда-то существовала и здесь, но впоследствии была обнов-лена, вытеснившись исходной перво-начальной тюркской формой *тархан* или с озвончением согласного *к*: тар-ган.

Таким образом, наименование не облагавшегося никакими налогами «домашнего животного» и незваного жильца дома *таракана*, оказывается, происходит от весьма почетного тюркского титула *тархан*. В нем скрыта уже давно забытая шутка, о которой теперь можно только до-гадываться. «Рыжий и усатый таракан» детских стихов К. И. Чуковского «Тараканище», который по-русски точнее называется прусаком, тоже имеет шутовское происхождение — от воинственных жителей Пруссии. Слово *пруссак* со значением «житель

Пруссии», как и топоним Пруссия, стали даже писать на немецко-лат-инский лад с удвоенным *сс*, чтобы отличить его от насекомого. В ук-раинском языке и то и другое стало *прус*. А вот поляки название насе-комого *grusak* переделали в *rus*, от-куда чешское *rus* и немецкое *Russe*, соизвавшие, таким образом, с назва-нием русских. Есть у поляков и *prusak* — буквально «персидское (насе-комое)». В некоторых европейских языках тараканы называются по имени немецкого племени швабов: немецкое *die Schwabe, Schabe* «тара-кан», *die deutsche Schabe* «прусак» (дословно «немецкий таракан»), чешское *šváb*, польское *szwab*, серб-скохорватское *буба шваба* «таракан-прусак» и т. д.

Из русского слово *таракан* вошло во многие языки. О литовском уже говорилось. В польский оно вошло, испытав большие преобразования: известны польские формы *karakan* (с уподоблением согласного *k* по-следующему *-k*, возможно, не без влияния тюркского прилагательного *кара* «черный»), *karakón*, *karaczan*, *barakán*, *karaluch*. В чешском языке диалектное *tarakán* «таракан» получило также переносное шутов-ское значение «содержатель гостини-цы». Отмеченные в Словаре В. В. Радлова казанско- и тобольско-татар-ские *таракан* и алтайское *тараккан*, которые раньше считались источни-ком русского слова, по мнению М. А. Рясняна, также являются заимст-вованными из русского языка. Про-никло это русское наименование и в некоторые другие языки: ср. марий-ское *таракан*, чувашское *таракан*, коми-зырянское *торокан*, мансий-ское *таракан*.

Мы видели, что для выяснения происхождения даже такого незна-чительного слова, как *таракан*, по-следователь должен привлекать мно-гочисленные, порой весьма неожид-анные факты из самых разных языков. Этимологическое объясне-ние только тогда становится убедит-ельным, когда устанавливается не-сомненная связь между многими яв-лениями и когда получают объясне-ния все особенности звучания и зна-чения рассматриваемых слов.

И. Г. ДОБРОДОМОН

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ ДЕТЯМ

Благородному российскому юношеству!

Любезные дети!

Может быть, многим из вас удивительным покажется издание особого для вас журнала; и так чтоб вы не удивлялись, хотим мы уведомить вас в немногих словах о причине, намерении и содержании сих листов.

Причина, побудившая нас к изданию их, есть та, что доселе на отечественном нашем языке не было ничего, что бы служило собственно для детского чтения... Всякому, кто любит свое Отечество, весьма прискорбно видеть многих из вас, которые лучше знают по французскому, нежели по-русски, и которые вместо того, чтобы, как говорится, с матерним млеком всасывать в себя любовь к Отечеству, всасывают, питают, возрождают и укореняют в себе самые разные предубеждения против всего, что токмо отечественным называется...

Таким обращением открывался первый номер журнала «Детское чтение для сердца и разума», вышедший в свет в мае 1785 года. Это был первый в России журнал для детей. Небольшого формата, журнал был издан на дешевой бумаге, в бумажном переплете, без всяких украшений.

Когда издатели «Детского чтения» указывали на причину, побудившую их выпустить детский журнал, они ничуть не преувеличивали, говоря, что в России не было детской литературы. Те очень немногочисленные издания, которые появились лишь во второй половине XVIII столетия, были слишком неинтересны и написаны настолько сухо, что вряд ли могли привлечь чье-либо внимание. Популярна была книга, изданная еще при Петре I, «Юности честное зерцало» (см.: «Русская речь», 1968, № 2). В ней давались все те необходимые наставления, которым должны были с детства следовать русские дворяне. «Слуг нужно в страхе держать, они по нраву бывают упрямы, горды, потому надо их смирать, покорять и унижать». Или, «сиди прямо, не жри, как свинья, не сопи, не чавкай, как пес, и головы не чеши, ибо так делают крестьяне».

Единственным светлым пятном на сером фоне детской литературы была книжка чешского педагога Яна Амоса Коменского «Мир в картинках», переведенная в 1768 году. Интересные, представляющие определенную художественную ценность книги для детей были, но только на иностранных языках.

Издателем «Детского чтения» был великий русский просветитель и замечательный писатель Николай Иванович Новиков. Правда, об этом читатели «Детского чтения» узнали значительно позже. В XVIII веке журналисты и литераторы обычно не ставили своего имени, а у редакции журнала «Детское чтение» была также и особая позиция. В обращении к читателям говорилось так: «Может быть, захочется вам, любезные дети, узнать издателей сих листов. Мы скажем вам о себе столько, сколько нужно для удовольствия праведного вашего любопытства. Имен наших знать нет вам нужды, а чинов и состояний еще меньше: ни то, ни другое не делает листов наших ни лучше, ни приятнее. Довольно того, что мы все россияне, ваши собратия, любящие свое отечество и вас как будущую его подпору».

В издании журнала принимали участие также и ученики Н. И. Новикова — молодой Н. М. Карамзин, А. А. Петров — писатель, друг Карамзина, будущий известный педагог Прокопович-Антонский и другие.

Н. И. Новиков был одним из выдающихся людей своего времени. Вся его деятельность как журналиста, писателя, издателя была подчинена одной цели — привить русскому обществу интерес к умственной жизни, к чтению книг, научных журналов, воспитать привычку думать... Николай Иванович Новиков издавал книги, словари и журналы по самым различным вопросам — философии, истории, экономике, сельскому хозяйству, педагогике, памятники русской истории в серии «Древняя русская вивлиофика»; ему принадлежит «Опыт исторического словаря о российских писателях». Перечень этот можно бы еще расширить, так как почти не было в то время области знаний, которую не пытался бы затронуть Новиков в своей деятельности типографа. Испытывая искреннюю, благородную страсть просветить русское общество, Новиков делал все возможное для того, чтобы его издания имели свободный доступ к читателям. Он выпускал свои книги и журналы массовым тиражом, многие из них были бесплатными и потому доступными даже малоимущим людям. Деятельность Новикова дала положительные результаты. Известный русский историк Ключевский писал впоследствии, что Новиков «создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению; благодаря широкой организации сбыта и энергичному ведению дела новиковская книга стала проникать в самые отдаленные захолустья, и скоро не только европейская Россия, но и Сибирь начала читать...».

Основное содержание новиковских изданий составляли нравственно-философские проблемы. Новиков хотел воспитать русское общество в духе тех просветительских идеалов века, которые были

близки ему. В основе этического учения, которое пропагандировал Новиков, лежит понятие о «добродетельном человеке». Для Новикова это прежде всего был человек гуманный, выполняющий долг человеколюбия, человек просвещенный, кроме того, и сильный духом. Идеал Новикова может показаться на первый взгляд довольно абстрактным и рационалистическим. Есть в нем, безусловно, и элементы религиозного учения. Но ближе познакомившись с личностью самого Новикова и с его нравственной философией, нельзя не отметить глубокий демократизм и гражданственность его идей, что прежде всего ощущается в отношении Новикова к самому кардинальному вопросу его эпохи — к проблеме крепостного права.

И в первых сатирических его журналах, знаменитом «Трутне», «Живописце», «Кошельке» и в поздних философских изданиях, Новиков неизменно выступает защитником прав угнетенных граждан своей страны — крепостных крестьян и всего низшего сословия России и взывает к совести и человечности привилегированных классов.

Глубокий демократизм отличает и детский журнал Новикова. От первой и до последней по страницам «Детского чтения» проходит мысль о том, что «человеки по природе все равны», что между простыми и знатными людьми нет не только никакой разницы, но первые обладают несравненно более высокими духовными и физическими качествами. «Детское чтение» воспитывало своих читателей в духе идей о внесловной ценности человека, в духе любви и уважения к человеку. «Уважай всякого человека, как человека, каков бы он ни был, богат или беден, знатен или низок». Эта мысль становится основной заповедью журнала. Не богатство или знатное происхождение делают человека счастливым, доказывали издатели журнала детям. В чем счастье? В чем смысл человеческой жизни? — такие сложные и серьезные вопросы поднимались в детском журнале. Отвечал на все эти вопросы журнал также в духе нравственного учения Новикова, который, подобно многим мыслящим людям своего времени, считал, что все пороки, зло и несчастья человека происходят от невежества и незнания истинной нравственности. Поэтому Новиков, а вслед за ним «Детское чтение», призывали к нравственному усовершенствованию, к воспитанию человеческого духа и разума.

Казалось бы, все эти философские понятия вообще невозможно переложить на детский язык. Но в журнале материал подан так тонко и ненавязчиво, что порой и взрослый человек, читая «Детское чтение», невольно попадает под влияние тех настроений, которые пропагандирует журнал.

Всего за четыре года (1785—1789) в типографии Московского университета, арендованной Новиковым, было издано девятнадцать частей «Детского чтения». После этого журнал несколько раз перепечатывался во Владимире, Орле и Москве в период с 1799 по 1819 год. Девятнадцать маленьких книжечек содержали интересный и самый разнообразный материал. Здесь печатались и небольшие

повести, и драматические произведения, и рассказы, и очерки, и научные статьи. Журнал носил по преимуществу правоучительный характер. Это естественно, так как «Детское чтение» ставило прежде всего воспитательные цели.

Правоучительные статьи журнала очень часто строились в форме вопросов и ответов, своеобразных «разговоров» между детьми и взрослыми — отцом, матерью или воспитателем. Например, отец задает детям вопрос: «Что такое доброе сердце?». Дети дают несколько самых различных ответов. А отец, поправляя их, незаметно наталкивает на правильный ответ. В результате сами дети приходят к выводу: я думаю, что добрым сердцем называется не что иное, как склонность делать добро, думать хорошо о других людях и радоваться их благополучию без всякой для себя корысти. А когда тема исчерпана, приводятся один-два рассказа о добродетельных людях. Между прочим, наглядность — один из главных методических принципов издателей «Детского чтения».

Новикову были очень близки взгляды Ж.-Ж. Руссо на проблемы воспитания. «Ежели вы хотите внушить молодым особам любовь к добродетели,— говорил Руссо в одной из своих статей,— то не твердите им беспрестанно: „Будьте благоразумны“... Нарисуйте им человека добродетельного, человека с достоинствами, научите их узнавать его, любить его...». А сам Новиков в своих педагогических статьях неоднократно указывал на необходимость развивать в детях умение аналитически мыслить, анализировать происходящее. Журнал советует детям «мысли свои строго рассматривать, научиться размышлять правильно, или, как говорят ученые, систематически». Именно для этого очень часто сюжет какого-нибудь рассказа прерывается вопросом или целой дискуссией между детьми и воспитателем. Дети обсуждают поступки героев, ищут мотивировки их поведения. Нередко сюжет сам по себе не имеет особой ценности — он только повод для рассуждений о добре и зле, о пользе добродетели или вреде порока.

Точно так же в форме «разговора» строились и научные статьи «Детского чтения». Эти статьи — по физике, химии, географии, зоологии, медицине, астрономии — составляли внушительный учебный курс. Познакомившись с ними, ребенок мог получить сведения из самых различных областей знаний. Надо отдать должное издателям журнала. Именно этот учебный, научный курс составлен исключительно занимательно и доступен для восприятия. Вот названия некоторых статей: «Разговор о громах», «Три разговора о воздухе», «О системе мира», «О солнечных и лунных затмениях», «О пользе растений», «Рассуждение об анатомии»...

Но кроме того, что журнал этот был замечательным и педагогическим и учебным пособием, девятнадцать книжек «Детского чтения» представляли собой и небольшую библиотечку для детей приблизительно от четырех до двенадцати лет. И сказки, и басни, и истории о смелых мореходах и путешественниках можно с интересом прочитать и сейчас. Здесь публиковались произведения по-

пулярных зарубежных детских писателей: Кампе, Жанлис, проза и стихи известных европейских писателей XVIII века Томсона, Попа, Геснера. Печатались в «Детском чтении» и русские писатели. В журнале были опубликованы первые оригинальные произведения молодого Карамзина: «Евгений и Юлия», «Прогулка», «Анакреонтические стихи», и дети были их первыми литературными судьями.

В «Детском чтении» публиковались преимущественно переводы и пересказы с немецкого, французского и английского языков. Много статей, рассказов, повестей перевел и пересказал для журнала Карамзин. Именно в годы сотрудничества в «Детском чтении» начинают складываться и определяться эстетические взгляды будущего писателя, утверждаться его принципы в отношении русского литературного языка и стиля.

Издатели «Детского чтения» придавали большое значение не только тому, что публиковалось в их журнале, но и тому, как это было написано, то есть языку публикуемого материала. И это понятно! Ведь «Детское чтение» ставило перед собой цель — привить своим читателям любовь к родному языку. Журнал был интересным, статьи написаны живым, разговорным языком.

Журнал объявляет лучшими свойствами языка «безыскусственность и простоту». «В художественных и словесных науках она бывает тогда, когда вещь изображается или описывается пристойно ее свойству». Позже, восхищаясь языком Гердера и Гете, Карамзин указывал именно на эти стороны их литературного языка. «Та же неискусственная простота в языке, которая была душою древних времен». В другом месте «Детского чтения» встречаются такие высказывания, где главным достоинством языка художественного произведения объявляется «острый, тонкий, натуральный разговор». Интересно сравнить эту характеристику уже с собственно карамзинской в «Письмах русского путешественника», в том месте, где он пишет о немецком писателе Виланде, о том, что все «удивлялись его остроте, вкусу, красоте языка, искусству в повествовании».

Читая журнал, особенно переводы Карамзина и его повесть «Евгений и Юлия», нельзя не почувствовать в них те особенности будущего стиля писателя, которые заключались именно в простоте и легкости слога, освобожденного от напыщенности и искусственности оборотов, какими страдал язык современной ему литературы. Уже в «Детском чтении» Карамзин создает тот новый литературный язык, о котором писал впоследствии Белинский: «Карамзин первый на Руси заменил мертвый язык книги живым языком общества».

«Детское чтение» продолжает находить читателей уже далеко за пределами 80-х годов XVIII столетия. Его с удовольствием читают и современники Пушкина, Гоголя и Льва Толстого. О том, насколько интересен был журнал, мы можем судить по сохранившимся высказываниям самих читателей «Детского чтения». О жур-

нале Новикова с благодарностью вспоминали впоследствии выдающийся русский врач Н. И. Пирогов, писатели С. Т. Аксаков, Ф. М. Достоевский, читавшие его уже в переизданном виде. Вот, например, что написал С. Т. Аксаков в автобиографической повести «Детские годы Багрова внука»:

«В детском уме моем произошел совершенный переворот и для меня открылся новый мир... Я узнал в „Рассуждении о громе“, что такое молния, воздух, облака, узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления природы, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл и значение и стали еще любопытнее. Муравьи и пчелы и особенно бабочки со своими превращениями из червячка в презамиду и, наконец, из презамиды в красивую бабочку — овладели моим вниманием и сочувствием, я получил непреодолимое желание все это наблюдать своими глазами. Собственно нравоучительные статьи произвели менее впечатления, но как забавлял меня „Смешной способ ловить обезьян“ — и басня о старом волке, которого все настухи от себя прогнали; как восхищался „Золотыми рыбками“».

Насколько удачным и занимательным был журнал Новикова, мы можем судить еще и по тому, что почти все детские журналы, изданные в XIX веке, делались по образцу «Детского чтения».

С. А. СКВОРЦОВА

ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА

Из журнала
«ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ»

РАЗГОВОР О ПРОСТОТЕ

Добросед подарил некогда любимым своим детям французскую книгу «Похождения Телемаховы», такую книгу, в которой самые важные учения мудрости и добродетели переложены в приятной повести приятным стихотворным слогом.

В ней описаны приключения молодого человека, которого нежное сердце открыто было всяким впечатлениям, как добрым, так и злым, и в котором первые всегда одерживали верх над другими, для того что он последовал спасительным советам богини мудрости, которая везде провожала его под видом верного Гофмейстера.

Должен признаться, продолжал Добросед, что эта книга не в нынешнем вкусе; удивительные приключения, в ней описанные, взяты из древней баснословной истории. Также не люблю я и стихотворческой прозы, какую она писана, и всегда предпочитаю для детей легкий слог без многих украшений пышному слогу. Однако ж при всем том она заслуживает похвалу, и вы можете читать ее с пользой и удовольствием.

Алексей: А кто был сочинителем этой книги?

Добросед: Фенелон, один из знатнейших французских духовных особ, Архиепископ и принц Камбрейский, князь Римской империи. Он славен как отменною ученостью и живостью воображения, так же и строгой добродетелью, а особливо простотою нрава. Сими превосходными свойствами снискал он доверенность и почитание от своего государя Людовика XIV, короля французского, так, что он вверил ему воспитание трех своих принцев, и для них-то Фенелон писал похождения Телемаховы. Книга принята тогда была с великою похвалою и переведена почти на все иностранные языки.

Алексей: Вы сказали, что Фенелон особливо славен был простотою нрава. Я часто слышал от вас и прежде, что вы хвалите эту простоту. Однако ж иногда и в хулу называют людей простыми. Кого хотят назвать глупым, о том говорят иногда, ах как он прост!

Добросед: Это правда, друг мой. Слово *простой* принимается весьма в различном смысле. Когда называют человека простым, говоря о разуме его, тогда хотят означить, что этот человек глуп или незнаем. Но между свойствами сердца простота есть одно из самых благороднейших свойств. Она приписывается такому человеку, который честен, искренен, имеет много достоинств, не гордясь ими, добр и велик, не ждя похвалы и не стараясь только казаться добрым и великим. В художественных и словесных науках простота также одно из лучших свойств. Она бывает тогда, когда вещь изображается или описывается пристойно ее свойству без посторонних прикрас. Она есть самая прелестная натура, которая показывает свои красоты без намерений казаться прекрасной.

Простоте во нравах противно притворство или принуждение!

Лизанька: Ах! Я не знаю ничего несноснее этого принуждения. У меня есть много знакомых, которые им заражены.

Добросед: В самом деле, оно всегда хочет нравиться и никогда не нравится. Чье сердце лишилось простоты, тот лишился всего, что может делать почтения и любви достойными. Притворство и принуждение оказываются тогда во всем: в образе мыслей, в поступках, в разговорах, в голове и во всех движениях.

Алексей: Я читал о придворных Александра Великого, что они все ходили изогнув шею, для того что у государя их шея была коса и одно плечо выше другого.

Доброед: Не можно довольно сожалеть о тех детях, в которых всякими способами стараются испортить природную простоту сердца. От природы бывают они откровенны, свободны и беспритворны, говорят то, что думают, свободно открывают свои добрые свойства и погрешности. Но весьма рано учат уже их погрешности свои скрывать, принимать только нарядный вид добрых свойств, привыкая притворными минами и вытверженными наизусть комплиментами, не говорить просто так, как самое свойство вещи, о которой они говорят, указывает, но украшать или лучше сказать, безобразить разговор свой выисканными прикрасами и даже переменять иногда природный свой голос.

Алексей: Я не могу понять, для чего люди стараются мучить себя таким принуждением. Это, должно быть, очень трудно говорить или поступать так, как им несвойственно.

Доброед: Причиною тому без сомнения ложный вкус, которому кажется то пристойным и подражания достойным, что в самом деле не таково. Итак, берегитесь подражания, дети мои! в нем всегда видно несвойственное, занятое и принужденное. Разумеется, что я говорю не о подражании в таких делах, которые подлинно хороши и похвальны, а только о подражании в наружности. Последуйте натуре — она и в самом великолении своем показывает простоту и всегда избирает прямые пути. В разговоре употребляйте самые простые выражения, которые приличны этой вещи, о которой вы говорите, и не старайтесь говорить красно. Как смешны ученые женщины в одной французской комедии, которые стараются обо всем говорить красно и высокопарно! Одна из них вместо того, чтобы сказать своему слуге «подай стулья», говорит «доставь нам удобности общественного разговора»...

Паче всего сохраняйте в душе эту драгоценную простоту, которая теперь служит украшением вашей молодости. Если вы ее сохраните, то без вашего старания будете свободны от смешного принуждения...

РЕЦЕПТ ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК

Во всякое время, а особливо летом, надобно вставать рано, а если можно, вместе с солнцем. Утренний воздух делает кровь свежее, а потому в лице производит живость и губам придает такой же приятный цвет, каков цвет утренней зари. От долгова сна лицо бывает бледно и опухло.

Вставши, должно умываться свежее студеною водою, для того что от теплой воды тело со временем желтеет и показываются на нем морщины. Потом во весь день надобно остерегаться от всех страстей, особливо ж от зависти, которая производит в лице желтый цвет и бледность. Все сильные страсти безобразят лицо и впечатляют на нем такие черты, которых скоро загладить не можно. Также должно наблюдать умеренность в пище и в питье. Неумеренность расстраивает хороший стан и от нее бывают угри, которых никакими славными умываниями истребить не можно...

Чистосердечие, спокойствие, кроткий и веселый нрав придают лицу и всякому взору те прелести, которые столько почитаются в обществе и которым тщетно некоторые женщины учатся перед зеркалом подражать.

Белизна рук служит украшением красавиц. Для сего надобно держать их всегда в чистоте и мыть свежее студеною водою. Но и этого еще не довольно; надобно, чтоб при этом руки были как можно чаще в движении, и потому лучше заниматься чаще разными женскими рукоделиями. Но играть в карты совсем для этого не годится. Бабушки наши имели большей части белые руки, коим мы удивляемся на их портретах. Они не употребляли к тому никакого иного средства, кроме прилежности к рукоделиям.

Ежели при всем том молодая красавица будет одеваться чисто и просто, то она сохранит до самой старости ту приятность и те прелести, которых тщетно ожидают от разных притираний и пышных нарядов.

БАСНЯ

В один ясный зимний день муравьи сушили подмокшую пшеницу. Голодная стрекоза, пришедши к ним, просила, чтоб они ее накормили. Муравьи спросили у нее: «Для чего ты летом не запасла себе корму?». «Мне не было времени, — отвечала стрекоза, — я сочиняла музыку». Муравьи засмеялись и сказали ей: «Когда ты летом свистала, то зимою попляши».

РАЗГОВОР МЕЖДУ ОТЦОМ И ДЕТЬМИ О КОФЕ

Дарья: Слово *кофе*, конечно, не русское! Не правда ли, батюшка?

Отец: Правда, так как и самое кофе не русское питье, хотя довольно уже давно здесь его употребляют.

Федор: Я думаю, что имя это взято с языка той земли, где кофе родится, а мне помнится, что родится оно в Аравии.

Отец: Так, в Щастливой Аравии. Знаешь ли ты, Вася, в которой части света лежит Аравия?

Василий: Она лежит в Азии, принадлежит к Азиатской Турции и разделяется на Каменистую, Пустую и Щастливую.

Дарья: Она, конечно, потому названа Щастливою, что жить в ней хорошо?

Отец: В рассуждении других частей света Аравии это часть по справедливости заслуживает имя Щастливой. Она весьма изобильна разными хорошими произведениями; особливо ж славятся тамашние лошади.

Дарья: И там-то родится кофе?

Отец: Оно растет в Южной провинции этой земли, которая называется Йемен или Яман.

Анна: Что же значит слово *кофе*?

Отец: Питье. Арабы обыкновенно называют его кафе-ель-бунниат, то есть древесное питье.

Дарья: Почему ж древесное? Разве кофе растет на деревьях? Я думала, что оно растет так же, как и здешние бобы.

Отец: Нет, кофе растет на деревьях, которые по большей части бывают прямы, имеют от трех до четырех аршин в высоту и похожи на наши вишни.

Дарья: Как же могут кофейные бобочки висеть на дереве?

Анна: Я думаю, так же, как вишни.

Отец: Точно так же. Цветы этого дерева бывают белые, похожи на жасмин и имеют крепкий, приятный балсамический запах. Самый плод сначала бывает тверд и зелен, как незрелый помаранец, потом желтеет, а наконец становится с одного боку красноват, с другого ж остается светло-желтым и похож бывает на продолговатую вишню как видом, так и цветом.

Дарья: Однако можно ли его есть?

Отец: Очень можно. Он приятен, питателен и прохладяет.

Дарья: А кофейные бобы, конечно, не иное что, как косточки в этих вишнях. Я бы желала быть при том, когда их собирают; я ела бы их, сколько мне угодно, а косточки оставляла бы купцам, которые кофием торгуют.

Отец: От тебя не потребовали бы этого, да и сама ты не захотела бы есть спелых кофейных вишен.

Дарья: А для чего?

Отец: Для того, что чем спелее они становятся, тем больше высыхает их тело и делается оно шелухою.

Дарья: Так я стала бы их есть вместо сушеных вишен.

Отец: Сомнительно; ты не нашла бы в них ничего, кроме клейкой кожи иссохшего тела, наполненной густым, темноцветным и очень горьким соком, в котором как бы плавает твердое зеленое зерно или кофейный бобок.

Дарья: Когда так, то я и не хочу никогда есть кофейных вишен, а лучше подожду, как поспеют здешние вишни.

Федор: Пожалуйте, скажите нам, как собирают и готовят кофе?

Отец: Расстилают под деревом простыни, трясут его, и зрелые плоды сами с него падают, однако надобно трясти дерево потихоньку, чтобы не падали и неспелые плоды...

Анна: Правда ли это, будто кофе вредно для здоровья? Я читала об этом в одной книжке, что его употребляли вместо лекарства.

Отец: Сперва употребляли его так. Что же касается до вреда, то это зависит от сложения того, кто его пьет, также и от меры. Но вообще для молодых людей кофе больше вредно, нежели полезно.

Дарья: У меня всегда сердце бьется, когда я выпью чашку кофию, и для того я обыкновенно после него пью холодную воду.

Отец: Всего лучше для молодых людей сколько можно воздерживаться от кофе, а не привыкать к нему.

А н н а: Ваш совет был бы неприятен многим молодым людям, которые охотники до кофею.

Ф е д о р: Однако в молодых летах легче от чего-нибудь отвыкнуть, нежели в старости.

О т е ц: Это правда. К тому ж ныне делают кофе из других растений, например из ячменя и цикория, которое почти также вкусно, как и настоящее, а особенно, когда хорошо приготовлено. Когда-нибудь при случае расскажу вам, как оно делается. Но теперь пойдем лучше в сад: там найдем мы много такого, чем можно заняться.

Консультации

(Окончание)

СОН

1. Физиологическое состояние покоя человека (противоположное — бодрствование)

Безгрешный, безмятежный, беспокойный, беспробудный, богатырский, гипнотический, глубокий, девичий, детский, долгий, здоровый, изнурительный, изнуряющий, каменный, кошмарный, крепкий, легкий, ленивый, летаргический, летучий, магнетический, мертвенный, мертвецкий, мертвый, мимолетный, минутный, могучий, молодой, мятежный, невинный, необорный, преодолимый, неотвязный, непобедимый, непреодолимый, непробудный, беспоконный, отрадный, покойный, полуденный, послеобеденный, свищовый, сильный, сладкий, сладостный, спокойный, сторожкий, тихий, томный, тонкий, тревожный, трудный, трудовой, тяжелый, умерен-

ный, усладный, утренний, хмельной, хороший, целебный, целительный, чуткий.

«И в сладостный, безгрешный сон Душою погрузился он» (Пушкин. Евгений Онегин); «Некоторое время вся компания находилась как бы в самом непробудном гипнотическом сне» (Гл. Успенский. Невидимки); «Все было погружено в тихий, глубокий сон» (Чехов. Человек в футляре); «Курдюков, позевывая и потягиваясь, с усилием отгонял неотвязный молодой, здоровый сон» (Серафимович. Ночной рассвет); «Каменным сном заснули бойцы» (Фурманов. Чапаев); «Скоро крепкий, свищовый сон налег на него, как будто придавил» (Достоевский. Преступление и наказание); «Только не успел он повернуться, как видит, что его земляки спят уже мертвецким сном» (Гоголь. Пропавшая грамота); «Тою порою миротворно слетел Одиссею на вежды Сон непробудный, усладный» (Жуковский. Одиссея); «Заснул он сторожким, тревожным сном» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); «На рассвете она задремала, но тонкий сон ее был встревожен печальными видениями» (Пушкин. Дубровский).

Редкие эпитеты: будкий, железный, здоровенный, соловьиный, чугунный.

«Один дядя Онуфрий спит будким соловьиным сном» (Мельников-Печерский. В лесах); «Здесь, где так вяло свод небесный На землю тощую глядит,— Здесь, погрузившись в сон железный, Усталая природа спит...» (Тютчев. Здесь, где так вя-

до свод небесный...); «Николка проснулся, лишь когда равномерное качание вагона перестало баюкать его здоровенный сон» (Леонов. Вор); «Гвалт в избушке вырос густой и ядерный. Бойцы, спавшие доселе походным, чугунным сном,— попросыпались недоуменные» (Фурманов. Чалаев).

2. То, что снится, грезится спящему; сновидение

Безгреховный, безобразный, безумный, безотрадный, беспорядочный, бессвязный, божественный, болезненный, бредовый, веселый, вялый, вялый, глупый, грозный, дикий, дурацкий, дурной, желанный, заветный, зловещий, золотой, кошмарный, крылатый, лживый, лукавый, мутный, мучительный, навязчивый, невинный, несбыточный, нехороший, печальный, поэтический, праведный, пророческий, радостный, розовый, сказочный, смешной, смутный, страшный, страшный, таинственный, томительный, тревожный, тяжкий, удивительный, ужасный, фантастический, хороший, черный, чудесный, чудной.

«Как безобразный сон, как тень, Пред ним минувшее мелькает» (Пушкин. Руслан и Людмила); «То не угроза и не дума, То вялый, безотрадный сон» (Тютчев. Ночное небо так угрюмо...); «Такие сны, болезненные сны, всегда долго помнятся и производят сильное впечатление» (Достоевский. Преступление и наказание); «Спит и видит сон заветный» (Проккофьев. Свадьба); «Иные чутко засыпают, И сны зловещие летают Над их преступной головой» (Пушкин. Братья разбойники); «Но, покрасневши, сновиденье Пересказать стыдился он, Как будто бы лукавый сон Имел с судьбой его сношенья» (Лермонтов. Измаил-Бей); «Давешние „фантастические“ мысли и опасения его казались ему теперь... таким несбыточным, невозможным и даже смешным сном» (Достоевский. Идиот); «Я жажду пересилить время — Уйти в пророческие сны» (Полонский. Муза); «И, томим зловещей думой, Полный черных снов, Стал считать Казбек угрюмый — и не счел врагов» (Лермонтов. Спор).

Редкие эпитеты: белый, жаркий, невзлеянный, яркий.

«И, словно в сказке, словно в белом сне, летит кошевка наша расписная» (С. Васильев. Зима); «Веет ветер весенний — то терпкий, то сладкий, Снятся девушкам жаркие сны» (Исаковский. Весенняя песня); «Гаснут в сердце невзлеянные сны, Гибнут цветики осмеянной весны» (Брюсов. Холод); «Ты страсти жаждала, как неба жаждут птицы, Вся подчинялась ей, тонула в ярких снах...» (Брюсов. Мария Стюарт).

3. О вечном сне (смерти)

Беспробудный, вечный, замогильный, мертвенный, могильный, непробудный.

«Перед ним, во мгле печальной, Гроб качается хрустальный, И в хрустальном гробе том Спит царевна вечным сном» (Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях); «Казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробных потемках и о тех видениях, которые посетят мой могильный сон» (Чехов. Скудная история); «И внемлет ответу: на холме крутом Давно уж почил непробудным он сном» (Пушкин. Песнь о вещем Олеге).

ТУМАН

1. Непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами, а также загрязненный пылью, дымом и т. п.

О цвете, окраске тумана: алый, белесый и белёсый, белый, голубой, дымно-синий, дымный, желто-синий, желто-сливочный, желтый, золотистый, золотой, мглистый, молочный, мутный, оранжевый, пепельный, радужный, розоватый, розовый, светлый, свинцовый, седой, серебристый, серебряный, серо-сизый, серый, сизый, синеватый, синий, сумрачный, тусклый, черно-белый, черный.

«Слышу, тихо грохочут с волной уходящей камня, Вижу, алый закатный туман превращается в дым» (Брюсов. Одиночество); «Вышло солнце из-за леса, Поредел туман

белесый...» (Солоухин. Утро); «Еще в дугах свергают росы, Еще ходить по ним легко, И над рекой туман белесый Льет через сито соломо» (Прокофьев. Где-то в России...); «Заклубились белые туманы По ночам над скошенной травой» (Исаковский. Памяти Н.); «Я смотрю на паруса и сети, Даль уходит в голубой туман...» (Тихонов. Мыс Дондра); «За моря, за океаны Он манит и мчит, В дымно-синие туманы, Где царевна спит...» (Блок. Сны); «А между тем в тумане желто-синем Вдруг грянул выстрел, воздух расколос...» (Саянов. Привал); «Где-то вверху, за кучевыми облаками, светило восходящее солнце, а долину всю заливал желто-сливочный туман» (Шолохов. Тихий Дон); «Вся горная даль была еще подернута золотистым туманом...» (Мамин-Сибиряк. Лес); «Утро было холодное, и на всем лежал сырой молочный туман» (Достоевский. Подросток); «И на все наброшена тонкая пелена пепельного тумана, отдаляющего предметы друг от друга» (М. Горький. Челкаш); «Светлый туман, как пар, подымался над шумящей рекой» (Л. Толстой. Набег); «Все кругом заволакивал седой туман...» (Б. Полевой. В тумане); «Серебряный туман пал на окрестность» (Гоголь. Майская ночь); «И этот туман серо-сизый Над взрыгыми далями вед...» (Брюсов. Над Северным морем); «Синий туман Снеговое раздолье, Тонкий лимонный лунный свет» (Есенин. Синий туман); «Моросил дождь, очень мелкий, перешедший в черно-белый туман, неподвижно стоявший над водою» (Каверин. Два капитана); «По горизонту черные туманы, Земля в золе, и в непле города» (Дудин. По горизонту черные туманы...).

О плотности, густоте тумана: густой, зернистый, зыбкий, зыбучий, легкий, густой, неподвижный, непроглядный, плотный, прозрачный, прозрачный, редкий, сквозной, тонкий, тяжелый.

«Тонко белели застигнутые по ложинам, не успевшие растаять зыбучие туманы» (Серафимович. Колечко); «Набегает свежесть от реки Негустыми легкими туманами» (Сурков. Молитва); «И вот — в непро-

глядном тумане Возник позабытый напев» (Блок. Двойник); «Туман был плотный и колючий, как снег на ветру» (Павленко. Голос в пути); «В небе дождь струится золотой, В теплом, легком, прозрачном тумане Ночь идет, вдыхая трав настой» (Тихонов. Мыс Дондра); «Тонкий туман разливается молоком в воздухе» (Тургенев. Дворянское гнездо); «В поле клубился тяжелый туман, и неба не видно было сквозь его серую мглу» (М. Горький. Супруги Орловы).

Об очертаниях, контурах тумана: волнистый, волокнистый, лохматый, мохнатый, рыхлый, пуховый, пушистый, хлопчатый.

«Сквозь волнистые туманы Пробирается луна» (Пушкин. Зимняя дорога); «Внизу, по логам и расселинам, запоздал волокнистый туман...» (Мамин-Сибиряк. На шихане); «Лохматый туман лежал по всей извивающейся в зарослях речке...» (А. Н. Толстой. Сестры); «В высокой синеве тянулись причудливые ключья рыхлого белого тумана» (Короленко. В облачный день); «Он вышел на палубу и увидел в немом закате зари Бельфаст... закутанный в пуховый туман» (Паустовский. Ценный груз); «Хлопчатый редкий туман, движимый ветром, плыл, цепляясь за верхушки сосен...» (Шолохов. Тихий Дон).

О температуре, влажности, запахе, характере физического воздействия на человека: гнилой, душный, зловонный, зыбкий, кислый, колючий, ледяной, липкий, мозглый, мокрый, морозный, мягкий, нежный, промозглый, слизистый, суровый, сырой, теплый, холодный.

«В воздухе носится все тот же гнилой осенний туман...» (М. Горький. Жизнь Климата Самгина); «Вокруг лежат болота смрадные; поднимаются сверху от них туманы зловонные» (Салтыков-Щедрин. Губерпские очерки); «С берега потянуло зыбким туманом» (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета); «Заболоченная пойма простирается гиблым бесконечным болотом, дымясь кислым туманом» (В. Кожевников. Знакомьтесь, Валуев); «На рассвете, в сырых колючих туманах, тронулись полки» (Фурма-

нов. Мятаж); «Холодный. Ледяной туман — Не разберешь, Где даль, Где близь...» (Есенин. Метель); «Слабый зюйд-вест нагнал густой и липкий туман» (Новиков-Прибой. Цусима); «На земляном полу было сыро и холодно — ночью шли мозглые туманы от болотинки...» (Караваева. Лесозавод); «Где-то позади, в сером слизистом тумане осталась длинная дорога...» (Шолохов. Тихий Дон).

Редкие эпитеты: бородастый, косматый, кудлатый, шерстяной.

«Светало. Из горной теснины... подымался клочьями бородастый туман» (Злобин. Салават Юлаев); «Появился косматый туман. Он переползал гору. Туман этот моряки звали „бородой“» (Паустовский. Черное море); «На заре туман кудлатый. Спутав дымы и дымки, В берегах сползал куда-то, Как река поверх реки» (Твардовский. Василий Теркин); «Зачем и кому нужны эти большие полотна, изображающие такие неестественные горы и такой шерстяной туман» (М. Горький. С Всероссийской выставки).

В устойчивых определениях: болотный, вечерний, дождевой, дымный, изморозный, лондонский, морской, ночной, осенний, прудовой, речной, росистый, утренний.

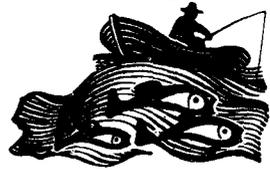
2. О психическом состоянии, нечетливости мыслей, представлений

Безумный, блаженный, кровавый, легкий, предсмертный, пьяный, смутный, тяжелый, хмельной.

«В голове бродил какой-то блаженный туман, и будущее казалось так хорошо, просто и открыто...» (Мамин-Сибиряк. Первые студенты); «И в миг кровавого тумана, Когда товарищ умирал, Воздушною рукою раны Ему никто не врачевал» (Симонов. Не раз видав, как умирали...); «Он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Струилися запахи сладко И в мыслях был пьяный туман...» (Есенин. Анна Снегина).

«Словарь эпитетов» (1970, № 1—6) составили К. С. ГОРБАЧЕВИЧ и Е. П. ХАБЛО

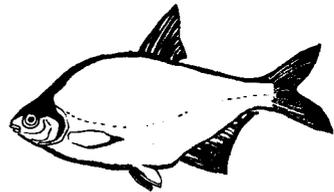
НАРОДНЫЕ

НАЗВАНИЯ РЫБ

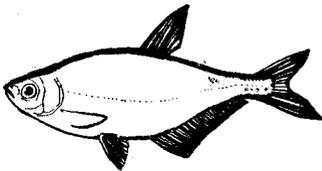
(Продолжение)

Лещ (*Abramis brama*). *Берберка* Крым. *Беребер* Пск.: сев. часть. *Береберка* (мелк.) Пск.: сев. часть; Калинин.: *Береберочка* (мелк.) Пск.: сев. часть. *Беребра* Пск.: сев. часть; Калинин.: Крым *Беребрина*, *беребрó*, *беребрúшка* (мелк.) Пск.: сев. часть. *Берёзовый лещ* Калинин.: Вышний

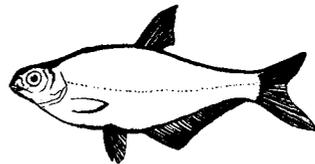
Волочок, Осташков. *Большинá*, *большой лещ* (крупн.) Ильмень, Волхов. *Вимба* Псковско-Чудское оз. *Всярыба*, *всякая рыба* Днепр, Горьк.: Волга, *Галагáлок* (мелк.) Пск.: сев. часть. *Головной лещ* Ильмень, Поозерье, Волхов. *Дубовик* ТатарССР: р. Сура. Калинин Калинин.: Вышний Волочок, Осташков. *Карточки* (мелк.) Ильмень, Волхов. *Кильяк* (мелк.) Дон. *Кляпу́са* (молодь) Волхов. *Кляпушóнка* (мелк., весом до 400 г) Ильмень, Волхов. *Колосовóй лещ* Калинин.: Вышний Волочок, Осташков. *Коростелёк*, *кóростель* (мелк., весом до 400 г) Ильмень, Волхов. *Костлявка* Урал: рр. Вишера, Кама, Колва. *Костляк* Псковско-Чудское оз. *Красик* (мелк.) Белое оз. *Крупный лещ* (более 30 см) Ильмень, Волхов. *Ласкёрь* (мелк.) Азовское м. *Лёдка*, *лёдочка* (мелк.) Ильмень, Волхов; Смол. *Лепестя́к*

(мелк.), *леу-вѣросток* (весом до 2 кг) Ильмень, Волхов. *Леу-плотичник* (леу, который нерестится одновременно с плотвой) Онежское оз.: Чѣлмужи. *Листок* (мелк.) Белое оз. *Лопырѣк* (мелк., весом до 100 г) Ильмень, Волхов. *Ляпѣк, ляпушка* (мелк.) Белое оз. *Мѣлкий леу* Ильмень, Волхов. *Молдаванка* Азовское м. *Нерестѣвый леу* (леу, идущий через две недели после плотичника) Онежское оз. *Палтан, палтуха* (молодь) Урал: рр. Кама, Колва, Пильва, Чусовая, Сытва. *Перечень* Ильмень, Волхов. *Плотичник* (леу, нерестующий одновременно с плотвой) Онежское оз. *Плотичник* Калинин: Вышний Волочок, Осташков. *Подлѣци* (мелк.) Новг., Калинин., Воронеж., Кур. *Подлѣцик* повсеместно на севере и северо-западе европ. части РСФСР, на юг до Курска и Орла, на восток до Урала, встречается у русских в Средней Азии. *Синяк* (мелк.) нижн. теч. Волги. *Средний леу* (длиной 20—30 см) Пск.: сев. часть *Сугава* Белое м. *Сухорѣбка* Кур.: Льгов. *Тарабара, тарабарка* КАССР: Водлозеро. *Ходѣвый леу* Ильмень, Волхов. *Чѣбак* рр. Дон, Кубань, Сев. Кавказ, нижн. теч. Дуная, у русских в Закавказье. *Черемѣшник, черемѣшый леу* Калинин.; Вышний Волочок, Осташков. *Чернокрѣлка, черноперка* Ильмень, Волхов. *Чубак* нижн. теч. Дуная. *Шабѣр* Псковско-Чудское оз. *Ширман, ширманчик* (мелк.) Поволжье: Самара, Саратов. *Щабѣр, щабѣра* Пск. *Щабѣрка* оз. Псковско-Чудское, Ильмень, р. Волхов.

Синѣц (*Abramis ballerus*). Часто путают с лещом. *Волжский леу* Поволжье: р. Малая Кокшага. *Гладушка* Волхов, Ильмень. *Голуша* Волхов. *Клевѣц* Дон. *Клевѣц* Волхов, Дон. *Косяк* Дунай. *Лѣсок* (мелк.) Горьк.: Ока. *Палтуха* верхн. теч. Камы. *Подлѣцик* Кама. *Пучеглаз* Орл.: Ока. *Пучеглазик* Дон. *Санѣ* Волхов, нижн. теч. Волги. *Сеньга* Дон. *Сенька* Дон.

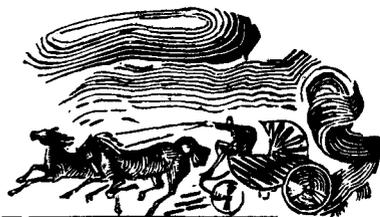
Синѣц европ. часть РСФСР не севернее оз. Ильмень, южного Приладожья и не восточнее Волги, Камы. *Синтепа* р. Сура. *Синьга* Пск., Орл.: Ока; Кама. *Синьгуша, синьгушка* Кур. *Синчик* верхн. и средн. теч. Волги, р. Сура. *Синьга* Волхов, Калинин. *Синюха* Кама. *Синява* Горьк.: рр. Ветлуга, Кудьма; Орл.: рр. Сосна, Любовша, Кривец. *Синявка* Орл.: рр. Сосна, Любовша, Кривец. *Сонѣ* Белое оз., Ильмень, Волхов, Ленингр. Волга вниз, начиная от Ржева и Вышневолочка. *Сопинка, сопяк* Ильмень, Волхов. *Сухорѣбрица* Калинин. *Талавѣрка* Дон. *Цонѣ* нижн. теч. Дуная. *Ширман* (крупн.) Горьк.: Ока, Волга. *Ширманчик* ТатАССР: Волга. *Белоглазка* (*Abramis sara*). Близка к лещу. *Белоглазая плотва* Калинин: Вышний Волочок. *Белоглазочка* Волга, Кама, Уфа, Белая. *Галуша* Ильмень, Волхов. *Глаз, глазѣц* Волга от Углича до низовьев; Смол.: рр. Сож, Ипуть, Остѣр; Кама. *Глазѣк, глазунья, глазуша* Волга от Углича, Костромы до низовьев. *Клевѣц, кле-*

цѣ Дон. *Клевѣц, клѣпчик* Ильмень, Волхов, верхн. теч. Днепра, Десна, Дон. *Косѣй удебѣк* Калинин. *Лобѣн, лобѣц* Поволжье: р. Самара. *Палтуха, подлѣцик* Урал: Кама, Уфа, Белая. *Подсѣнок, полусѣнок* Ильмень, Волхов. *Пучеглаз* Орл.: Ока. *Пучеглазик* верхн. теч. Днепра, Ока, Кама, средн. и нижн. теч. Волги. *Санѣ, сонѣ* Белое оз., р. Шексна; Кир.: р. Летка; Костр.; Ильмень, Волхов; вся Волга; Горьк.: рр. Ветлуга, Линда, Пьяна, Кудьма, Ока, Теша, Ворсма; ТатАССР: Казан.; Урал: Кама, Уфа, Белая. *Синѣц, синьга* Ильмень, Волхов; Калинин: Осташков; вся Волга, нижн. теч. Оки, Кама. *Синюга, синюха* Калинин: Осташков, вся Волга, нижн. теч. Оки, Кама. *Сопина, сопяк, сонка, сопяк* Ильмень, Волхов. *Сухорѣбрица* Калинин. *Тарабарка* р. Шексна. *Трѣцадь* Яросл. *Шаматра* Белое оз.

(Продолжение в следующем номере)

Почта „Русской речи“

Слон, слоняться и прислоняться

Читатель И. К. Головкин (Москва) пишет: «Мы часто употребляем такие слова, как *заслонка*, *слоняться*, *не заслоняйте*, *прислонять*, *заслон*. Объясните, пожалуйста, каково значение и происхождение этих слов и как попал в них *слон*».

В современном русском языке глагольная основа *-слонить* употребляется только с приставками *за-* и *при-*: *заслонить*, *прислонить*. Первый из этих глаголов имеет значение ‘закрывать, загородить’, второй — ‘приставить’. От глагола *заслонить* есть производные существительные: *заслон* со значением действия и *заслонка* с предметным значением ‘то, чем заслоняют’ (в этом смысле в технике употребляется и слово *заслон*, например: «заслон мартеновской печи»). Глагол *слонить* без приставок сохранился только в диалектах; в Словаре В. И. Даля находим его и в значении ‘заслонять’: «Не слони свету, отойди», и в значении ‘прислонять’: «Не слони стульев к стене». Там же отмечены производные существительные *слон*, *слонка*, *слонушка*, обозначающие печную заслонку.

Есть в русском языке и глагол *слоняться* ‘ходить без дела, бродить, шататься’. В литературном языке нет производных от этого глагола, но в диалектах отмечены слова *слоняй*, *слоняга*, *слонина* ‘бродяга, лентяй, праздношатающийся человек’ (Даль). В современном языке глагол *слоняться* настолько далек по значению от *заслонить*, *прислонить*, что эти слова не могут рассматриваться как однокоренные. Однако исторически они родственны. Первоначальное значение глагола *слоняться* (древнерусское *сланяться*) — ‘прислоняться, наклоняться то в одну, то в другую сторону’. Такое же смысловое изменение произошло и в глаголе *шататься*, первоначальное значение которого — ‘качаться туда-

сюда, а вторичное (просторечное) — 'слоняться, бродить без дела'.

Глагольный корень *-слон-*, выделяющийся в *заслонить*, *прислонить* и *слоняться*, носит общеславянский характер. Слова этого корня есть во многих славянских языках (ср., например, чешское *sloniti*, польское *slonić* 'заслонять') и находят более дальних родственников в других индоевропейских языках: греческое *klínō* 'заслоняю', латинское *clino* 'сгибаю, склоняю', древнеиндийское *śráyatē* 'прислоняется' и др.

Что касается названия животного *слон*, то оно по происхождению не имеет с глагольным корнем *-слон-* ничего общего. Известна такая шутка: «Какая разница между слоном и роелем?». Ответ на этот нелепый вопрос примерно таков: «Никакой, кроме той, что к слону можно прислониться, а к роюлю — только прироляться». Разумеется, это всего лишь каламбур, основанный на чисто случайном звуковом сходстве двух слов.

Естественно, что название слона — животного экзотического, чуждого русской фауне, в русском языке не исконное, а заимствованное. Сейчас уже общепризнано, что источник этого слова — древнетюркский. В разных тюркских языках оно звучит как *arslan* или *aslan* (татарское *arslan*, турецкое, азербайджанское, крымско-татарское *aslan*). Фонетическое изменение, которому подверглось слово при заимствовании (отпадение начального гласного), неудивительно: такое же изменение отмечено в ряде других тюркских заимствований русского языка — например в словах *лачуга* (тюркское *alaçuq*), *лошадь* (тюркское *alaşa*). Интереснее другое: значение тюркского слова *arslan* — вовсе не 'слон', а 'лев'. Замечено, что

заимствованные названия экзотических животных вообще отличаются неустойчивостью значения. Можно привести еще такой пример: слово *верблюд* (по-древнерусски *вельблудъ* и *вельбудъ*), непосредственно заимствованное из готского языка, восходит в конечном счете к латинскому *elephantus* — названию слона. Слон «превратился» в верблюда, а лев — в слона!

В прошлом, однако, были попытки объяснить *слон* через глагол *прислониться*. Опирались они на упомянутое в древних книгах (прежде всего в «Космографии» XVII века) представление о слоне, «будто он не может сгибать колен и спит, прислонясь к дереву» (см. «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского). Однако сама эта связь понятий «слон» и «прислоняться» скорее всего была поздней, вторичной и возникла как народно-этимологическое переосмысление непонятого названия животного, в значительной степени продиктованное внешним сходством слов. По этому поводу автор другого этимологического словаря русского языка М. Фасмер справедливо заметил, что у славян было слишком мало фактов для наблюдений над образом жизни животного, не обитавшего на территории их расселения.

Сказанное не означает, что от глаголов (*при, за*) *слонить* или *слоняться* вообще невозможно производное бессуффиксальное существительное *слон*. Уже упоминалось диалектное слово *слон* 'печная заслонка'. По-болгарски *слон* — 'шалаш, пастушья хижина' (первоначально как 'то, чем можно заслониться, загородиться'). Известно также народное выражение *слонь слонять* — синоним глагола *сло-*

няться: «Эй, барин! Чего зря бродишь, слоны слоняешь? Иди к нам, девкам, землю под пушки копать!» (Сергеев-Ценский. Севастопольская страда). Эти слоны, разумеется, тоже никак не связаны с известными животными. Здесь перед нами типичный для народной речи пример сознательно тавтологического повторения однокоренных слов с целью усиления, ср. такие выражения: слыхом не слышать; пропади ты пропадом; думу думать; шутки шутить; кишмя кишеть; дрожмя дрожать и т. п.

В. Л.

Удочерить или усыновить?

«Можно ли сказать про девочку: *усыновленная*? — интересуется читатель С. Н. Андреев из Воронежа. — Не вступают ли в противоречие значения этих слов?».

В официальной речи, речи судей, адвокатов, в статьях законов, для обозначения определенного процесса имеются лишь выражения *вступить в брак*, *заключить брак*.

Но сколько соответствующих им синонимических выражений мы найдем в разговорной речи: *выйти замуж* (о женщине), *жениться*, *взять в жены* (о мужчине), *зарегистрироваться*, *записаться*, *расписаться*, *связать себя узами брака* (высокое), *сочетаться браком* (устарелое) и даже *обаенчатся* (хотя речь может идти о заключении гражданского брака). Ни одного из этих выражений мы не найдем в официальном документе, например в «Основах законодательства Союза ССР о браке и семье».

Такое же разграничение сферы употребления обнаруживают и глаголы *усыновить* и *удочерить*. Их основные значения — «принять в семью ребенка с присвоением ему всех прав родных детей» совпадают.

В разговорной речи в зависимости от того, ребенок какого пола принимается в семью, употребляется либо слово *усыновить*, либо *удочерить*, хотя в официальной, письменной (и, следовательно, литературной) речи — только *усыновить*.

Если в разговорной речи существуют производные от обоих глаголов: *усыновление*, *усыновленный*; *удочерение*, *удочеренный*, то в официальной речи — только производные от глагола *усыновить*: *усыновление*, *усыновленный*. (Интересно отметить, что для обозначения лица, усыновляющего ребенка, в литературной речи есть слово *усыновитель*, но нет подобного же слова, образованного от глагола *удочерить*). Одна из статей «Основ законодательства о браке и семье» называется так: «Права и обязанности усыновителей, усыновленных и их родственников».

Так как лишь разговорная речь различает значение слов *удочерить*

и *усыновить*, то чаще всего мы встретим слово *удочерить* в литературе при передаче прямой речи: «— Он хочет тебя удочерить» (Конюшев. Двенадцать палочек на зеленой траве), «— Дай мне, сестра, одну девочку, я ее удочерю, выращу» (Лукашевич. Снег в овраге).

Интересно проследить за употреблением этих слов в дневнике А. Барто «Найти человека», опубликованном в журнале «Знамя» (1968, № 8). Там, где А. Барто беспристрастно излагает события, она употребляет литературные *усыновление*, *усыновленная*: «Чтобы сохранить тайну усыновления, многие приемные родители [разговорное к официальному *усыновители*] переезжают в другой район, даже в другой город»; «В 1941 году... в доме младенцев состоялось усыновление двух родных сестер»; «Он знает, что у его взрослой дочери... есть старшая сестра, тоже в детстве кем-то усыновленная».

Там же, где появляются разговорные интонации: при точной передаче слов адресанта или собственных размышлений («Найти человека» — это дневник выступлений А. Барто по радио, где сохраняются особенности устной речи) она употребляет слово *удочерить*: «Одна мать пишет: „Я взяла ребенка, девочку, удочерила ее“»; «Если же Вера была удочерена и фамилия ее изменилась, узнать себя по отцовскому письму она не сумеет».

Таким образом, в официальной речи, документах, заявлениях правильным будет употребление *усыновить* и его производных, в разговорной речи допустимы оба слова: и *усыновить* и *удочерить*.

Н. В. Соловьев.

Вертеть вола

Читатели Д. И. Иванов (Москва), П. Г. Юрьев (Иваново), Н. В. Гришин (Рязанская область) просят рассказать о выражении *вертеть вола*, часто встречающемся у Маяковского и других писателей и поэтов.

Выражение *вертеть вола* у В. В. Маяковского действительно встречается в ряде произведений. Например в стихотворении «Богомолье», в драме «Баня»: «[Ночкин:] Да бросьте вы вола вертеть! Не играл никогда Карл Маркс ни в какие карты».

Как отмечал выдающийся советский языковед А. М. Селищев, выражение *вертеть вола* вышло из «жаргона преступников». О таких словах и выражениях А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» писал: «С улицы эти слова проникли в пивнушку, в кинушку, в семью рабочего, в клуб, на собрание, в школу». Действительно, в художественных произведениях, газетных и журнальных статьях о быте рабочих широко представлены жаргонизмы и вульгаризмы главным образом в речи действующих лиц, даже детей.

В качестве примера приведем небольшой отрывок из журнала «Бегемот» (1927): «Когда Сергей Сергеев-

вич пришел со службы, пятилетняя Ниночка чмокнула его в щеку и грустненько сказала: — Папочка, я неграмотная. Купи мне кубики... — Попроси тетюшку купить... Кубики были куплены в игрушечном магазине ЛСПО. — Вот, деточка, кубики. Учись! Ученье — свет, а... — Ну нечего вола вертеть! — прервала тетку Ниночка. — Вводи в курс дела!.. Тетюшка разложила кубики и стала объяснять» (Черный. Какой пассаж). Ср. также: «Занял Запус ту избу... Пойманного — с собой рядом: узел восстания, дескать, в нем, и начал вести красивыми словами допрос. Тот только дышалом: „Господи, поми, гос-поми“... А когда Васька закурил — грянул псалом. — Ты мне вола не крути, я белогвардейскую хитрость с мясом прошел насквозь» (В. Иванов. Бегствующий остров); «Петька произнес мерно: — Стой!.. душа с тебя вон!.. Это называется редахтер... Сволочь ты, а не редахтер... — Думаешь, наш брат необтесанный — вола вертеть с ним можно. — Ну, за каким шутком не пустил экспертизу сделать?» (М. Колосов. Стенгаз).

Известно, что В. В. Маяковский в своем поэтическом творчестве широко пользовался всеми элементами живого языка. Находя у В. В. Маяковского пословицы и поговорки, идиомы, элементы разговорного языка и просторечия, читатели и слушатели воспринимали язык поэта революции как нечто близкое и доступное.

Выражение *вола вертеть* (*крутить*) сначала употребляется в значении 'обманывать, хитрить; при помощи хитрости, уловок уклоняться от чего-либо'. Со временем этот фразеологизм начинает употребляться и переносно в значении 'говорить, болтать ерунду, утверждать

заведомо нелепое'. Именно в этом значении выражение *вертеть* (*крутить*) *вола* встречается у Маяковского и других авторов: «Он подмигнул Устименке и добавил по слогам: — Кон-суль-ти-ро-ва-лись. — С кем? С кем надо. — Слушай, Бабичев, — выйдя из-за Володиного плеча, круто заговорил дядя Петя. — Ты нам вола не верти. Я тебя знаю, и ты меня знаешь» (Герман. Дело, которому ты служишь).

В современном русском литературном языке употребляется довольно много фразеологизмов, бывших некогда выражениями профессиональных диалектов и арго, а потом переосмысленных: разделить под орех, точить балясы, ставить в тупик, идти в гору, втирать очки и другие.

Словосочетание *вертеть* (*крутить*) *вола*, став фразеологическим, употребляется в современном русском литературном языке с определенным стилистическим заданием наряду с такими выражениями, как *вкручивать мозги*, *заправлять арапа* и другими подобными.

В. Н. Сергеев

У моста или у моста?

В письмах читателей «Русской речи» этот вопрос встречается очень часто. Многие читатели указывают на то, что вариантность ударения больше всего наблюдается в стихах и даже у таких мастеров слова, как Маяковский.

Все существительные в русском языке делятся в основном на три группы: 1) с устойчивым ударением на основе, 2) с устойчивым ударением на окончании, 3) с подвижным ударением. Правда, это делю-

ние условно, так как различие в ударении одних и тех же слов может зависеть от их значений. Поэтому во всех сомнительных случаях следует всегда обращаться к словарям и справочникам.

Слово *мост* относится к третьей группе: именительный падеж единственного числа — *мост*, именительный падеж множественного числа — *мосты*. В современном русском литературном языке для некоторых грамматических форм этого слова допускается двойное ударение. Словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959) отмечает эту вариантность в ударении, помещая на первое место предпочтительную форму. В родительном падеже рекомендуется употреблять *моста* или *мостá*, в дательном — *мóсту*, или *мо-стú*, в творительном — *мóстом* и *мо-стóм*.

Как показывают наблюдения последних лет, в грамматических формах слова *мост* более распространено ударение на окончании. Это ударение рекомендует как единственно правильное «Справочник ударений для работников радио и телевидения» (М., 1967). Словарь предлагает форму родительного единственного с ударением на окончании — *мостá*.

В поэтическом языке, где действуют особые правила и исключения из них, оба ударения выступают как равноправные:

Запылен, а окна блещут ярко,
Внешность исключительно проста.

Перед ним дугою гнется арка
Железнодорожного моста.

С. Смирнов. Наш дом.

Так, значит, смерть! Как тяжело
и просто
Она подходит. Наплывает чад..

Стропила развороченного моста
Ощеренными зубьями торчат.

Дудин. Костер на перекрестке

В сочетаниях слова *мост* с предлогами словари рекомендуют в грамматических формах также ударение в конце слова: у мостá, с мостá, под мостóм, на мостú. Исключение представляет собой форма предложного падежа о *мóсте*. В поэзии обе формы равноправны:

Апрель содрал с полей снега,
И вот знакомые места,
И эшелон меж сосняка
Летит с моста и до моста.

Грибачев. Весна в «Победе»

Свернув в направлении к мосту,
Он входит в весеннюю глушь,
Где сосны, склоняясь к погосту,
Стоят, словно скопища душ.

Заболоцкий. Прохожий

В сочетаниях слова *мост* с предлогами *за*, *на*, *по*, *под* можно наблюдать передвижку ударения. Ударение может стоять в одних и тех же грамматических формах слова или на основе, или на окончании, или на предлоге. Словари и справочники допускают вариантность подобных предложных сочетаний, отдавая иногда одной из них предпочтение. «Русское литературное произношение и ударение» рекомендует: *пó мосту* и допустимо *по мó-сту*, и *по мостú*; *зá мост* и допустимо *за мóст*; *нá мост* и допустимо *на мóст*; *зá мостом* и допустимо *за мó-стóм* и *за мóстом*; *пóд мостом* и допустимо *под мостóм* и *под мóстом*.

Постановка ударения на предлоге есть результат действия старого правила, по которому ударение в отдельных словах переходило на предлог. В современном русском литературном языке в сочетаниях некоторых слов с предлогами пока «уживаются» оба ударения — и

Интересно то, что за словом *симпозиум* в русском языке закрепилось одно определенное значение 'совещание по какому-либо научно-му вопросу'. Ведь и древние греки не только ели, пили и развлекались, но и вели разговор, полчас серьезный, на разные темы. Слово *симпозиум* было заимствовано не только русским языком. Например в болгарском языке оно употребляется в значении 'собрание, совещание медицинских работников'.

В современном значении *симпозиум* стало широко употребляться в русском литературном языке только в 50-е годы XX века. Впервые регистрирует это четырехтомный «Словарь русского языка» (М., 1961).

Деонтология

Слово *деонтология* в современном русском языке употребляется в двух значениях. Одним пользуются главным образом медики, другим — философы.

Слово это образовано от греческого *деон* 'должное', *логос* 'учение'. «Создал» его в 1826 году английский буржуазный правовед-моралист И. Бентам. В XIX веке слово *деонтология* как философский термин было хорошо известно и включалось в словари иностранных слов, в толковые словари. В «Словаре русского языка» (СПб., 1895) *деонтология* обозначает 'учение о том, что должно быть (Бентам); то же, что этика'.

В работе «Деонтология, или наука о морали», изданной в 1834 году в Лондоне, И. Бентам излагал свое учение о нравственности. К. Маркс в «Капитале» дал уничто-

жающую оценку теории Бентама и ее автору, назвав последнего «гением буржуазной глупости».

В современном русском литературном языке философский термин *деонтология* употребляется в связи с историей этики. Будучи узкоспециальным термином, *деонтология* на вполне законном основании не включается в общие толковые словари современного русского литературного языка.

Совсем недавно у слова *деонтология* появилось новое значение. В языке медиков *деонтология* или *деонтология врачебная*, по определению «Большой медицинской энциклопедии» (М., 1958), — это «принципы поведения медицинского персонала, направленные на максимальное повышение полезности лечения и устранения вредных последствий неполноценной медицинской работы... Деонтология врачебная является частью общей проблемы врачебной этики. Включает в себя вопросы, связанные с осуществлением лечебно-охранительного режима».

Термин *деонтология* можно встретить на страницах газет и журналов: «Есть в медицинском словаре очень важное слово: деонтология — учение о должном, учение о том, каким должен быть врач в своих отношениях к больному» («Известия», 4 июля 1964), «Есть целая наука, трактующая проблему отношения врача к больному, — деонтология (в применении к моей специальности, к хирургии, это учение разрабатывал выдающийся советский хирург, покойный профессор Н. Н. Петров)» («Наука и жизнь», 1966, № 3).

В словарном секторе Института русского языка АН СССР (Ленинград) подготовлен «Словарь новых слов». Когда он выйдет в свет в

издательстве «Советская энциклопедия», то читатели смогут узнать, что слово *деонтология* — это 'система принципов поведения медицинского персонала по отношению к больному (часть врачебной этики)'.

В. Н. Сергеев

Мини — макси

«Еще не совсем пропала мода и многие носят мини-юбки и мини-платья. О том, что мини-юбки и мини-платья — это очень короткие маленькие юбки и платья, известно всем, — пишет москвичка З. Филатова. — Но в последнее время появилось много слов, образованных с помощью этой приставки. Что это — результат моды или насущная необходимость иметь в нашем языке именно такую приставку?».

Приставка *мини-* пришла к нам через посредство английского язы-

ка. Истоки же ее — в латинском языке. Это усечение от латинского *minimus* 'наименьший'.

В русском языке приставка *мини-* употребляется, как правило, в сочетаниях, обозначающих названия одежды. Кроме мини-юбок и мини-платьев, появились в последнее время мини-шубки, мини-халаты, мини-пальто, мини-наряды вообще. Все эти названия мы встречаем на страницах журналов и газет: «Модельеры решили обеспечить стройность наших женщин и в зимний период — сконструировали мини-шубки» («Известия», 30 июля 1967), «Первый Московский медицинский институт оспаривает первенство среди других вузов страны. Здесь утверждают, что студентки его института первыми стали носить мини-халаты» («Комсомольская правда», 22 ноября 1967), «Я не против моды, но давайте для начала попросим самих модельеров провести в этом мини-наряде хотя бы один морозный день» («Известия», 30 июля 1967). Иногда *мини-* употребляется в юмористическом и сатирическом плане: «Мини-Кармен. Смотрите: укоротились юбки, штаты, высота жилья и время продажи суровых напитков. Но самые похвальные примеры мы видим все-таки в области искусства. Недавно [на львовском телевидении] показывали бессмертную оперу Бизе „Кармен“. Там выстригли несколько картин и полностью все третье действие» («Крокодил», 1969, № 8).

Часто словообразовательный элемент *мини-* употребляется как самостоятельное слово. Как правило, такому употреблению *мини-* свойственно шутливое звучание: «Вторым делом было узнать, полезно ли еще подсолнечное масло или уже были статьи против. Третьим — посове-

товаться с женой Элефантова, удобно ли носить „мини“ в бальзаковском возрасте» («Советская культура», 22 июля 1967).

Но, как пишет наша читательница, приставка *мини-* употребляется не только в сочетании со словами, обозначающими названия одежды. Например появились — мини-велосипед, минифон, мини-футбол и т. д.: «84-летний англичанин м-р Табб заразился модой на миниатюризацию промышленных изделий и решил попробовать свои силы в изготовлении велосипедов. Его мини-велосипеды отличаются тем, что на них можно ездить» («Труд», 23 декабря 1967), «На груди у него, под пиджаком, в карманах специального жилета находились портативный минифон» («Вечерний Ленинград» 23 января 1967).

Приставка *мини-* часто употребляется в переносном смысле со словами, обозначающими отвлеченные понятия: «В итоге, как отметил один английский писатель, молодежь (на Западе) живет не только в эпоху мини-юбок, но и в эпоху мини-идеалов» («Литературная газета», 1967, № 27), «Семнадцатилетняя английская фотонатурщица — Лесли Хоррби по прозвищу Твигги-Жердочка — королева минимоды, „минидевушка в миниэпоху“, как назвал ее один иллюстрированный сжепедельник» («Литературная газета», 1967, № 18).

В противоположность *мини-* появилась антонимичная ей приставка *макси-*, которая вносит значение крайнего увеличения размеров чего-либо. Пришла она к нам также из английского языка и является усечением от латинского слова *maximus* 'наибольший'. В русском языке эта приставка менее употребительна. Пока известно употребление *макси-* только в сочетаниях *макси-юбка*,

пальто-макси: «Макси-юбки, доходящие до середины голени, уже включены в арсенал новинок осенней моды 1967» («Известия», 14 мая 1967). Иногда приставка *макси*, также как и *мини*, употребляется для создания сатирического или юмористического эффекта: «Но, увы, макси-елка не состоялась. Прибыли злые дяди из Мосторга и расшумелись...» («Крокодил», 1969, № 3).

На страницах сатирических журналов встречается сочетание *мини-макс*, которое употребляется также в ироническом плане: «В Золотой долине не найти дутых ученых и программа „минимакс“ стала обычным явлением» («Крокодил», 1965, № 1).

В английском языке, кроме *мини-* и *макси-*, появилась недавно еще и приставка *midi-*, вносящая значение 'средний'. *Midi-* является усечением от английского *middling* 'средний'. Конечно, эта приставка не появится в русском языке. Нет в ней необходимости. О приставках *мини-* и *макси-* можно сказать, что они недолговечны. Присутствие их в русском языке можно рассматривать только как дань моде. Впрочем, и сейчас они не очень употребительны: применяются главным образом в разговорной речи или в сатирических и шуточных высказываниях. Даже на страницах журналов мод предпочитают писать: «сильно укороченная юбка», «маленькое платье», «сильно удлиненная юбка».

Словообразовательные возможности русского языка велики. Для показания крайней степени увеличения или уменьшения у нас много чисто русских элементов — мало-, сверх-, крупно- и т. д., которые, кстати, сейчас употребляются очень часто.

К. А. Логинова

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ РЕЧЬ»
ЗА 1970 ГОД**

Виноградов В. В. Русский язык в современном мире — 1. *Дерягин В. Я.* Фридрих Энгельс и Россия — 6. *Исаев М. И.* Ленинская национальная политика в языковом строительстве — 3. *Левашов Е. А.* Ленин и Словарь Даля — 2. Обращение к преподавателям русского языка и литературы — 1. *Сжворцов Л. И.* Ленин и культура речи — 2. *Этерлей Е. Н.* Узник Шлиссельбургской крепости — 2.

**ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Авилова Н. С. «Петухи опевают ночь» — 3. *Авилова Н. С.* «Несрочная весна» — 5. *Алпатов А. В.* Стилизация речи — 4. *Бачерикова В. Н.* Контрасты в языке А. И. Герцена («Былое и думы») — 1. *Благой Д. Д.* Грамматика поэзии — 6. *Бушин В. С.* Недосужно — 4. *Виноградов В. В.* И. А. Крылов и его значение в истории русской литературы и русского литературного языка — 4. *Власов М. Ф.* Народная речь в поэзии Н. А. Некрасова — 1. *Волинская Н. И.* «Наш дар бессмертный» — речь — 5. *Голуб И. Б.* Песенное слово Сергея Есенина — 3. *Гомазков В. Г.* Звуковые повторы у Л. Н. Толстого — 3. *Драгуз Т. Б.* Горький правит — 2. *Ковалев Вл. А.* Бесстрашие в стремлении «дойти до корня» — 2. *Кожин В. В.* О художественной речи — 5. *Колпаков С. А.* Эпитет в романе «Тихий Дон» — 2. *Краснянский В. В.* Три редакции одного рассказа — 5. *Кузнецов П. С.* Об основных единицах речи и словесного произведение — 1. *Лопатин В. В.* «Силь, упавшая в реку» — 3. *Нестеров М. Н.* Язык исторического документа в произведениях о Пушкине — 4. *Озе-*

ров Л. Три заметки о Фете — 6. *Романова Н. В.* «Звоном звезд...» — 3. *Сухова И. П.* Раскременность слова — 6. *Тимофеева В. В.* «Ищите свой корень и свой глагол» — 2. *Федотова Л. С.* Чудо лирического преобразования — 6. *Фигуровский И. А.* О синтаксисе прозы Бунина — 5. *Шаталов С. Е.* Тургеневские образы в сочинениях В. И. Ленина — 5. *Шкляревский Г. И. А.* И. Герцен о русском литературном языке — 1. *Шмелева И. Н.* Лексические анахронизмы — 4.

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Бирюков В. П. Панихида по «царю» — 4. *Боков В. Ф.* Герой нашего дела (заметки о словах) — 4. *Исаковский М.* Как я изучал родной язык — 3. *Кобзев И.* О любви и не любви — 3. *Тилонов Н. С.* О русском языке — 2. *Этерлей Е. Н.* Неутомный собиратель — 4.

**КУЛЬТУРА РЕЧИ, СТИЛИСТИКА,
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ**

Бахарев Н. Е. Заголовку — однозначность — 6. *Бойдалегов В. Д.* Русские имена в XX веке — 6. *Брагина А. А.* Плюс, минус и прочая арифметика — 1. *Будагов Р. А.* Что же такое научный стиль? — 2. *Весслов И. В.* Служебное письмо — 4. *Виноградов В. В.* О культуре русской речи — 3. *Воронцова В. Л.* О произношении слова *мушкетер* — 1. «Говорит Москва» — 4, 5. *Даниленко В. П., Хохлачева В. Н.* Варианты слова — 3. *Иванникова Е. А.* От лазутчика до разведчика — 4. *Кузнецова Л. П.* Так говорят в Малом театре — 6. *Кузьмин И.* Слово о русском шрифте — 3. *Кожин А. П.* Перифраз — полемическое оружие Ленина — 2. *Левашов Е. А.* Темная лошадка — 3. *Михайловская Н. Г.* Заголовки — фразеологизм — 2. *Музыченко А. С.* Ударение на предлогах — 6. *Плотникова Г. Н.* Образованные по случаю — 1. Практикум по стилистике — 1. *Рогожников Р. П.* Между и меж — 5. *Савина В. П.* Еще раз о транскрипции иноязычных географических названий — 3. *Сергеев В. Н.* Шофер, водитель: кто поведет машину будущего? — 4. *Филова П. Д.* Образные средства в речи В. И. Ленина — 1.

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бабкин А. М. Новый академический словарь — 5. Большой академический — 5. *Василевская И. А.* Русские писатели-словарники — 5. *Коготкова Т. С.* Словарь Я. К. Грота — А. А. Шахматова — 5. Ленинские лауреаты — словарники — 5. *Сергеев И. Т.* Словарь 1847 года — 5. Сокровищница русских слов — 5.

ГРАММАТИКА, ОРФОГРАФИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ

Авилова Н. С. Глаголы с иноязычной основой — 1. *Аникин А. И.* Вводные единицы в речи — 2. *Габучан К. В.* Инфинитивные предложения с отрицанием — 4. *Даниленко В. П.* О грамматических особенностях термин-существительных — 6. *Дмитренко С. Н.* Как из одного корня могло получиться несколько — 6. *Дымский А. С.* В тупик — 1. *Холодов Н. Н.* Союз *да* в сложносочиненных предложениях — 3. *Чуглов В. И.* Дверная ручка — ручка двери — 1.

ШКОЛА, ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Аникина А. Б. Морфологический разбор — 3. *Аникина А. Б.* Синтаксический разбор — 4. *Брагина А. А.* Запятая — 3. *Добродомов И. Г.* Правильно ли мы читаем стихи? — 2. *Журавлева А. И.* Стихотворение К. Ф. Рыльева «Гражданин» — 5. *Иванов С. А.* Как исправить ошибки... орфографии? — 6. *Кулибаба И. И.* Четвертый класс делает шаг вперед — 3. *Маловицкий Л. Я.* Школьнику о языкознании — 6. *Овчаренко А. И.* Язык и стиль повести М. Горького «Мать» — 2. Письма из школ — 3, 4. *Текучев А. В.* Ошибки бывают разные — 2. Какие темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе были в 1969 году? — 1, 2. *Улуханов И. С.* Забытые слова — 1. *Улуханов И. С.* Об изменении значений слов — 4.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ, ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журавлев В. К. Петр Саввич Кузнецов — 1. *Улуханов И. С.* Алексей Александрович Шахматов — 6. *Шведова Н. Ю.* Виктор Владимирович Виноградов — 3.

ИСТОРИЯ ПИСЬМА И КНИГИ

Аниченко В. В. Франциск (Георгий) Скорина — 3. *Барандеев А. В.* «Книга Большому Чертежу» — 5. *Сенина Л. А.* «Челом бью до лица земного...» — 4. *Сергеев В. И.* Живопись стремится заговорить — 3. *Скворцова С. А.* Русские просветители детям. Для сердца и разума — 6. *Сумкина А. И., Тарабасова Н. И.* Куранты XVII века — 2. *Терехова В. С.* Рукописные лечебники XVII—XVIII вв. — 1.

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Браславец К. М. Русские говоры Камчатки — 3. *Иваницкая Е. Н.* Словарь ленинских мест — 2. *Коготкова Т. С.* Книга о сибирских старожиловских говорах — 2.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения — 6. *Богатова Г. А.* Золотая орда — 1. *Брагина А. А.* Красный — 2. *Веселитский В. В.* Человечество, человечный — 4. *Гаврилова Т. П.* Набат — 4. *Голубева Н. П.* Какого цвета лазоревый цветок? — 5. *Добродомов И. Г.* Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте — 6. *Кондрагеева Т. Н.* О Титах, Титах Титычах и Титовых детях — 1. *Левашов Е. А.* Уфимец — 4. *Лукина Г. Н.* Русские шапки и шлемы — 3. *Львов А. С.* Врач. Существует ли приставка *тре-* в русском языке? Прохиндей — 1. *Одинцов Г. Ф.* Бахмат — 6. *Попова Н. В.* Утро — 3. День — 4. Вечер — 5. Ночь — 6. *Рубежова Г. П.* Горы русские и американские — 1. *Селимов А. А.* Книжкал — 4. *Снетова Г. Н.* Названия палогов и пошлин в Московской Руси — 3. *Ю. С.* Еще раз про трезнов и треволнение — 6. *Чурмаева Н. В.* Наши предки были язычниками — 1.

ПО КАРТЕ РОССИИ

Бахтеев Ш. З. Жигули — 1. *Белоруссов Л. М.* Славонез. Жирослево. Твердислево — 2. *Турбин Г. А.* Челябинск — 2.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ СССР

Филин Ф. П. Языки-братья — 5. *Ширалиев М. Ш.* Тюркские языки СССР — 6.

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Жуковская Л. П. Графика, орфография и... палеография — 4. *Морозова М. Н.* Топонимы и нарицательные слова — 1. *Мудрая Т. А.* Из двух слов — одно — 1. *Фадеев В. И.* Этимологические дублеты — 5.

ЗА РУБЕЖОМ

Митропан П. Русская речь в иноязычной среде — 2. *Стоун Д.* История изучения русского языка в Англии — 2.

ХРОНИКА

В. Е. Межвузовская конференция по лексикографии — 5. *Дерягин В. Я.* На съезде писателей России — 4. *Еремин В. А.* Международная конференция русистов — 1. *И. В.* IV Межвузовская конференция по языкознанию — 2. Новый журнал («Советская тюркология») — 1. Словарь тюркизов — 3.

КОНСУЛЬТАЦИИ

Народные названия рыб — 5, 6. Словарь начинающего филолога — 1—3. Словарь эпитетов — 1—6. *Степанов Ю. А.* Заикание — 1.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. Д. Любителю истории русского языка (задача) — 3. *Добродомов И. Г.* Суффикс из ничего — 2. Тайная родня — 1. Игры прошлых лет — 3. Кроссворд «Синонимы» — 6. *Ладыгин Н.* Времена года (палиндромы) — 4. Филологический кроссворд — 3, 4. *Чурмаева Н. В.* Древние о мужестве — 4.

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Береснев А., Шибаев А. Стихи — 3. *Суслов В.* Трудные буквы — 1. *Шергин В.* Глухие люди. Небылицы — 5.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Ба! Знакомые все лица — 4. Балка и овраг — 1. Баский. Баской — 2. Бешабашный — 1. Вертеть вола — 6. Втирать очки — 1. Говядина — 5. Голод не тетка — 4. До мозга костей — 4. Деонтология — 6. Дублировать — 1. Захолустье — 1. Кавалькада — 4. Как выделить прямую речь — 1. Камасы и гамаша — 3. «Кина не будет?» — 4. Корточки — 1. Куть. Кут — 2. Лестница — трап — 5. Мини — макси — 6. Можно ли без предлога? — 1. Морочать. Морочает — 2. Напольные весы — 1. Нарочито? нарочно? специально? — 4. [Обзор писем читателей] — 3. Окаинный — 1. Отверждение — 5. Охабень — 4. Папа, мама и имя ребенка — 5. Патриаршие пруды — 4. Планирование. Нормирование — 1. Помидоров и помидор — 2. Попрать и претить — 1. Продукты питания — 5. Род, колено, поколение — 5. Символизм — 6. Склопается ли «поль целых»? — 1. Скучный или скушный? — 5. Слои, слоиться и прислоняться — 6. Сосновый бор или сосновая роща? — 1. Строи — стропа — 1. Тара — 1. Удочерить или усыновить? — 6. У моста или у моста? — 6. Хрушкой. Хрушкой ÷ 2. Часы пик — 1. Челдон — 4.